
СЛАВНЫЕ
БОЛЬШЕВИЧКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Славные большевички

МОСКВА

1958

Оформление художника
Н. СИМАГИНА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга «Славные большевички» посвящается светлой памяти замечательной плеяды женщин-революционерок — старейших деятелей коммунистического движения в нашей стране.

К революционной борьбе их привела ненависть к миру насилия и эксплуатации, стремление найти путь к справедливому социальному строю.

Они вступили в революционную борьбу, когда лишь закладывались основы марксистской революционной партии в России, и под руководством великого Ленина активно участвовали в ее создании.

Всех их объединяли революционный героизм, беспредельная преданность народу, верность идеям коммунизма.

Самоотверженность этих выдающихся большевичек была безграничной. Ни тюрьмы, ни ссылки, ни долгие годы эмиграции вдали от Родины, в разлуке с близкими не могли сломить их воли к борьбе.

Одни из них погибли на боевом посту, едва увидев зарю новой жизни, другие стали крупными партийными и государственными деятелями, активными строителями коммунистического общества.

Жизненный путь этих славных дочерей нашей Родины является примером беззаветного служения народу. Его нужно знать всем трудящимся и особенно нашему молодому поколению, строящему коммунистическое общество.

Книга состоит из отдельных биографических очерков, написанных товарищами, хорошо знавшими этих старей-

ших коммунисток, работавшими вместе с ними, а в некоторых случаях — их близкими.

В сборник включен также очерк о Кларе Цеткин, которая долгое время жила в России, считала Советский Союз своей второй родиной и многое сделала для его развития.

Ни один из очерков не претендует на полноту. В каждом из них отражены лишь основные вехи жизни и деятельности этих замечательных революционерок.

В данный сборник вошли очерки лишь о немногих выдающихся большевичках. Женщин-революционерок, посвятивших свою жизнь борьбе за счастье трудящихся, было множество, и память о них не померкнет в благодарных сердцах народа.

Сборник подготовлен Е. Д. Стасовой, Ц. С. Бобровской (Зеликсон) и А. М. Иткиной.

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ

(Фото 1879 г.)

Родители: Мария Александровна, Илья Николаевич. Дети (стоят слева направо): Ольга, Александр, Анна; сидят — Мария (на коленях у матери), Дмитрий, Владимир.

ЖЕНЩИНЫ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

Семья Ульяновых — братья и сестры Владимира Ильича были революционерами, все они постоянно подвергались арестам, высылке, находились под гласным надзором полиции. Марии Александровне Ульяновой — их матери — выпала тяжелая доля, но это была женщина необыкновенной силы воли и выдержки.

Анна Ильинична Ульянова, арестованная одновременно с братом Александром по делу 1 марта 1887 года о покушении на царя Александра III, рассказывает, как мать приходила к ней на свидания: «Выдержка и поразительная твердость матери обманывали меня... Я не могла допустить, что готовится, а в последние дни заключения — что произошло нечто непоправимое, видя ее хотя потрясенную, грустную, но в полном самообладании... Она была настолько мужественна, что уже после казни брата, о которой она узнала из листка, раздаваемого прохожим на улице, одна она пришла ко мне на свидание и, прося надзирательниц не ставить меня в известность о происшедшем, старалась ободрить меня, настаивала на необходимости мне беречь здоровье, успокаивала меня относительно себя...»

Мария Александровна Ульянова, в девичестве Бланк, родилась 6 марта 1835 года и детство провела в деревне. Отец ее, врач, был передовым по своим взглядам человеком. Он рано овдовел и вместе с тетками Марии Александровны занимался воспитанием детей. Детей было шестеро, воспитывались они по-спартански. Это закалило их физически и нравственно.

Семья жила на ограниченные средства, и Мария Александровна рано приучилась к труду и бережливости. Она получила домашнее образование, изучила под руководством теток иностранные языки, научилась играть па рояле. Самостоятельно подготовилась и сдала экзамен на звание учительницы начальных школ.

Двадцати восьми лет Мария Александровна вышла замуж за Илью Николаевича Ульянова, который был на четыре года старше ее. У них также было шестеро детей: Александр, Анна, Владимир, Ольга, Дмитрий и Мария. Жили родители очень дружно и счастливо. Если между ними и возникали какие-либо разногласия, то они обсуждались наедине, а перед детьми мать и отец всегда выступали «единым фронтом».

У Марии Александровны, несомненно, были большие педагогические способности, благодаря которым она стала замечательным воспитателем своих детей. Интересны игры, которые она изобретала для них. Вот, например, старший сын усаживался на передний стул и изображал кучера, а мать с младшими детьми садилась сзади и рассказывала им о тех местах, по которым они якобы проезжали, о тех встречах, которые происходили по пути.

Это была красивая женщина. В ее лице отражался приветливый, веселый характер, большая нравственная сила и выдержка. Она никогда не повышала голоса, даже замечания детям делала спокойно, с улыбкой, и дети горячо любили свою мать и придавали огромное значение ее слову.

Мария Александровна учила детей грамоте (почти все они умели читать с пяти лет), начаткам знания иностранных языков и прививала им вкус к музыке, так как сама очень любила музыку и, как говорила Анна Ильинична, «одухотворенно передавала ее».

Всю свою жизнь Мария Александровна посвятила детям. Она шла за ними в ссылку, хлопотала о них во время арестов и всячески помогала им в революционной работе. Дети всегда держали ее в курсе всех своих дел, идей, начинаний. Владимир Ильич в письмах делился с матерью своими политическими планами, сообщал о своей работе. Об отношении ее к детям говорит характерный эпизод, описанный в воспоминаниях М. Б. Смирнова.

Мария Александровна была в приемной директора департамента полиции Зволянского, хлопотала за арестованного Владимира Ильича. Из кабинета вышел Зволянский и громко, на всю комнату, сказал, обращаясь к матери Владимира Ильича:

— Можете гордиться своими детками: одного повесили, а по другому, может, также плачет веревка.

Мария Александровна поднялась и, полная достоинства, произнесла в ответ:

— Да, я горжусь своими детьми!

Умерла Мария Александровна восьмидесяти одного года в Петрограде в 1916 году.

Меньше всего можно рассказать о сестре Владимира Ильича Ольге, которая умерла в девятнадцатилетнем возрасте. Известно, что Ольга была очень дружна с Владимиром Ильичем и помогала ему во время сдачи экзаменов экстерном при Петербургском университете в 1891 году. Она в то же время состояла слушательницей Высших женских курсов (Бестужевских). Несомненно, это была одаренная девушка, с широкими интересами, о чем свидетельствует ее сохранившийся конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.

Старшая сестра Владимира Ильича Анна Ильинична в детстве была очень болезненным ребенком. Училась она в Мариинской гимназии, а окончив ее, учительствовала.

Еще гимназисткой Анна Ильинична прочитала всех русских классиков. Огромное влияние оказал на нее Д. И. Писарев своими запрещенными в то время сочинениями. Натура у нее была горячая, и в юности она металась, не зная хорошенько, за что взяться в жизни. На Бестужевских курсах она посвящала свой досуг стихотворным или беллетристическим опытам, мечтая стать писательницей. Пробовала тогда же переводить Генриха Гейне. Позднее она тоже занималась переводами, так как хорошо знала немецкий, французский, английский и итальянский языки. Ей принадлежит перевод сочинения

Э. Амичис «Школьные товарищи», выдержавший несколько изданий.

Когда в 1895 году Владимира Ильича арестовали, Анна Ильинична ходила к нему на свидания в дом предварительного заключения и умудрялась сообщать брату обо всем, что его интересовало. Она пишет об этом: «Свидания с ним были очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать при свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка»».

Анна Ильинична оказывала огромную помощь Владимиру Ильичу в его работе. Сначала это была доставка в тюрьму и в ссылку литературы и всевозможных материалов для его книги «Развитие капитализма в России», потом хлопоты по изданию этой работы и последующих сочинений, что было далеко не легким делом в то время. Анна Ильинична бегает по издательствам, договаривается и о формате книги и о шрифте, а потом наблюдает и за самым печатанием, выполняя работу корректора. Иногда это было особенно тяжело ввиду того, что на ее руках была серьезно болевшая мать. Корректура требовала не только чисто технических, но и глубоких политических знаний, так как зачастую приходилось заменять формулировки, подыскивая такие выражения, которые пропустила бы цензура.

В письмах к Анне Ильиничне Владимир Ильич делился с нею своими мыслями, своими сомнениями, а это показывает, что Анна Ильинична была тесно связана с ним по ряду вопросов его политической деятельности.

Анна Ильинична ведет не только открытую переписку с Владимиром Ильичем, но и конспиративную, применяя химические чернила. Она пишет письма между строками книжек и каталогов, не привлекающих к себе внимания жандармерии.

Анна Ильинична бывала не раз за границей, выполняя различные партийные поручения.

Ее литературные способности проявились в воспоминаниях о старшем брате Александре Ильиче, о Владимире Ильиче и о родителях.

В 1913 году Анна Ильинична переселилась в Петербург и работала там секретарем и членом редакции партийного журнала «Просвещение», работала в редакции газеты «Правда», а с основания журнала «Работница» долго была по сути дела единственным его редактором. Остальные члены редакции были арестованы при подготовке первого номера журнала. Сама Анна Ильинична много раз подвергалась арестам и ссылкам царскими властями. Впервые она была арестована по делу брата Александра, в последний раз — в февральские дни 1917 года.

После Великой Октябрьской социалистической революции Анна Ильинична работала в редакции журнала «Пролетарская революция» и вообще в области истории Коммунистической партии. Она умерла в 1935 году и была похоронена в Ленинграде, на Волковом кладбище, рядом с матерью, сестрой Ольгой и мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым.

Мария Ильинична — самая младшая в семье Ульяновых. В гимназические годы она серьезно хворала, и Владимир Ильич в своих письмах часто напоминал ей о необходимости беречь здоровье, меньше нагружать себя занятиями, не беспокоиться, если отметки будут плохими. Мария Ильинична отвечала на это так: «Уж если что делать, то делать хорошо». Эти слова были девизом всей ее жизни и деятельности.

Мария Ильинична беззаветно любила Владимира Ильича и в письме к одному из рабкоров «Правды» писала: «Это был всегда мой любимый брат». С ранних лет она стала его другом и верным соратником. В 1895 году они вместе с матерью приехали в Петербург, чтобы хлопотать об освобождении Владимира Ильича. Тогда-то Мария Ильинична познакомилась с Надеждой Константиновной Крупской, и с тех пор их связывала самая тесная дружба.

Мария Ильинична училась на московских Высших женских курсах, но не окончила их, потому что они не удовлетворяли ее. В 1898 году она уезжает в Бельгию, в Брюссель, и серьезно занимается там изучением французского языка. Но спустя год ей пришлось прервать эти

занятия, потому что по возвращении в Москву она была арестована и выслана в Нижний Новгород. Для Марии Ильиничны этот арест и высылка были только началом полицейских преследований. Потом ее арестовывали в Москве, в Киеве, в Саратове...

Мария Ильинична использует всякую возможность для изучения французского языка и кончает курс учебы в Париже, где сдает экзамен на звание учительницы французского языка. Кроме французского, она свободно владела немецким и английским языками и в ссылке занималась переводами.

Всегда Мария Ильинична была тесно связана с Владимиром Ильичем. Во время арестов и ссылок она снабжала его книгами, информацией по всем интересующим его вопросам, готовила для него справки о вышедшей за границей политической и экономической литературе.

Мария Ильинична вела большую работу в области женского движения. Она близко принимала к сердцу все, что касалось женщин и детей. Характерны в этом отношении слова, сказанные ею при посещении вместе с Надеждой Константиновной Крупской детского дома в Перми:

«Как это можно не любить таких детей! Ведь это наши дети. Только любовью из них можно воспитать настоящих советских граждан».

С марта 1917 года и до весны 1929 года Мария Ильинична работала бессменным секретарем газеты «Правда» и уделяла огромное внимание воспитанию рабочих корреспондентов. В 1933 году Мария Ильинична была награждена орденом Ленина.

Позднее Мария Ильинична заведовала бюро жалоб Центральной контрольной комиссии и Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. Здесь всегда проявлялась ее необыкновенная чуткость.

Да и потом, когда Мария Ильинична была в Комиссии советского контроля, она буквально горела на работе.

Вспоминаю нашу последнюю встречу с ней. Мы втроем — Мария Ильинична, Надежда Константиновна и я — участвовали в 1937 году на конференции Московской партийной организации. Марии Ильиничне нужно было уйти с заседания для выполнения какой-то срочной

работы. Она, всегда заботливо относившаяся к Надежде Константиновне, попросила меня проводить ее до дома, так как Надежда Константиновна плохо видела. Придя в свой кабинет, Мария Ильинична почувствовала страшную головную боль, вызвавшую обморочное состояние. Припадок прошел, но скоро повторился. Это было кровоизлияние в мозг, от которого Мария Ильинична Ульянова и скончалась там же, в своем кабинете.

После Марии Ильиничны остались немногочисленные литературные работы. Но они представляют большой интерес и ценность. Совместно с братом Дмитрием она написала воспоминания о Владимире Ильиче, а самостоятельно — книгу об отце, Илье Николаевиче Ульянове.

Оглядываясь на прошлое, вспоминая встречи с замечательными женщинами семьи Ульяновых, жалею об одном: о том, что не вела дневника и потому не могу воспроизвести всех встреч, которые всегда оставляли в душе хорошее, теплое ощущение чуткости, ума и женской ласки.

П. ПОСВЯНСКИЙ

АННА ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

(ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО КОМСОМОЛЬЦА)

Настоящие странички воспоминаний о старшей сестре Владимира Ильича Ленина — Анне Ильиничне Ульяновой-Елизаровой ни в какой мере не являются ее биографией. Они касаются лишь последних 10 лет ее жизни (с 1924 по 1935 г.), когда мне посчастливилось работать совместно с ней.

История моего знакомства с Анной Ильиничной такова.

В 1924 году, вскоре после смерти Владимира Ильича, в издательстве Моссовета и Московского комитета комсомола («Новая Москва») возникла мысль об организации серии книг «Воспоминания старого большевика».

Основной целью серии должна была явиться передача опыта старой большевистской гвардии молодому поколению.

Прежде всего нужно было подобрать руководителей и редакторов серии. Решили обратиться к Анне Ильиничне Елизаровой, которая работала тогда в журнале «Пролетарская революция».

Анна Ильинична согласилась нас принять — и вот мы в ее кабинете в здании ЦК.

Она учинила нам «допрос с пристрастием»: подробно выяснила, какие мы ставим себе цели, какой наметили план действия, на какого читателя рассчитываем?

Смущенные строгостью приема, мы несколько опешили и вначале едва ли достаточно толково отвечали на вопросы. Заметив наше смущение, Анна Ильинична улыбнулась, в глазах ее заискрились веселые с хитринкой

огоньки, бросила шутку — и сразу закипела веселая, непринужденная, дружеская беседа. Мы поняли, что мысль наша пришлась по сердцу Анне Ильиничне. И, действительно, на следующий день мы получили ее согласие на редактирование серии.

С тех пор и началась наша совместная с Анной Ильиничной работа, которая продолжалась целое десятилетие, почти до самой ее смерти.

Анна Ильинична с самого начала с исключительной серьезностью и подлинным знанием дела отнеслась к поставленной задаче. Будучи вначале очень занятой в «Пролетарской революции» и в Институте Ленина, в дальнейшем прикованная тяжелой болезнью к постели, Анна Ильинична тем не менее всегда находила время для кропотливой литературной работы.

В серии вышло около 70 книг, многие из них выдержали по три-четыре издания. И это в большой степени заслуга Анны Ильиничны.

Брошюры серии часто писались товарищами, недостаточно искушенными в трудном писательском искусстве. Побывав в руках у Анны Ильиничны, они преображались, выходили обновленными и прежде всего доступными для массового читателя.

Простая и образная манера письма, теплота и сердечность, я бы сказал лиричность, тонкая наблюдательность позволили Анне Ильиничне создать замечательные страницы ее «Воспоминаний об Ильиче» и «Воспоминаний об А. И. Ульянове».

Свои воспоминания о Владимире Ильиче она писала с перерывами — с 1923 по 1925 год. Отдельными главами они печатались в журнале «Молодой большевик». Брошюрой «Воспоминания об Ильиче» были изданы в 1926 г. в издательстве «Новая Москва» в нашей серии.

Анна Ильинична относилась с величайшей педантичностью и строгостью к изданию этой брошюры, сама подбирала к ней в Музее революции фотографии, тщательно правила гранки.

В письме от 22 сентября 1925 года она пишет: «Корректуру книжки я бы хотела просмотреть сама, так как в статьях, написанных с промежутками, могут быть некоторые повторения, отсутствовать необходимые мостики

и т. д., в верстке как будто бы мало красных строк. Включены ли намеченные мною в корректуре?»

В дальнейших изданиях Анна Ильинична вносила кое-какие вставки. Помню, она как-то сказала: «Хотелось бы мне внести в новое издание небольшой отрывочек о том, как Владимир Ильич обучал меня латинскому языку»,— и тут же поделилась со мной этим воспоминанием. «Пустяк, а ведь до чего характерен для Владимира Ильича; как Вы думаете, ведь стоит поместить?»

Анной Ильиничной была написана лишь первая часть воспоминаний об Ильиче, обнимающая период до его возвращения из ссылки. Вторую часть, за исключением двух небольших отрывков, ей не суждено было написать, несмотря на горячее желание заняться этим делом.

Заветной мечтой Анны Ильиничны было оставить свои воспоминания об Александре Ильиче, воссоздать яркий и прекрасный образ горячо любимого ею старшего брата. И она собирала архивные материалы, переписывалась с людьми, лично знавшими Александра Ильича.

Собрав необходимый материал, Анна Ильинична написала свои воспоминания об Александре Ильиче.

Когда книга «Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове» вышла в свет, Анна Ильинична была чрезвычайно недовольна ее ценой — стоимость книги казалась ей слишком высокой. По ее просьбе издательство согласилось снизить цену.

Я неоднократно бывал у Анны Ильиничны дома. Она после смерти матери держала в своих руках бразды правления этой удивительно дружной, спаянной семьи, посвятившей свою жизнь великому делу пролетарской революции, и являлась хранителем семейных традиций.

Любовь и уважение друг к другу, мягкость и сердечность в отношениях, живая беседа, насыщенная юмором, которая постоянно велась в семье, неиссякаемый интерес к делам каждого, гостеприимство привлекали сердца всех, кто сталкивался с этой замечательной семьей.

Анна Ильинична была прекрасным собеседником и рассказчиком; образная и живая речь ее была пересыпана шутками, прибаутками, пословицами, которых она знала великое множество.

Она обладала мягким теплым юмором, любила искренне посмеяться, прекрасно знала людей, умела одной черточкой, остро и ярко охарактеризовать человека.

Анна Ильинична проживала на Неглинной (ныне Манежной улице), напротив Кремля и Александровского парка, около Боровицких ворот. Квартира помещалась на втором этаже. Дверь из небольшой приемной вела в столовую, налево была спальня.

Направо находился кабинет Анны Ильиничны, где основное место занимал огромный старинный письменный стол на двух тумбах. Я шутя называл по-чеховски этот стол: «Уважаемый стол», что смешило Анну Ильиничну. Стол действительно заслуживал всяческого уважения. В его многочисленных ящиках хранились всевозможные семейные реликвии: фотокарточки, письма, рукописи и т. д.

В первые годы совместной работы с Анной Ильиничной я редко встречал кого-либо у нее на квартире: часы работы обычно были утренние или вечерние. Однако достаточно было Анне Ильиничне прихворнуть, как неизменно появлялась Мария Ильинична, которая решительно брала все дела в свои руки. Ее короткое, энергичное рукопожатие, немного строгий взгляд исподлобья, скупость в словах смущали меня, и я немедленно пытался ретироваться; однако Анна Ильинична неизменно говорила: «Маняша, не мешай нам; ты ведь знаешь, что гранки и верстка ждать не любят, редакторы народ строгий. А работа, да еще любимая — лучшее лекарство». Лед ломался, на лице Марии Ильиничны появлялась милая улыбка.

Когда Анна Ильинична уже была тяжело больна и жила в Горках, нередко раздавался звонок по телефону и короткий энергичный «приказ» Марии Ильиничны: «бросайте Ваши дела, едемте в Горки».

Ныне знаменитый дом в Горках, с колоннами и широкой верандой в сторону парка, известен всем; в те годы в нем располагалась семья Владимира Ильича.

В хорошую солнечную погоду Анна Ильинична выезжала на кресле в сад, пересаживалась на летнее, плетеное кресло, и мы вели с ней длительные беседы, решали наши издательские дела.

Неуемна была жажда Анны Ильиничны к работе, живой интерес к жизни, к молодежи, к ее воспитанию.

Редактирование и создание серии книг для молодежи «Воспоминания старого большевика» были по существу последней работой Анны Ильиничны, так как по состоянию здоровья она не могла уже вести систематической работы.

Она дорожила этой ниточкой, связывающей ее с жизнью, с молодежью, с комсомолом.

Анна Ильинична с большой сердечностью и заботливостью относилась к людям. В 1931 году я заболел брюшным тифом; находился дома. Анна Ильинична, будучи уже больной, приехала ко мне, интересовалась, обеспечен ли я всем необходимым, навещают ли меня врачи, нет ли в чем нужды?

Когда я, поправившись, пришел к Анне Ильиничне, она рассказала мне, что брюшной тиф всегда напоминает ей о ее сестре Ольге Ильиничне, которая умерла от этой болезни.

К своей собственной тяжелой и изнурительной болезни Анна Ильинична относилась с терпеливой иронией, постоянно над собой подшучивала, добродушно подсмеиваясь.

Неукротимое желание принимать непосредственное участие в великой социалистической стройке не могло примирить Анну Ильиничну с необходимостью считаться со своим заболеванием. Она рвалась к работе, ежедневно требовала, чтобы ей читали газеты, новые книги и т. д. И по сути дела до последних дней Анна Ильинична работала: она писала воспоминания, редактировала статьи, принимала участие в издании сборника своих статей и т. д.

Анна Ильинична очень любила и прекрасно знала классиков русской и иностранной литературы. Из русских классиков она особенно любила Пушкина и Некрасова.

Мария Ильинична рассказывала мне, что за день до смерти Анна Ильинична читала наизусть в подлиннике стихотворения Гейне, которого считала одним из самых великих поэтов.

Анна Ильинична была исключительно чутким и внимательным человеком. Она умела найти доступ к сердцам простых людей, завоевать их доверие.

Она придавала огромное значение вопросам большевистского воспитания подрастающей смены. Ее постоянно живо интересовала учеба комсомольцев, успехи рабочей молодежи в вузах, на производстве, интересовало, что читает молодежь, как проводит свое время. Любовно радовалась она проявляемым нашей молодежью героизму, ее самоотверженности, преданности партии и нашей социалистической Родине. Особое внимание Анна Ильинична уделяла интернациональному воспитанию молодежи. Ею задумана была специальная брошюра под названием «Почему рабочий должен быть интернационалистом» (к сожалению, работу над ней она так и не успела закончить).

«На нас, пролетариате СССР,— писала Анна Ильинична в этой брошюре,— которому посчастливилось раньше других народов сбросить с себя иго капитализма, лежит великая задача помочь в этой борьбе всем другим народам, всему человечеству».

До последнего своего вздоха Анна Ильинична была пламенным большевиком, беспредельно преданным великому делу Маркса — Ленина.

СЕСТРА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА [1]

12 июня 1937 года умерла от кровоизлияния в мозг Мария Ильинична Ульянова, 59 лет от роду. Вся ее жизнь была неразрывно связана с жизнью и работой Ильича. Росла Мария Ильинична в Симбирске (ныне Ульяновск), отец ее был шестидесятником, неустанно работавшим на фронте просвещения. Семья была очень культурная и жила интересами передовой интеллигенции того времени. Братья и сестры жили очень дружно. Ильич с ранних лет как-то особенно тепло и заботливо относился к младшим — сестре Марии Ильиничне и брату Дмитрию Ильичу, пользовался среди них громадным авторитетом. Девятилетней девочкой видела Мария Ильинична, как мать, старшая сестра Анна, Ильич, сестра Ольга переживали казнь старшего брата, Александра Ильича (8 мая 1887 года). Она на всю жизнь запомнила слова Ильича, сказанные им, когда пришла весть о гибели старшего брата, страстно искавшего путей перестройки всего общественного уклада, в то время когда только еще начинало зарождаться в России рабочее движение. Александр Ильич шел по старому пути — пути борьбы одиночек с безграничным произволом и угнетением. «Другим путем надо идти»,— сказал Ильич, и Мария Ильинична пошла по другому, ленинскому пути.

Ильич был арестован в Петербурге в 1895 году, когда Марии Ильиничне было 17 лет. Она приехала вместе с

матерью и старшей сестрой в Питер, ходила к брату на свиданья, была в курсе начавшего широко развертываться рабочего движения 1896 года. У старшей сестры Ильича училась она тогдашней подпольной конспирации. В 1899 году в Москве Марию Ильиничну арестовали и выслали в Нижний. Вернувшись в Москву, она еще крепче взялась за работу. В начале марта 1901 года Мария Ильинична одновременно с мужем старшей сестры, Марком Тимофеевичем Елизаровым, была арестована по делу московской организации партии, сидела в тюрьме и выслана в Самару.

За границей силами Ильича была в то время организована нелегальная общерусская социал-демократическая газета «Искра». «Из искры возгорится пламя» — таков был лозунг «Искры». Пламя это разгорелось в революционный пожар. Разгорелось потому, что в России была крепкая организация, велась неустанная работа по укреплению связей, организации людей. Все ширились пропаганда и агитация среди масс. Мы называли Марию Ильиничну «медвежонком» за какую-то особую молодую застенчивость, слившуюся с громадной убежденной напористостью. Все чувствовали на себе ее заботу о людях, к которым она горячо привязывалась, заботу о каждой мелочи. «Медвежонка» нельзя было не любить.

В Самаре Мария Ильинична работала в группе так называемых агентов «Искры» вместе с Кржижановскими, Ленгником, Красиковым и другими товарищами, подготовлявшими II съезд партии. Когда в 1903 году произошел раскол на II съезде, Мария Ильинична сразу же стала на сторону большевиков. Работа развертывалась вширь. Приближался 1905 год. В январе 1904 года Марию Ильиничну арестовали в Киеве вместе с Дмитрием Ильичем, его женой и сестрой Анной Ильиничной, Зинаидой Павловной Кржижановской, Р. Образцовой и другими. Выпустили Марию Ильиничну в июне 1904 года. За ней была установлена слежка, работать стало невозможно, и она в конце 1904 года приехала в Женеву, где тогда жил Ильич, и окунулась в острую атмосферу эмигрантской жизни того времени. В 1905 году возвратилась в Питер и вела большую работу среди рабочих. В 1907 году,

когда надвинулась реакция и стал суживаться размах работы, Мария Ильинична под руководством Ильича взялась за перевод «Писем Маркса к Кутельману» и «Писем к Зорге».

Зиму 1908 года Мария Ильинична провела за границей, в Женеве и Париже, училась в Сорбонне (она к тому времени хорошо знала французский язык).

Мария Ильинична остро переживала борьбу, которую вел Ильич с отзовистами, примиренцами, помогала ему в работе. В 1910 году Мария Ильинична поселилась в Саратове, где в 1911 году была арестована по делу саратовской организации и выслана в Вологодскую губернию на 3 года. Там она работала среди железнодорожников, собирала деньги, всячески помогала укреплению большевистской партии. Мария Ильинична всегда окружала Ильича особой заботой: заботилась об его одежде, питании, удобствах, о том, чтобы ему не приходилось думать о мелочах быта.

С марта 1917 года до весны 1929 года Мария Ильинична работала в «Правде» как секретарь, а потом как член редколлегии. Первые годы она работала под руководством Ильича. Ее опыт широкой работы с массами, ленинская привычка прислушиваться к голосу масс сделали ее активным организатором рабкоровского движения. Марию Ильиничну знали многие, но и она знала массу людей, помнила рабочих, среди которых когда-то вела работу, помнила рабкоров.

Тяжело переживала Мария Ильинична покушение на Ильича, его тяжелую болезнь и смерть. Ильича она горячо любила, и он также горячо любил ее. 8 марта 1933 года она была награждена орденом Ленина. На XIV съезде партии она была избрана членом ЦКК, потом вошла в Президиум ЦКК. Она боролась с извращениями линии партии, вникая во все мелочи. С XVII съезда партии — член Комиссии советского контроля, член Бюро Комиссии советского контроля, заведующая Бюро жалоб. На этой работе она как-то особенно развернулась, борясь изо всех сил за линию партии, настойчиво и умело добиваясь ликвидации всяких ошибок, извращений, мешающих налаживанию советской работы. Работа эта ее удовлетворяла, это была живая помощь социалистическому

строительству. Сил своих она не жалела, работая с утра до 3—4 часов ночи, без отдыха, без перерыва. Уже больная, принимала активное участие в работах районной, Московской городской и областной конференций. Придя на работу с конференции, она почувствовала недомогание, слегла и уже не встала.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Ц. БОБРОВСКАЯ (ЗЕЛИКСОН)

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Ближайший друг, соратник великого Ленина, замечательная представительница старой большевистской гвардии, выдающийся боец культурного фронта Советской страны — Надежда Константиновна Крупская, родилась 26 февраля 1869 года в Петербурге, в обедневшей дворянской семье.

Отец Надежды Константиновны — Константин Игнатьевич Крупский, бывший офицер, мать — Елизавета Васильевна Крупская, бывшая гувернантка, придерживались прогрессивных для своего времени взглядов, за что при царском режиме немало натерпелись от систематических преследований.

Родителям Надежды Константиновны приходилось переезжать из города в город, с места на место в поисках работы, в поисках средств к существованию.

Рано узнала Надежда Константиновна материальную нужду, рано началась ее трудовая жизнь. После смерти отца она 14-летней гимназисткой мотается по грошевым урокам, чтобы хоть сколько-нибудь восполнить скудный бюджет матери. Уже в юности Надежда Константиновна в нелегальных студенческих кружках знакомится с теорией Маркса, проникается сознанием, что эта теория является руководством к действию. «Как только стала раскрываться предо мною роль, которую рабочий должен сыграть в деле освобождения всех трудящихся, так неудержимо потянуло меня в рабочую среду, к работе среди рабочих»,— писала потом Н. К. Крупская.

Молодая пропагандистка отправляется в рабочий район Петербурга — за Невскую заставу, поступает пре-

подавательницей в вечернюю воскресную школу, где устанавливает непосредственные связи с рабочими. Эти связи, все более и более укрепляясь, стали неразрывными на протяжении всей ее жизни.

Когда приехавший в 1893 году в Петербург В. И. Ленин начинает поиски кадров для создания будущей пролетарской партии в России, то преподавательница вечерней воскресной школы Н. К. Крупская становится одной из первых его помощниц. К этому времени она уже была связана с целой группой наиболее выдающихся рабочих (Бабушкин и др.), впоследствии явившихся костяком созданного В. И. Лениным в 1895 году петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Огромные трудности стояли на пути пропаганды марксизма в Петербурге, деятельное участие в которой принимала Н. К. Крупская.

Сложность задачи заключалась не только в необходимости преодоления полицейских рогаток для расчистки дороги к рабочей аудитории, но и в той идейной борьбе, которую приходилось вести с народническими воззрениями, еще распространенными тогда как среди передовых рабочих, так и среди революционно настроенной интеллигенции.

Надо помнить, что в то время еще широкое хождение имели утверждения народников о том, что марксизм неприменим к отсталой, аграрной «мужицкой» России, где удельный вес промышленных рабочих в ту пору был небольшим. При переходе от пропаганды к агитации назрела необходимость в расширении выпуска нелегальной литературы, разъясняющей на почве повседневных нужд рабочей массы задачи пролетариата. Н. К. Крупская проявляет большую активность как в собирании конкретных материалов, так и в изготовлении листовок, организуя переписку или печатание их.

Весну и лето 1896 года Н. К. Крупская ведет большую пропагандистскую и организационную работу в связи с широкой стачечной волной, охватившей ряд предприятий Петербурга (знаменитые летние стачки, названные В. И. Лениным промышленной войной столичного пролетариата). Работа эта обрывается 12 августа 1896 года ее арестом.

Очутившись в одиночной камере петербургского дома предварительного заключения, Н. К. Крупская очень быстро устанавливает нелегальную переписку с находившимся уже там с декабря 1895 года В. И. Лениным, письма которого к ней и другим арестованным товарищам дышат бодростью, призывом к дальнейшей борьбе.

Семь месяцев проводит Н. К. Крупская в одиночном заключении. Все это время она использовала для серьезных теоретических занятий. Н. К. Крупская обвинялась в участии в Союзе борьбы, но, кроме шпионских показаний, жандармы никаких материалов для доказательства не имели. Однако они не скоро освободили бы ее, если бы не трагический случай с курсисткой Ветровой, которая, находясь в Петропавловской крепости, облила себя керосином из лампы и сожглась.

Это наделало много шуму, и жандармерия, испугавшись всеобщего возмущения, поспешила освободить политических заключенных женщин, в отношении которых не было достаточных материалов. В том числе была освобождена и Н. К. Крупская.

После освобождения из предварительного заключения последовало распоряжение о высылке ее на три года в Уфимскую губернию. Но к этому времени у Владимира Ильича и Надежды Константиновны уже была договоренность, что они поженятся, и поэтому она ходатайствует о замене ссылки в Уфу ссылкой в Сибирь, в село Шушенское, где находился В. И. Ленин.

Вот как описывает Надежда Константиновна их совместную жизнь с Владимиром Ильичем в селе Шушенском:

«Так живо встает перед глазами то время первобытной цельности и радостности существования. Все какое-то первобытное — природа, щавель, грибы, охота, коньки, тесный, близкий круг товарищей — ездили на праздники — ровно 30 лет тому назад это было — в Минусинск, тесный, тесный круг товарищей — друзей, совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье, дома — мама, домашнее первобытное хозяйство, полунатуральное, наша жизнь — совместная работа, одни и те же переживания, реакции: получили Бернштейна, возмущаемся, негодуем и т. д. Теперь уже, мне кажется,

вообще невозможна такая жизнь. Сложная обстановка очень уже стала. Чего за тридцать лет не наслучалось и чего только не легло на плечи» [1].

Здесь, в Шушенском, помимо постоянной помощи В. И. Ленину в его трудах, Надежда Константиновна пишет под псевдонимом Саблина свою брошюру: «Женщина работница». С большими трудностями рукопись переправляется за границу и в 1901 году печатается в издательстве «Искры». В Россию она была доставлена нелегально и распространялась по фабрикам, где преимущественно работали женщины. Брошюра содействовала вовлечению трудящихся женщин в активную борьбу против бесправия и нищеты.

В январе 1900 года кончался срок ссылки В. И. Ленина. С большим и радостным волнением говорит об этом Надежда Константиновна в одном из своих писем к матери Владимира Ильича.

«Теперь у нас только и разговору, что о дороге. Книги уложили в ящик и свесили, выходит около 15-ти пудов. Книги и часть вещей отправляем транспортом, впрочем, вещей у нас будет, кажется, не очень много. Ввиду морозов хотели заказать кошеву с верхом, но в городе достать нельзя, а тут заказывать сомнительно, такую еще, пожалуй, сделают, что не доедет до Ачинска. Теплой одежи много, авось не замерзнем, да и погода, кажется, собирается потеплеть: Оскар [2] вчера видел где-то облачка, а сегодня утром было только 28 градусов. Хуже всего то, что мама все студится, вот теперь кашляет опять. Мы-то с Володей выходим каждый день, несмотря на морозы, и к воздуху привыкли, а мама не знаю как уж доедет. Хочется, поскорее, чтобы прошло время до 29-го, ехать, так ехать. Положим, отъезд так уж близко, что мама сегодня собиралась было стряпать в дорогу пельмени. Нам советуют брать в дорогу непременно пельмени, остальное все замерзнет. Вот мама и собирается настряпать уйму этого снадобья, без жиру и луку.

[1] Письмо Н. К. Крупской к Инне Александровне Арманд, дочери Инесы Арманд.

[2] Один из ссыльных рабочих, приятель Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

Читается теперь мало. Володя, впрочем, пишет ответ Скворцову. Сегодня отсылаем, наконец, Вебба, препорядочно-таки надоел».

29 января 1900 года В. И. Ленину можно было покинуть Шушенское. У Надежды Константиновны срок ссылки кончался только через год. Отбывать его пришлось в Уфимской губернии. Таким образом, выехав вместе из Шушенского, им пришлось расстаться в Уфе.

Здесь Надежда Константиновна не замедлила связаться с рабочими и развернуть среди них пропагандистскую работу. Уфа была широко использована ею, как город, лежащий на пути из Сибири в центр страны. Через Уфу проезжали ссыльные социал-демократы по окончании своих сроков сибирской ссылки. Этих товарищей она детально знакомила с ленинским планом создания за границей центральной газеты «Искры», вовлекала их в активную борьбу за скорейшее осуществление ленинских планов, а когда, наконец, весною 1901 года кончился срок ее ссылки, она направилась за границу, где жил В. И. Ленин и где с декабря 1900 года уже выходила газета «Искра».

Добравшись в середине апреля 1901 года до Мюнхена и с трудом разыскав В. И. Ленина, Надежда Константиновна немедленно включается в работу и вскоре становится секретарем «Искры». Она устанавливает обширную конспиративную переписку «Искры», как центра партии, с рядом городов России, привлекая особое внимание местных партработников к общепартийным задачам, выдвинутым В. И. Лениным.

Мне в бытность мою за границей много раз приходилось видеть Надежду Константиновну часами сидящей за письмами в Россию. Перед нею лежали ее «тетради», в которых были занесены все сколько-нибудь крупные центры России. Здесь «у нас имеются связи»,— говорила она, называя тот или другой город.

Порою эти «связи» — один единственный человек, но через него можно связаться с передовыми рабочими данной местности, привлечь их к тому, чтобы они писали в «Искру», распространить искровскую листовку на предприятиях, в деревне, в воинской части, и поэтому Надежда Константиновна всемерно старалась сохранить эту связь.

Не жалея сил, она целые дни, с утра до поздней ночи, пишет, шифрует и на эти письма получает живые отклики.

Кроме этой работы, Надежда Константиновна организовывала транспортировку «Искры» и ее изданий в Россию. Впоследствии, когда вокруг «Искры» выросла сеть ее агентов, роль Надежды Константиновны в обеспечении постоянной связи В. И. Ленина с ними была исключительно велика.

Недаром В. И. Ленин перед отправкой того или иного работника из Женевы в Россию на нелегальную партработу после прощальной беседы обычно говорил: «Поговорите о деталях с Надеждой Константиновной». Она была в курсе условий работы в той местности, куда товарища направляли, так как вела самый строгий учет партийных работников на местах и очень хорошо знала, что может и чего не может дать партии тот или иной местный работник. У Надежды Константиновны существовала самая тесная связь с рассеянными по всей необъятной России группами, группочками и одиночками-ленинцами. Она была родным человеком, перед которым работнику партии всегда хотелось быть лучше, но перед которым работник не скрывал и неполадок, касалось ли это общественной работы или личной жизни.

Когда в дальнейшем после II съезда партии разгорелась борьба между большевиками и меньшевиками и особенно в связи с созывом III съезда партии, переписка Н. К. Крупской с большевиками, работавшими на местах в России, приняла огромные размеры. Просматривая хранящиеся в архиве Института марксизма-ленинизма громоздкие папки с копиями ее писем и ответов на них, диву даешься, как она могла все это проделать.

Развернувшиеся в 1905 году революционные события, охватившие всю страну, позволили В. И. Ленину и Н. К. Крупской осенью 1905 года вернуться в Россию. Но ехать приходилось с опаской, ибо аппарат царской власти хотя и был дезорганизован, растерян, но все же действовал.

По прибытии в Петербург Надежда Константиновна в целях конспирации селится отдельно от В. И. Ленина по паспорту Прасковьи Евгеньевны Онегиной. С первых же

дней она отправляется за Невскую заставу, где когда-то начинала свою революционную деятельность.

Здесь она с радостью и гордостью убеждается, что многие из ее бывших учеников воскресной вечерней школы политически выросли и стали активными революционерами-большевиками. Поддерживая постоянную связь со своим районом, Надежда Константиновна одновременно проводит большую организационную работу, выполняя обязанности секретаря ЦК партии.

Надо помнить, что в последние месяцы 1905 года партия хотя и вышла из подполья, но, широко используя легальные возможности, сохраняла и конспиративный аппарат.

В декабре 1905 года Надежда Константиновна принимает участие в общероссийской конференции большевиков, состоявшейся в Таммерфорсе (Финляндия).

После поражения московского вооруженного восстания В. И. Ленин вынужден был оставить Петербург и скрываться в Финляндии. Надежда Константиновна до 1907 года оставалась в Петербурге, наезжая в Финляндию и являясь главным связующим звеном между Лениным, оставшимися еще в России членами ЦК партии и петербургской парторганизацией. Когда в конце 1907 года жесточайшая реакция вынудила партию уйти в глубокое подполье, Надежда Константиновна вместе с Лениным отправилась в новую эмиграцию. Как и во времена «Искры», она неустанно работает над организацией транспорта большевистской литературы из-за границы в Россию, ведет обширную переписку с нелегальными большевистскими парторганизациями, а также с отдельными большевиками в России. Письма ее дышат бодростью, глубоким оптимизмом, верой в грядущее торжество пролетариата.

Но вот тяжелые годы, названные Лениным эпохой разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства и распада, стали подходить к концу.

На фоне нового подъема рабочего движения в России в январе 1912 года в Праге происходит Всероссийская конференция РСДРП, и в том же году в Петербурге начинает выходить большевистская газета «Правда».

Чтобы быть ближе к России, В. И. Ленин летом 1912 года переезжает в Краков.

На Надежду Константиновну, как на неизменного ближайшего помощника Ленина, и здесь ложится работа по налаживанию и поддержке бесперебойной связи с Россией.

Надежда Константиновна, даже в самые трудные времена сохранявшая бодрость и неутомимость в работе, теперь развертывает еще более интенсивную деятельность. О настроениях ее в это время свидетельствуют следующие строки из письма к А. М. Горькому от 17 февраля 1913 года, написанного ею после Поронинского совещания ЦК с членами думской фракции и некоторыми активистами с мест.

«Вот, когда было совещание, мы как пьяные от радости ходили, потому что из докладов выяснилось, что ничего даром не пропало, что рабочая масса, прожив тяжелые годы, подросла, что в самых глухих местах есть свои социал-демократические рабочие организации, хотя не связанные с партийными центрами, но по духу партийные, все время вели работу. Выборы (в Государст. думу.— *Ц. Б.*) сыграли очень большую роль. Пропало то чувство оторванности, которое угнетало так раньше рабочих.

Организация пошла теперь вовсю. Кажется, теперь только стала складываться настоящая рабочая партия».

В конце 1913 года и начале 1914 года Надежда Константиновна участвует в создании журнала «Работница». В первом номере этого журнала появляется ее статья.

В связи с разразившейся первой мировой войной Надежда Константиновна всемерно помогает В. И. Ленину в организации всех предварительных совещаний и конференций, служивших подготовкой для созданного им впоследствии Коммунистического Интернационала.

В Международной женской конференции, созванной в Берне в марте 1915 года, она принимает непосредственное участие, борясь за позицию большевиков в вопросе о войне и отношения ко II Интернационалу.

Одновременно с этими общепартийными делами Н. К. Крупская работает в области своей давнишней специальности — по педагогике.

В 1915 году была готова ее книга «Народное образование и демократия». Этой книге В. И. Ленин придавал большое значение, о чем свидетельствует одно из его писем того времени к Горькому:

«Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены: «Народное образование и демократия».

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения. Не знаю, в состоянии ли Вы сами урвать время для чтения и интересуетесь ли...

Изменения в школе новейшей, империалистской эпохи, очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России.

Вы очень обяжете меня, если посодействуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры. Спрос на литературу этой области, верно, сильно возрос теперь в России.

Лучшие приветы и пожелания.

В. Ульянов»

Волнующее, радостное известие, что царское самодержавие свергнуто, что «залитая кровью и грязью телега романовской монархии опрокинулась», застает В. И. Ленина и Надежду Константиновну в нейтральной Швейцарии — в Цюрихе, откуда они с огромными трудностями, в обстановке продолжавшейся войны прорываются на родину. Они приезжают 3 апреля 1917 года в Петроград, где В. И. Ленин выступает со своими знаменитыми Апрельскими тезисами. Перед большевиками во весь рост была поставлена гигантской важности задача — разъяснить широким массам, опьяненным первыми успехами революции, предательский характер Временного правительства, мобилизовать их на борьбу за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Надежда Константиновна с первых же дней приезда входит в самую гущу народных масс. Она работает среди рабочей молодежи, среди женщин, неся им большевистское слово, большевистские идеи.

За май — июнь 1917 года она помещает ряд статей в «Правде», а в июле выступает на 2-й Петроградской партконференции с докладом, в котором доказывает необходимость обратить серьезное внимание на организацию рабочей молодежи.

Она работает в Выборгском районе и здесь близко подходит к солдаткам, став заведующей Районным отделом комиссии помощи солдаткам. «Солдатки нам не верят», созналась ей при передаче дел либеральная дама — жена Петра Струве, до того ведавшая этим отделом.

Само собой разумеется, что Надежде Константиновне солдатки поверили, что она сумела найти с ними общий язык.

Надежда Константиновна была поглощена огромной работой в гуще масс. Дни и ночи она проводила в своем Выборгском районе. Но ведь быть среди масс, изо дня в день, из часа в час разъяснять им, кто друг и кто враг, мобилизовывать на борьбу за интересы трудящихся всю жизнь являлось самым близким, самым дорогим сердцу Надежды Константиновны.

В августе 1917 года Н. К. Крупская участвует в работах VI съезда партии, который подчеркнул, что мирный период революции окончен и что наступил период «схваток и взрывов».

Будучи активным членом Выборгского райкома партии, Надежда Константиновна держит связь с расквартированным в районе пулеметным полком, принимает участие в организации вооружения рабочих и в подготовке сандружинниц.

В самые дни восстания, в дни Великой Октябрьской социалистической революции она в гуще народных масс, мобилизует их на свержение капиталистического строя и завоевание диктатуры пролетариата.

Новый 1918 год Н. К. Крупская и В. И. Ленин решили встретить вместе с рабочими Выборгского района. Неожиданное появление их в зале было встречено собравшимися рабочими с бурной радостью. Вспоминая потом

об этом вечере, Надежда Константиновна с присущей ей скромностью говорила: «Ленину рабочие устроили овацию, подверглась той же участи и я».

После переезда Советского правительства в Москву Надежда Константиновна с головой уходит в работу по созданию культурно-просветительных учреждений.

Еще с 90-х годов прошлого века она много времени отдавала изучению трудов, посвященных проблемам воспитания и просвещения. Будучи в эмиграции, она знакомилась с практикой школьного дела в различных странах Европы. В легальных российских педагогических журналах было напечатано немало замечательных статей, в которых Надежда Константиновна противопоставляла казенную школу бессмысленной муштры свободной школе будущего.

Сеть школ, курсов, библиотек, клубов, изб-читален приходилось создавать в условиях голода, разрухи, проявлявшегося еще саботажа интеллигенции, в условиях начавшегося наступления объединенных сил контрреволюции. Крупская отдает много сил налаживанию работы по ликвидации безграмотности и малограмотности трудящихся — этого позорного наследия царизма.

Когда в связи с решением VIII съезда партии о развертывании разъяснительной работы в деревне был оборудован агитпароход «Красная звезда», то с этим пароходом отправилась и Н. К. Крупская. Маршрут парохода был намечен от Нижнего до Камы, вверх по Каме и затем вниз по Волге.

«Красная звезда», идя по следам интервентов, должна была проводить митинги, собрания, совещания с местными партийными и советскими работниками, подчиняя всю свою работу одной цели — укреплению Советской власти на местах.

Повсюду, где «Красная звезда» делала остановки, Надежда Константиновна выступала на митингах и собраниях, проводила различные совещания, инструктировала местное учительство.

Свои впечатления о виденном и слышанном она записывает в дневник.

Тяжелое впечатление произвел на нее митинг на Воткинском заводе, откуда только что были изгнаны белые.

Они свирепствовали там с особой силой. В частности, ими разгромлен был молодежный клуб и многие организаторы и члены этого клуба были расстреляны. На заводе почти не было семьи, которая не оплакивала дочку или сына, погибших от руки белобандитов. Когда по окончании митинга, прошедшего с большим подъемом, запели «Вы жертвою пали», то раздались рыдания всего зала.

После митинга рабочие сообщили Надежде Константиновне, что расправа белобандитов не запугала молодежь. Она немедленно по изгнании белых соорудила новый клуб на том же самом месте, где был разгромленный.

Однажды, рассказывает Надежда Константиновна, после ее выступления на митинге к ней подошла женщина-работница и, похвалив выступление, сказала, что она хорошенько тут поплакала, вспомнила 19-летнего сына, погибшего на фронте. «Знаю, за правое дело, а жалко»,— сказала она и тут же, радостно улыбнувшись хорошей материнской улыбкой, добавила: «Младший сын тоже слушал Вас. 13 лет ему, прибежал, говорит: «Мама, я все понял», он уже все понимает».

В поездку на пароходе «Красная звезда» Надежда Константиновна отправилась полубольной: обострилась базедова болезнь, которой она страдала, и тем не менее эта работа так пришлась ей по сердцу, что с большим трудом уговорили ее вернуться в Москву. Несмотря на болезнь, она хотела оставаться здесь на длительное время.

Совершенно исключительную нежность чувствовала Надежда Константиновна к детям. Очень горевала, что у нее нет своих детей. В письме к дочери Инессы Арманд, с которой она поддерживала постоянную переписку, когда та жила со своей девочкой в Германии, она пишет: «Ешь ты побольше, надо это для ребенка, о том, чтобы понянчить его, не приходится мне и мечтать, а хорошо бы было. Подумай, привыкла бы ко мне, ручонки протянула, улыбнулась... Так я хотела когда-то ребенка... Бережешь ли ты себя? Ужасно жалко, что ты так далеко. Ты знаешь, что я умею очень быстро завоевывать симпатии малышей, умею такие рожи выкидывать и такие глаза запускать, что они начинают ко мне тянуться вовсю. Я себя сдерживаю обычно и стараюсь с ребятами романов не заводить...

Хорошо ли ты отдыхаешь и хорошо ли себя чувствует Инесочка? По-моему, постоянное пребывание с нею должно влиять на тебя чудодейственно.

У меня тоже ребята завелись. Во-первых, какой-то кочегар города Читы преподнес мне в первых строках своего письма новорожденного младенца Владимира, а во-вторых, на днях меня угораздило попасть на Октябрины, и я заместо попа нарекала младенцу имя Владлен — так хотели родители — рабочие Голутвинской мануфактуры».

Надежда Константиновна проявляла большую заботу по созданию детских учреждений — детдомов, яслей, садов. Ей писали, к ней шли за советами и указаниями пионеры, комсомольцы, женщины, рабочие, крестьяне, учителя, библиотекари, избачи. Она часто досадовала, что не успевает откликнуться на все обращенные к ней письма.

Надежда Константиновна не прерывала работы даже в тягчайшие месяцы болезни Ленина, когда, как она выражалась, «казалось, что по обрыву ходишь». Мужество не покидает ее и в страшные дни, когда Ленина не стало. 26 января 1924 года на траурном заседании съезда Советов она выступает с большой речью. Характерно для морального облика Надежды Константиновны ее заявление, что только в эти скорбные минуты она решается подчеркнуть личные качества Ленина.

Страна Советов мужала, крепла. На глазах Надежды Константиновны развертывалась новая жизнь, и она радовалась тому, что претворялись в действительность самые смелые мечтания людей ее поколения. 15 ноября 1937 года, выступая перед своими избирателями, серпуховскими текстильщиками, выдвинувшими ее кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, она говорила:

«На мою долю выпало великое счастье видеть, как наша страна из страны темной, из страны бедной, из страны, затоптанной царизмом, помещиками и капиталистами, превратилась в страну социализма. Это — величайшее счастье».

Надежда Константиновна вела огромную работу в области народного образования. В одном из своих писем И. А. Арманд она говорит:

«Ужасно много делишек. Хочешь знать, что мне полагается знать и во что вникать? В дела коллегии, в дела Гуса[1] в целом, в дела Научно-педагогической секции Гуса, каковые состоят в методическом руководстве дошкольным делом, школами I-й ступени, школами подростков, школами семилетками, 2-мя концентрами (9-ти летками), школами крестьянской молодежи, педтехникумами, педвузами, музыкально-ритмической п/секцией, изо, тео (школьным), учебниками, учебными пособиями, детской книгой, пионервожатыми, беспризорными, бюджетом времени подростка, всеобщим обучением и т. д. и т. п.

Затем делами Главполитпросвета: ликбезом, курсами взрослых, совпартшколами, комвузами (в изв. части), клубами, избами-читальнями, библиотеками, передвижками, радио, селькино, деревенской книгой и т. д. и т. п.».

В другом письме она пишет: «...Видишь ли, я в этом году веду в вузе одном курс «Основы политпросветработы».

Берет это у меня уйму времени. Аудитория большая — 240 штук. Приходится на это дело тратить 4 часа еженедельно (публику делят на 2 аудитории). Жрет много времени подготовка. Да потом я записываю лекции, и они выходят выпусками. Первые два выпуска уже вышли. О чем я говорю в этих лекциях? О советской власти и ее влиянии на повышение уровня культуры, о роли индустриализации в этом повышении, о том, какое место занимают массы в учении марксизма и ленинизма, о том, как эти массы надо изучать, как изучать ту конкретную обстановку, в которой массы живут, о пропаганде и агитации, об организации масс и т. д. и т. п. У меня Комвуз, в том числе аудитория коммунистическая.

Мы все — и я и ребята — весьма увлечены сим курсом. Молодежь чудесная, рабочая и крестьянская, энтузиастически настроенная, над которой стоит поработать».

В архиве Академии наук СССР хранится протокол общего собрания, на котором 1 февраля 1931 года происходило избрание Н. К. Крупской в почетные академики.

[1] Государственный Ученый Совет при Наркомпросе.— *Ред.*

К представлению приложена характеристика общественной и научной деятельности Н. К. Крупской и перечень около 100 ее печатных работ по самым разнообразным вопросам истории революционного движения, педагогики, строительства социализма. Среди них особое место занимают ее замечательные «Воспоминания о Ленине».

Деятели науки высоко оценили заслуги Надежды Константиновны в развитии нашей исторической и педагогической науки.

Никогда Надежда Константиновна не довольствовалась тишью кабинета. Она всегда считала обязательным для себя выступать на собраниях и митингах трудящихся. Ее неизменно видели на трибунах рабочих собраний в Международный женский день — 8 марта, в день Конституции, 1 мая, 7 ноября, в дни памяти В. И. Ленина. Среди рабочих и особенно среди женщин-работниц Надежда Константиновна всегда чувствовала себя в родной стихии.

С первого взгляда казалось удивительным, как это она, такая хрупкая, справляется с таким обилием работ.

Разгадка приходила сама собой: глубокой, горячей была вера Надежды Константиновны в творческие возможности освобожденных народов нашей великой Родины.

«Расти люди должны и умом и сердцем,— писала она А. М. Горькому.— И на базе этого индивидуального роста в наших условиях сложится, в конце концов, какой-то новый по типу мощный социалистический коллектив, где «я» и «мы» будет сливаться в неразрывное целое. Вырасти такой коллектив сможет лишь на основе глубокого идейного сплочения и столь же глубокого экономического сближения, взаимопонимания».

Всей своей деятельностью Надежда Константиновна способствовала росту людей «умом и сердцем».

Надежда Константиновна неизменно начинала свой рабочий день рано утром, а кончала глубокой ночью. Оторвать ее от работы было очень трудно. Вот в каком тоне говорит она в письме к товарищу о своем отдыхе в Кисловодске в 1937 году: «Тут плохо, по-моему,— очень курортно, я себя чувствую без работы, как рыба, выброшенная на берег,— совсем дико».

Здесь мне хочется привести одну деталь, свидетельствующую о поразительной скромности Надежды Константиновны. Это было в ее кабинете в Наркомпросе. Собираюсь уходить. Она берет меня за рукав и спрашивает:

— Не очень я похожа на бюрократа, сидя вот тут в кресле в этом большом кабинете?

— Надежда Константиновна и бюрократ — бывают же на свете такие несовместимые вещи,— только и могла я ответить.

Последнее письмо, написанное Надеждой Константиновной в феврале 1939 года, за несколько дней до ее кончины, было адресовано ученикам одной школы. Дети спрашивали, какие песни больше всего любит Крупская. «Самая любимая моя песнь,— ответила она ребятам,— «Интернационал»».

24 февраля Надежда Константиновна правила стенограмму прочитанной ею незадолго до того лекции о пропаганде. 26 февраля наш народ с большой любовью и уважением отметил семидесятилетие неутомимого борца за дело коммунизма товарища Крупской.

27 февраля 1939 года на рассвете прекрасная жизнь Надежды Константиновны неожиданно оборвалась.

Не только советские люди, но и трудящиеся всех стран любовно хранят память о самоотверженном борце за коммунизм — Надежде Константиновне Крупской.

КЛАРА ЦЕТКИН

А. ИТКИНА

КЛАРА ЦЕТКИН

Выдающийся деятель международного рабочего и коммунистического движения, соратник Энгельса и Ленина, К. Цеткин оставила неизгладимый след в истории борьбы за социализм.

В. И. Ленин очень высоко ценил Клару Цеткин, как страстную революционерку, как пламенного борца против оппортунизма во II Интернационале.

Жизнь и деятельность Цеткин теснейшим образом связана с революционным движением России, с борьбой Коммунистической партии Советского Союза.

Клара Цеткин говорила: «Соприкосновению с русским революционным движением я обязана всем, что представляю собою как человек».

Она одной из первых за рубежами нашей Родины приветствовала победу Великой Октябрьской социалистической революции, защищала ее от грязных и клеветнических нападок врагов.

Многие годы жизни Цеткин провела в Советском Союзе, считая его своей второй родиной. За выдающиеся заслуги перед нашей Родиной Советское правительство наградило ее орденом Красного Знамени и орденом Ленина.

Клара знала и любила русских рабочих и работниц, восхищалась мужеством и героизмом русского народа, видела в его самоотверженной борьбе пример для трудящихся всего мира, а в опыте большевистской партии — образец для коммунистических партий других стран.

Ее жизнь принадлежит не только рабочему классу Германии, хотя для него она сделала больше всего, но и трудящимся всего мира, в том числе трудящимся Советского Союза, среди которых она жила, работала, боролась.

* *
*

Клара Цеткин родилась 5 июля 1857 года, в деревне Видерау, расположенной в Саксонии, недалеко от Рудных гор, в семье сельского учителя Готфрида Эйснера.

Отец Клары — культурный, трудолюбивый и добрый человек, пользовался уважением среди односельчан. Они видели в нем своего человека, так как он сам был из крестьян.

Мать Клары получила хорошее образование и воспитание, знала литературу, интересовалась искусством, была настроена в духе освободительных идей французской революции, высказывалась за равноправие женщин.

Клара росла резвым смышленым ребенком.

Когда Кларе минуло 14 лет, родители ее расстались с насиженным гнездом и переехали в Лейпциг, чтобы дать надлежащее образование детям.

Клара с детства мечтала стать учительницей. Примером служила благородная и полезная деятельность ее отца.

В Лейпциге в 1874 году, блестяще сдав вступительные экзамены, она была принята в учительский семинар, во главе которого стояла видная деятельница буржуазного женского движения Августа Шмидт.

Под ее влиянием среди преподавателей и учащейся молодежи шли дискуссии о праве женщин на труд, на образование, на свободный выбор профессии, словом — о женском равноправии. К ним внимательно прислушивалась Клара, критически оценивая все, что говорилось.

Путь буржуазных феминисток ее не удовлетворял, он не указывал выхода из тяжелого подневольного положения женщин труда.

«Будучи молодой девушкой, я мечтала о женщинах французской революции...» [1] — признается она в одном

[1] Архив Ф. Меринга, ф. 201, хранящийся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, Письмо от 16 ноября 1904 года.

из писем к своему другу и боевому соратнику Францу Мерингу.

Воображение Клары рисует ей образ свободного человека, живущего в условиях социального равенства и братства.

Она увлекается революционной поэзией Гейне и Фрейлиграта, она «жаждет подвигов и дел».

Ранняя молодость Клары совпадает с тем периодом, когда под влиянием «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса, вышедшего в 1848 г., революционной деятельности I Интернационала в Германии и, в частности, в Саксонии возникают рабочие просветительные, кооперативные, профсоюзные организации. Идеи марксизма овладевают сознанием наиболее передовых рабочих.

Однажды Клара попадает на собрание «Союза рабочего образования» в Лейпциге и слушает замечательный доклад друга и соратника Маркса и Энгельса — В. Либкнехта, который часто выступал в этом обществе.

В Лейпциге Клара через знакомую девушку попадает в кружок русских революционеров-эмигрантов. Там она встретила своего будущего мужа — Осипа Цеткина. Он был выходцем из России, состоял членом Германской социал-демократической партии, для заработка занимался столярным ремеслом. Осип Цеткин был образованным марксистом, человеком незаурядных способностей, одним из передовых борцов за социализм.

Клара систематически начала изучать произведения Маркса и Энгельса, Лассаля, знакомилась с работой партии.

«Коммунистический Манифест», о котором впоследствии Клара писала, что он «останется выдающимся памятником всемирной литературы, пока мысли имеют смысл, а слова имеют звук», произвел на нее огромное впечатление, он в значительной мере определил ее жизненный путь.

Наконец, дорога была найдена, путь ясен!

Время смутных, вольнодумных устремлений, продиктованных больше велением сердца, чем пониманием законов общественного развития, уже позади.

Теперь она знает, с кем она и куда ей надо идти. Теперь она понимает, что путь к равенству, к уничтожению бедности и эксплуатации, к освобождению женщин лежит через борьбу за социализм.

* *
*

1878 год. Буржуазно-помещичье правительство Германии дрожит от страха перед растущим рабочим движением.

«Призрак коммунизма» уже давно «бродит по Европе».

Рейхсканцлер Германии Бисмарк, известный под названием «Железного канцлера», проводит через парламент «исключительный закон против социалистов». В течение нескольких дней на основании этого закона была закрыта вся социал-демократическая и профессиональная печать, распущены профсоюзы, культурно-просветительные организации, во главе которых стояли социал-демократы. Партия перешла на нелегальное положение. Сотни революционных немецких рабочих были вынуждены покинуть Германию. Полиция и суды творили свое беззаконие над революционными деятелями.

В это мрачное, но боевое время Клара вступает в ряды германской социал-демократии.

Жертвой преследований полиции становится и ее друг Осип Цеткин. В 1880 году он был арестован и выслан из Германии. Он едет в Париж. Усилившиеся преследования вынуждают и Клару эмигрировать. С дипломом об окончании Учительской семинарии она направляется в Австрию, затем в Италию, где зарабатывает себе на жизнь трудом воспитательницы.

Летом 1882 года Клара переехала в Швейцарию и поселилась в Цюрихе. Здесь издавался нелегальный центральный орган Германской социал-демократической партии «Социал-демократ», который в то время был боевым, революционным органом марксизма. Сам Энгельс следил за идейным направлением газеты. Как писала Клара Цеткин, «Социал-демократ» «мешал спокойному пищеварению германской буржуазии и нарушал ночной покой ее героя — Бисмарка» [1].

«Социал-демократ» из Цюриха нелегально переотправлялся в Германию. Душой нелегальной экспедиции

[1] *Клара Цеткин,* Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии, изд. Коммунистической академии, 1929, стр. 151.

был ткач Юлиус Моттелер, прозванный «Красный почтмейстер». Клара стала его помощницей. Перевозка газеты через границу была сопряжена с большой опасностью. Граница охранялась многочисленными отрядами таможенной стражи и целой армией шпионов. Шпионы следили день и ночь и за типографией и за квартирой Моттелера, писала Клара.

В Цюрихе Клара оставалась недолго, ее тянуло в Париж, где находился Осип Цеткин. В Париже она вышла за него замуж. Здесь у нее родились два сына — Максим и Константин.

Париж в то время был одним из центров революционной эмиграции. Клара установила контакт не только с немецкими, но также с итальянскими, русскими и польскими эмигрантами-революционерами. Благодаря этим связям ее знания значительно расширяются и обогащаются.

Жизнь в эмиграции была трудна, подчас полна горестных переживаний и крайней материальной нужды.

Вот как описывает жизнь Клары Цеткин в это время В. Пик:

«На скамейке одного из парижских бульваров сидит бедно одетая молодая женщина с двумя маленькими детьми. Это — Клара Цеткин. Младший ребенок родился всего лишь два месяца тому назад... Клара сидит здесь уже несколько часов и терпеливо ждет возвращения мужа. В этот день, утром, в их квартиру ворвалась полиция, чтобы выселить всю семью и конфисковать их вещи. Цеткины, с трудом добывавшие средства к существованию переводами и другими мелкими работами, не в состоянии были внести очередную плату за квартиру...

Осип Цеткин обратился к своим политическим друзьям за помощью. Ему удалось занять у них немного денег и снять новую меблированную комнату. Но когда они прибыли в новую квартиру, привратница дома, увидев малышей, отказалась впустить их...

И снова Клара Цеткин с мужем и детьми очутилась на улице. Приближалась ночь. Семья оставалась без крова. Наконец им посчастливилось: они встретились с

одной русской революционеркой-эмигранткой, которая предоставила в их распоряжение свою комнату, пока им не удастся найти новое жилище» [1].

Но вот заболел Осип, и жить стало еще тяжелее. Все материальные тяготы по содержанию семьи легли на плечи Клары. На ее глазах медленно угасал муж — верный ее друг, отец ее детей.

«Никогда, никогда я не забуду того страшного дня. И тогда, и теперь мне кажется, что этот день был без начала и без конца, был бесконечностью. Осип лежал почти два года, парализованный в нижней части туловища. Врач подготовил меня к тому, что он приближается к концу, и, несмотря на это, я хваталась за надежду на чудо. Но наступило ужасное 29 января 1889 года. Я не спала всю ночь, работала, ухаживала за Осипом, давала ему лекарства. Около пяти часов утра я ясно почувствовала: смерть пришла за жизнью. Я была одна с умирающим и двумя маленькими детьми»,— так вспоминает Клара эту тяжелую полосу в своей жизни в письме от 20 ноября 1923 года к своему другу Е. Д. Стасовой.

Несмотря на то, что жизнь была невыносимо тяжела, бодрость никогда не угасала в душе Клары.

Ощущение радости жизни, умение подняться над горестями текущего дня и разглядеть за ними прекрасное будущее необычайно роднили Клару с Розой Люксембург, с которой ее связывали десятилетия совместной борьбы и самой нежной привязанности.

В конце 80-х годов прошлого столетия в рядах социалистических партий шла лихорадочная подготовка к созыву Учредительного конгресса II Интернационала. Клара тоже деятельно готовилась к нему. Она принимала активное участие в идейной борьбе французских марксистов против крайне правых социалистов, так называемых «поссибилистов» и анархистов.

Незадолго до конгресса она написала статью в газете «Берлинская народная трибуна» под названием «Международный рабочий конгресс и разногласия среди французских рабочих».

[1] *В. Пик,* Клара Цеткин, изд. ЦК МОПР СССР, М. 1936, стр. 7—8.

16 мая 1889 года в письме к Полю Лафаргу по поводу этой статьи Энгельс писал: «Клара Цеткин написала превосходную статью в «Berliner Volkstribüne»; если бы мы имели такое ясное изложение фактов три месяца тому назад, то выиграли бы очень много» [1].

В Париже Клара Цеткин сблизилась с видными деятелями французского социалистического движения: лидером Французской рабочей партии Жюлем Гедом, с Полем Лафаргом и его женой Лаурой, дочерью Маркса. Эта близость содействовала росту Клары Цеткин как политического деятеля.

Благодаря своим литературным выступлениям и докладам, в частности среди немецких эмигрантов, Клара становится популярной в Германской социал-демократической партии, и ее избирают делегатом на Учредительный конгресс II Интернационала, состоявшийся в 1889 году в Париже.

На конгрессе Клара выступила с большой речью о женском труде и политической работе среди женщин.

Речь Цеткин и перевод ее, сделанный дочерью Маркса Элеонорой Эвелинг, как отмечается в протоколах конгресса, были встречены дружными аплодисментами.

Н. К. Крупская в своей брошюре о К. Цеткин отмечает, что один из первых марксистских кружков в России, к которому Надежда Константиновна тогда принадлежала, отгектографировал протоколы Учредительного конгресса II Интернационала, и речь Цеткин читалась с большим волнением.

Выступление Клары на конгрессе было одним из ее первых крупных выступлений на международной арене, имевшим большое принципиальное значение.

* *
*

В 1890 году под давлением растущей борьбы рабочего класса «исключительный закон против социалистов» в Германии был отменен. Сотни и тысячи эмигрантов

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVIII, 1940, стр. 114.

возвратились на родину, чтобы там продолжать борьбу. Клара Цеткин со своими детьми также вернулась в Германию.

Она ведет активную борьбу за революционные принципы марксизма.

В 1892 году руководство социал-демократической партии назначило ее редактором женского журнала «Равенство». Журнал находился в самом жалком состоянии, и она сумела быстро превратить его в могучее средство организации трудящихся женщин. Журнал «Равенство» выполнял не только задачи, связанные с организацией работниц, он стал трибуной наиболее революционной части германской социал-демократии.

С каждым годом росло влияние Клары Цеткин на массы работниц, повышался ее авторитет непревзойденного руководителя трудящихся женщин.

Развивая взгляды основоположников марксизма на женский вопрос, Клара Цеткин боролась за создание подлинного пролетарского, массового движения трудящихся женщин, преодолевая сопротивление тех элементов, которые готовы были растворить его в буржуазном движении феминисток.

Еще на съезде в Готе в 1896 году Клара в своей речи сказала:

«Нам надо вести не специальную женскую агитацию, а социалистическую агитацию среди женщин».

Энгельс с одобрением отзывался о борьбе Клары Цеткин за чистоту марксистских принципов в женском движении.

Когда после долгих усилий ей удалось сломить сопротивление редакции газеты «Форвертс» (центральный орган Германской социал-демократической партии) и добиться напечатания своей статьи, в которой она выступала против поддержки социал-демократками петиции буржуазных женских обществ, Энгельс писал:

«Клара права и добилась того, что ее статья, вопреки долгому и упорному сопротивлению, была принята. Браво, Клара!» [1]

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIX, стр. 377.

Клара Цеткин пишет ряд брошюр по вопросам женского движения, представляющих и поныне большую ценность. Широко известна была ее брошюра «Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм».

Большой популярностью пользовалась ее брошюра «Женщина и ее экономическое положение».

В 1905 году Клара написала работу о начале женского рабочего движения в Германии.

Эта книга была впоследствии дополнена и под названием «Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии» издана в Москве в 1929 году секцией по изучению теории и практики женского рабочего движения, созданной при Коммунистической академии. Инициатором создания этой секции и ее руководителем была К. Цеткин.

В 1906 году Клара Цеткин написала брошюру об избирательном праве для женщин.

Роза Люксембург, с которой Клара советовалась по всем принципиальным вопросам, читала эту брошюру в корректуре и по поводу нее писала:

«Дорогая Клерхен! Я читала корректуру твоей брошюры с большим удовольствием и большой радостью. Существо вопроса столь замечательно, ясно, остро и убедительно изложено, что я совершенно не знаю, какие замечания можно было бы еще сделать».

Принципы, изложенные в этой брошюре, она отстаивала в своих выступлениях на первой Международной конференции социалисток в Штутгарте в 1907 г. и в комиссии Штутгартского международного социалистического конгресса, на котором Клара Цеткин впервые встретилась с Владимиром Ильичем Лениным.

Она была уже известна не только как выдающийся деятель женского рабочего движения, но и как пламенный борец против оппортунизма во II Интернационале, как один из руководителей левого крыла, так называемых «радикалов» в германской социал-демократии, борьба которых, хотя и не была вполне последовательной, имела важное значение.

Владимир Ильич Ленин приветствовал выступления Клары Цеткин на конгрессе и ее статьи по поводу конгресса в журнале «Равенство».

Говоря о «наиболее вдумчивых» и «выдающихся» вожаках немецкой социал-демократии, которые, «отбросив всякий ложный стыд», выступили против оппортунизма, В. И. Ленин указывал на Клару Цеткин, которая прямо заявила, что представители Германской социал-демократической партии на Штутгартском конгрессе возглавляли оппортунистическое течение.

По инициативе Клары Цеткин во время Штутгартского конгресса было создано Международное женское бюро для объединения и руководства всем международным женским пролетарским движением. Клара Цеткин, как признанный руководитель этого движения, была избрана секретарем бюро.

Блестящий оратор, Клара Цеткин часто выступала на митингах рабочих и работниц в различных городах Германии, а также за пределами ее, привлекая огромные массы слушателей. В ее речах поражало умение владеть словом, образность и страстность речи, сила и убедительность аргументации, простота и доступность. Ее пламенные речи поднимали на борьбу.

Клара была неутомима, она могла неделями работать по 18 часов в сутки. Временами работа настолько изнуряла ее, что она доходила до полного изнеможения. Даже во время болезни она не переставала писать, готовиться к выступлениям и пр.

Р. Люксембург однажды сказала, что говорить с Кларой об отдыхе «все равно что со стеной. Совершенно безнадежное дело».

Борьба требовала всей жизни, всех сил, и Клара щедро отдавала их во имя лучшего будущего человечества.

* *
*

Клара Цеткин, глубоко познав теорию научного социализма Маркса, на протяжении всей своей революционной деятельности боролась против ревизионизма.

Как один из руководителей революционной левой во II Интернационале и в Германской социал-демократической партии К. Цеткин выступала против правых социал-демократов, толкавших рабочий класс на путь постоянных сделок с буржуазией, против реформизма, бернштей-

нианства, заменившего идею социальной революции проповедью реформ и классового мира.

ЦК ВКП(б) в своем приветствии К. Цеткин в день ее 75-летия подчеркивал, что Цеткин «со всей силой своего большого ума и революционной страсти восстала против бернштейнианства, против ревизионизма».

Еще в 1898 году на Штутгартском съезде германской социал-демократии прозвучала ее резкая и непримиримая отповедь Бернштейну.

В борьбе за революционные принципы марксизма она не щадила друзей и признанные авторитеты.

Так, в 1895 году на съезде в Бреслау она выступила против А. Бебеля и В. Либкнехта, занявших оппортунистическую позицию в аграрном вопросе.

Клара зло высмеивала охоту правых социал-демократов за парламентскими местами в ущерб ясной классовой позиции, защищающей интересы пролетариата; она говорила о разъедающем влиянии «парламентского кретинизма» правых, указывала, что политическая сила пролетариата и количество мандатов не одно и то же.

Она защищала необходимость завоевания пролетариатом политической власти и восторженно поддержала революцию 1905 года, видя в ней воплощение революционной энергии пролетариата, его веры в необходимость борьбы «не только одними парламентскими средствами».

Революцию 1905 года в России она называла «величайшим событием», прологом целого ряда революций, в которых пролетариат порвет свои цепи и завоюет весь мир. Она разъясняла на опыте революции 1905 года значение массовой политической стачки и боролась за ее признание как важнейшего оружия пролетариата.

Во время революции 1905 года Клара рвалась в Россию. 5 января 1906 года она в письме к Ф. Мерингу писала:

«Если б я могла следовать своим чувствам, то я отправилась бы теперь в Россию, несмотря на огромные препятствия, которые я испытывала бы вследствие незнания языка. Но я говорю себе, что у русских имеется теперь много людей, исполненных революционного воодушевления и обладающих хорошей теоретической подготов-

кой. Поэтому нужно, чтобы я работала в Германии. Это необходимо именно теперь, когда русская революция так освежающе действует на пролетариат, так пробуждает и укрепляет революционное сознание, что даже вожди должны согласиться взять более резкий тон и идти вперед несколько быстрее, те самые вожди, которые хотели бы превратить социал-демократию в кроткого комнатного пуделя национально-социального или социально-либерального толка, в. собачку, которая вежливо дает лапку всякой буржуазной сволочи».

Выступая на митинге перед французскими рабочими, К. Цеткин говорила: «У пролетариата есть хороший учитель — русская революция. Это настоящий кладезь опыта; не бессмысленно подражать ему должны мы, а понять его и уметь применить его».

Важнейшими вехами в борьбе Клары Цеткин против оппортунизма были выступления на Международных социалистических конгрессах в Копенгагене в 1910 году и в Базеле в 1912 году.

На конгрессе в Копенгагене по ее инициативе было принято решение о Международном женском дне — 8 марта, дне мобилизации трудящихся женщин против капитализма, против войны.

На Международном конгрессе в Базеле она от имени пролетарских женщин поддержала манифест конгресса, призывавший, как и конгрессы в Штутгарте и Копенгагене, использовать организацию пролетариата для революционной борьбы с опасностью войн, для ускорения падения буржуазии в случае возникновения войны, для борьбы против милитаризма.

Клара Цеткин осталась верна решениям Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов II Интернационала и тогда, когда разразилась империалистическая война 1914 года и вожди II Интернационала растоптали эти решения, как ненужную бумагу, изменив долгу пролетарских интернационалистов. Они, как говорила Клара Цеткин, «в течение 4 лет запрягали рабочих в покрытую кровью и грязью военную колесницу империализма».

Еще за три месяца до начала мировой империалистической войны она созвала в Берлине, вопреки руковод-

ству социал-демократической партии, интернациональный митинг против угрозы войны.

В марте 1915 года в Берне (Швейцария) по инициативе русских большевичек и при самом активном участии со стороны Клары Цеткин была проведена Международная женская социалистическая конференция по вопросу об отношении к войне. В связи с подготовкой конференции Клара Цеткин отправилась в Амстердам и оттуда установила связи с социалистками Англии, Норвегии, Франции, Австрии, Голландии, Италии и других стран.

Представителями Центрального Комитета большевистской партии на конференции были Н. К. Крупская и Инеса Арманд. Делегация большевистской партии не согласилась с резолюцией большинства конференции, так как эта резолюция хотя и осуждала идею «защиты отечества», но обходила основной вопрос — о разрыве с социал-шовинистами, со II Интернационалом.

Клара Цеткин заняла на этой конференции «среднюю», примиренческую позицию, за что ее резко критиковал Владимир Ильич Ленин.

Примиренческая позиция Клары Цеткин на этой конференции отражала колебания, слабость, нерешительность немецких левых, боявшихся раскола в партии, открытого разрыва с правыми, не освободившимися еще, как указывал В. И. Ленин, от «дружелюбия» к оппортунистам, к примиренцам.

«Жизнь, однако, скоро смела эти разногласия»,—писала Н. К. Крупская, вспоминая позицию К. Цеткин на этой конференции.

Правительство Вильгельма II за антиимпериалистическую и антимилитаристскую деятельность в июле 1915 года арестовало Клару Цеткин. Она была в это время тяжело больна. Ее состояние вызывало серьезные опасения. В письмах Розы Люксембург того времени много тревоги за Клару. Она пишет, что положение ее серьезно, что дело Клары тревожит ее.

Несмотря на преследования правительства, влияние левых на рабочие массы усиливалось. 1 января 1916 года на квартире у Карла Либкнехта собралась конференция левых всей Германии.

27 января 1916 года за подписью «Спартак» появилось первое письмо левых, знаменовавшее начало организационного разрыва со II Интернационалом и создание группы «Спартак», а затем Союза «Спартак», ставшего боевым ядром будущей Коммунистической партии Германии.

1 мая 1916 года Карл Либкнехт, обращаясь к антимилитаристской демонстрации на Потсдамер-плац в Берлине, провозглашает: «Долой войну!», «Долой правительство!» На него набрасываются шпики, его арестовывают и приговаривают к $4^1/_2$ годам каторжной тюрьмы. Роза Люксембург в тюрьме, Франца Меринга тоже арестовали. Но дело «Спартака» растет и ширится. Страдания, вызванные войной, множат число его сторонников. На плечи Клары Цеткин после ее освобождения из тюрьмы легла почти вся работа по руководству Союзом «Спартак». Ее ближайшими соратниками в это время были Вильгельм Пик, Лео Иогихес и другие.

Журнал «Равенство» часто появляется с большими белыми полосами, так как цензура не пропускает статей Клары Цеткин и других сотрудников.

Социал-демократическое руководство, опасаясь все усиливающегося влияния на массы антимилитаристской пропаганды, в марте 1917 года снимает Клару Цеткин с поста редактора журнала «Равенство», лишает ее трибуны, с которой громко раздавался ее голос против империалистической войны, за мир и пролетарский интернационализм.

Великая Октябрьская социалистическая революция нашла в Кларе Цеткин горячего сторонника. Она была в числе немногих руководителей международного рабочего движения, сразу понявших значение пролетарской революции в России и для трудящихся и угнетенных всего мира. При очень плохой и искаженной информации из России она одна из первых заняла позицию верного друга советского народа.

Уже в ноябре 1917 года она пишет об Октябрьской революции, как об отважном выступлении народных масс,

о триумфе принципиальных и тактических установок большевиков. Она выступает в защиту большевиков, против клеветнических нападок Каутского и всего II Интернационала, заявляя, что власть теперь в руках Советов, что диктатура пролетариата — совершившийся факт, что власть рабочего класса поддерживает крестьянство. Цензура обрушивается против К. Цеткин. Целые статьи и отдельные места из них, предназначавшиеся для «Приложения для женщин» в «Народной лейпцигской газете», в которых она сочувственно писала об Октябрьской революции, были подвергнуты цензурному запрету.

В середине 1918 года она обратилась с письмом к конференции Независимой социал-демократической партии, в состав которой с апреля 1917 года входили «спартаковцы», в том числе и Клара Цеткин. В этом письме указывалось, что большевики спасли революцию от краха, к которому ее вели меньшевики и эсеры, что:

«великий исторический час нашел в лице большевиков великое поколение... Их бессмертная заслуга состоит в том, что среди бесконечных затруднений, которые обступили их, как грозные снеговые вершины, они имели смелость захватить государственную власть и взять на себя руководство революцией. Тем самым они спасли революцию».

В этом же письме Клара подчеркивает, что Октябрьская революция показала путь международному пролетариату.

27 июня 1918 года Клара Цеткин послала письмо Владимиру Ильичу Ленину, в котором писала, что головой и сердцем она с большевиками, с Советской властью. В. И. Ленин писал Цеткин: «Нас всех чрезвычайно радует, что Вы, товарищ Меринг и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западноевропейского рабочего класса,— несмотря на все трудности,— все же придут нам на помощь» [1].

После ноябрьской революции 1918 года в Германии, свергнувшей монархию и поставившей крайне правых социал-демократов у власти, «спартаковцы» порвали с

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 35, стр. 282.

независимыми социал-демократами, основав в декабре 1918 года Коммунистическую партию Германии.

Из-за тяжелой болезни К. Цеткин не присутствовала на учредительном съезде Компартии. После того как Коммунистическая партия Германии была создана, К. Цеткин по решению ЦК партии в течение нескольких месяцев оставалась в рядах Независимой социал-демократической партии Германии для того, чтобы помочь рабочим — членам этой партии порвать с независимцами и стать на путь последовательной борьбы за коммунизм. Затем она начала свою деятельность в рядах Коммунистической партии Германии.

«Уже почти сорок лет, как я борюсь за социалистический идеал, но как я ни стара и мне, может быть, осталось недолго жить,— я все же хочу в те годы, которые я еще могу быть активной, стоять и бороться там, где чувствуется живая жизнь, а не там, где я вижу разложение и слабость, я не хочу, чтобы на меня, пока я жива, веяло дыхание политической смерти»,— вот какими знаменательными словами начала свою деятельность в рядах Коммунистической партии Германии Клара Цеткин.

* *
*

В 1920 году Клара Цеткин впервые приехала в Москву, после длительного перерыва она вновь встретилась с В. И. Лениным и Н. К. Крупской.

Ленин ценил в Кларе Цеткин ее революционную страсть, ее преданность народу, ее непримиримость к врагам революции, ее умение открыто признавать свои ошибки и извлекать из них уроки.

Когда в марте 1921 года вспыхнуло восстание рабочих в средней Германии, Клара Цеткин, будучи несогласной с линией Центрального Комитета Коммунистической партии Германии в вопросе о восстании, вышла из состава Центрального Комитета. Ленин считал, что Клара совершила серьезную политическую ошибку, «капитальную глупость», как пишет она сама. Он считал, что она не имела права пренебречь доверием, которое ей было оказано партией при выборах в Центральный Комитет.

«Тяжело, очень тяжело,— пишет К. Цеткин,— угнетало меня сознание, что я таким «нарушением дисциплины» очутилась в резкой оппозиции к тем, кто и политически и лично стоял ко мне ближе всего, т. е.— к русским друзьям» [1].

На III конгрессе Коминтерна Клара Цеткин была избрана членом Исполкома Коминтерна, членом его Президиума.

На состоявшейся во время III конгресса 2-й Международной конференции коммунисток она была избрана руководителем Международного женского секретариата.

В этот период ее деятельности она стремится объединить не только женщин Запада, но и Востока, женщин колониальных и полуколониальных стран.

«Женские массы должны стать нашими, хотя бы они были прикованы цепями к небу»,— страстно восклицает Клара.

Как деятель международного коммунистического движения Клара Цеткин участвовала во многих конгрессах Коминтерна, на конференциях и съездах в различных странах мира. Как представитель Коминтерна она участвовала на конгрессе французской социалистической партии в Туре в декабре 1920 г., где было заложено основание Французской коммунистической партии. В 1921 году по поручению ИККИ она, уже 64-летняя больная женщина, нелегально перешла итальянскую границу, чтобы в Милане принять участие в работах конгресса, на котором была организована Коммунистическая партия Италии.

Когда Клара появилась в зале, ее встретили возгласами приветствия. Она произнесла речь на итальянском языке, в которой разоблачала ренегатов, призывала к защите Советского Союза.

Итальянские власти решили арестовать ее при выходе с заседания съезда. За машиной, в которую села старая седая женщина, следовал автомобиль итальянских шпиков. Когда машина остановилась у отеля, из нее вышла молодая девушка, а в машине остались седой парик и палка.

[1] *Клара Цеткин*, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1955, стр. 21.

А в другой машине в это время Клара подъехала к итальянской границе и благополучно перешла ее.

Когда на горизонте Германии появился зловещий призрак фашизма, который к этому времени в Италии уже показал свою антинародную сущность, Клара Цеткин становится неутомимым борцом против опасности фашизма, за единый народный фронт. Она неустанно доказывала, что перед исторической необходимостью побороть фашизм должны отступить на задний план все политические разногласия среди трудящихся, что весь народ должен объединиться для борьбы с фашизмом.

С 1924 года Клара Цеткин возглавляла работу Международного общества помощи борцам революции (МОПР).

В связи с работой в Президиуме Исполкома Коминтерна и в женском секретариате, а также в МОПРе Клара Цеткин подолгу жила в Советском Союзе.

Она не раз говорила, что в Советском Союзе чувствует себя, «как дома», что «большевистский воздух» действует на нее бодрящим образом.

Клара Цеткин была тесно связана с рабочими и работницами Советского Союза, которые горячо ее любили. Она часто бывала на собраниях, конференциях, ездила по районам. Летом 1924 года Клара уехала лечиться на Кавказ, но ее бурная натура не дает ей покоя, она не может мириться с тишиной, с отрешенностью от мира. Вместо того чтобы лечиться, она предпринимает утомительную и тяжелую поездку в Грузию, Азербайджан, где знакомится с жизнью народа, собирает материал для своей книги «На освобожденном Кавказе», являющейся горячей защитой Советской власти. Во время этой поездки она наблюдала, как среди ранее отсталых народов «бегут и шумят ключи новой жизни».

Она часто общалась с женщинами среднеазиатских республик, уделяла много внимания изучению фактов, освещающих положение женщин на Востоке.

Связь с массами была результатом не только глубокого понимания ею роли масс как строителей нового общественного строя, но и результатом внутренней потребности быть вместе с рабочими и работницами. Общение с массами действовало на нее, как «освещающая струя». Судьба каждого отдельного человека ее глубоко волно-

вала. Ее любовь к человеку была неиссякаема. Простота и доступность делали ее близкой каждой рядовой работнице и крестьянке, которые видели в ней не только своего руководителя, но и друга, чуткого, внимательного товарища.

В своих многочисленных приветствиях и письмах трудящиеся Советского Союза выражали ей чувство глубокой преданности и признательности.

* *
*

Клара Цеткин была человеком самых разносторонних интересов и знаний. Ее глубоко волновали вопросы культуры, искусства, литературы, философии, морали. Владимир Ильич любил говорить с ней по этим вопросам. Она много думала над ними и широко их ставила.

Любовь к литературе и искусству она пронесла через всю свою жизнь, начиная с отроческих лет и кончая глубокой старостью.

В 1955 году в Берлине вышел в свет сборник литературно-критических статей Клары Цеткин, печатавшихся с 1906 по 1911 год в журнале «Равенство» под названием «Клара Цеткин о литературе и искусстве». В этом сборнике, кроме общетеоретической статьи «Искусство и пролетариат», имеются статьи о Ф. Шиллере, Г. Ибсене, Ф. Фрейлиграте и других.

Эта книга — свидетельство глубоких знаний К. Цеткин в области литературы и ее бережного отношения к классическому наследству.

Глубоко интересовала Клару философия. Характерен в этом отношении следующий эпизод. Когда возник вопрос о подарке, которым женщины Германии хотели отметить в 1917 году шестидесятилетие Клары, то Роза Люксембург рекомендовала в письме из тюрьмы, написанном 29 мая 1917 года, преподнести Кларе книги о греческой философии или хорошее издание греческих философов, так как она очень усердно занимается в этой области и вообще «питает к этому слабость».

Неоценим вклад, который Клара внесла в постановку и разработку вопросов семьи, морали, воспитания молодежи, будущее которой ее всегда волновало. Она мечтала

о молодежи морально устойчивой, с развитым чувством самообладания и самодисциплины, физически сильной, с высокими духовными и умственными потребностями, молодежи боевой, подготовленной для борьбы и строительства коммунистического общества.

* *
*

В последние годы своей жизни Клара Цеткин, несмотря на тяжелую болезнь, не прекращала работать. Ее активная и деятельная натура боролась против болезни и возраста. Ее голова, покрытая сединами, оставалась всегда молодой, и эту молодость рождало внутреннее богатство ее духовного мира, творческое отношение к жизни.

В 1932 году, в семидесятипятилетнем возрасте, Клара Цеткин пишет последнюю из наиболее крупных своих работ: «Империалистические войны против трудящихся, трудящиеся против империалистических войн». Она писала эту работу в перерывах между тяжелыми приступами малярии, спеша закончить ее к 1 августа, к Антивоенному дню. Дрожащими руками, полуслепая, порой не замечая, что чернила уже иссякли в ручке, она дописывала страницу за страницей, исправляла написанное.

Она хотела с помощью этой брошюры говорить с миллионами трудящихся, показать им, что война со всеми своими ужасами направлена против них, что их задача вести борьбу против войны с той же непримиримостью, с какой буржуазия ведет войну против трудящихся.

В том же 1932 году Клара Цеткин совершает свою последнюю поездку в Германию, для того чтобы по установившейся традиции как старейший по возрасту член рейхстага открыть его.

«Никто не думал, что она будет в состоянии это сделать. Она жила в доме отдыха под Москвой, с трудом могла приподняться с постели, силы ее ушли, она каждую минуту задыхалась. Но когда Германская коммунистическая партия написала, что был бы желателен ее приезд, она ни минуты не колебалась: собрала последние силы и поехала в Германию, запасшись камфарой и другими средствами поддержания жизни. Она знала, какая

опасность ей грозит, опасность быть схваченной и даже убитой фашистами. Это ее не остановило»,— писала Надежда Константиновна Крупская.

Заседание рейхстага открылось в обстановке, когда монополистический капитал готовился к установлению фашистской диктатуры в Германии.

30 августа ровно в 3 часа дня на трибуну, поддерживаемая двумя коммунистами, поднялась 75-летняя Клара Цеткин.

Коммунисты-депутаты, рабочие, находившиеся на хорах, приветствуют своего испытанного руководителя, ветерана революции возгласами «Рот фронт!»

Депутатские места всей правой стороны рейхстага заняты смертельными врагами рабочего класса — фашистами в коричневых рубашках. Они уверены, что престарелая Клара не сможет произнести ни одного слова, что она ограничится официальной процедурой открытия рейхстага. Но Клара не только открывает рейхстаг, она произносит одну из своих самых сильных обличительных речей, направленных против фашизма. Она обращается к народу Германии, говорит о грозной опасности, нависшей над страной, об опасности войны, об угрозе всем демократическим завоеваниям трудящихся, она призывает трудящихся к сплочению, к единству действия.

В этой пламенной речи она еще раз заявила, что «Октябрьская революция является доказательством мирового масштаба, что трудящимся дана сила уничтожить всех своих врагов». «Я надеюсь,— говорила Клара,— дожить еще до того радостного дня, когда я по праву старшинства открою первый съезд Советов в Советской Германии».

Слова Клары покрываются горячими аплодисментами коммунистов и рабочих. И вот в зале, где фашисты уже чувствуют себя хозяевами, запели «Интернационал».

После выступления в рейхстаге Клара Цеткин вернулась в Москву. Несмотря на крайнюю слабость, она продолжает жить тем, чем жила всю свою жизнь,— интересами социалистической революции. Незадолго до своей смерти она диктует последнюю брошюру «Заветы Ленина — женщинам всего мира», в которой зовет женщин быть достойными учениками Ленина.

За два дня до смерти, 18 июня 1933 года, она начала диктовать статью, в которой еще раз призывала рабочих к созданию единого фронта. Дописать этой статьи ей не довелось.

20 июня в 2 часа 10 минут оборвалась жизнь Клары Цеткин. Она умерла 76 лет от роду. Сотни тысяч советских людей провожали ее в последний путь к Красной площади, где она была похоронена.

Миллионы трудящихся всего мира никогда не забудут своей Клары. Имя ее бессмертно, как бессмертно дело всей ее жизни.

ИНЕСА АРМАНД

ИННА АРМАНД

ИНЕСА АРМАНД

Моя мать, Инеса Федоровна Арманд, вошедшая в историю большевистской партии как одна из видных ее деятелей, родилась в 1875 году в Париже. Отец и мать Инесы были артистами французских театров. Отец рано умер, и мать осталась без средств с тремя детьми. Шестилетнюю Инесу взяли на воспитание жившие в Москве бабушка и тетка — учительница музыки и французского языка. Так Инеса с раннего детства оказалась в России, которая и стала ее родиной. Здесь она выросла и прожила почти всю свою недолгую, но яркую жизнь революционного борца.

Тетка и бабушка уделяли много внимания ее воспитанию. Она получила широкое общее образование, знала в совершенстве два иностранных языка, была прекрасной музыкантшей. Но больше всего Инеса любила читать. В доме была большая библиотека, и она рано познакомилась с русскими и иностранными классиками художественной литературы, с большим числом философских и исторических книг.

Восемнадцати лет Инеса выходит замуж за Александра Евгениевича Арманд, которого знала еще с детства. Будущее, казалось, сулило ей безмятежную жизнь в семейном кругу. Однако узкие интересы семейного счастья и обеспеченная спокойная жизнь буржуазной семьи не могут удовлетворить полную жизненных сил молодую женщину, обладающую горячим сердцем и недюжинным умом.

Инеса видит вокруг себя нужду, нищету, безграмотность народных масс. Она хочет бороться за уничтожение

этих темных сторон жизни, но, как это сделать, не знает. Слишком далеко росла она от всякой «политики». Инеса пробует свои силы на пути просветительной работы. Она устраивает школу для крестьянских ребят и учит в ней; вступает в Московское общество «по улучшению участи женщин». Но очень скоро ей становится ясным, что таким путем жизнь не переделаешь. Ей становятся все более ясны и лживость и ханжество всяких форм буржуазной благотворительности.

Инеса переживает тяжелый душевный кризис. Но вскоре она находит выход.

Через брата мужа и его друзей она связывается с социал-демократами, начинает читать социал-демократическую литературу, знакомится с подпольной революционной борьбой.

Большую роль в жизни моей матери сыграла и поездка зимой 1903/04 года в Швейцарию. Там она воочию убедилась в серьезности разногласий между большевиками и меньшевиками и стала свидетелем той борьбы, которую вел В. И. Ленин после II съезда за революционную партию. Из-за границы она вернулась твердой сторонницей большевизма. В 1904 году Инеса становится членом социал-демократической партии. С этого времени начинается ее активная революционная работа большевика-подпольщика.

В январе 1905 года Инеса была арестована. Арест был случайным — в связи с эсеровским покушением на генерала Трепова, к чему Инеса не имела никакого отношения. Но при обыске у нее была найдена социал-демократическая литература, и ее арестовали. На всю жизнь мне запомнился этот арест. Я проснулась почью от непривычного шума и увидела в комнате жандармов, производивших обыск. Они все переворачивали вверх дном, даже детские постели. Мать стояла тут же совершенно спокойная; она улыбнулась мне и сделала знак, чтобы я не плакала. Потом ее увели. Обнимая меня на прощанье, она шепнула: «Не надо болтать о моем аресте». В последующие годы мне пришлось крепко запомнить это «не болтать». Ведь мне не раз приходилось видеться с матерью тайно, когда она перешла на нелегальное положение. Царские жандармы много месяцев продержали

мать в тюрьме. Освобождена она была только после царского манифеста 17 октября. Выйдя из тюрьмы, Инеса снова начинает свою революционную работу в московской организации и в Пушкино, под Москвой.

В начале 1906 года в Пушкино создается довольно крепкая социал-демократическая подпольная организация, ядром которой были рабочие местных текстильных фабрик, группа крестьян и небольшое количество интеллигентов. В Пушкино и на соседних фабриках работает несколько пропагандистских кружков. Одним из активных организаторов Пушкинской подпольной с.-д. организации и пропагандистом в кружках была Инеса.

Летом 1906 года она переносит свою деятельность в Москву. В это время она является ответственным пропагандистом Лефортовского (ныне Бауманского) района, ведет кружок партийного актива и рабочий кружок, проводит совещания по выработке программ и методов занятий в кружках. Среди рабочих она пользовалась большим доверием, умела заинтересовать их, разъяснить сложные вопросы теории и практические задачи партии самым неподготовленным рабочим.

В конце 1906 года слежка за Инессой настолько усиливается, что она вынуждена уйти из Лефортовского района. В начале 1907 года ее вторично арестовывают, но улик против нее не было найдено, и ее вскоре выпустили.

С новой энергией взялась Инеса за работу, на этот раз в железнодорожном комитете партии. «Я много работаю,— пишет она одному из своих близких 11 мая 1907 года,— так что подчас остаюсь совсем без ног; особенно много пришлось бегать на прошлой неделе (т. е. перед празднованием 1 мая.— *И. А.*), до сих пор еще не могу вполне отдышаться».

В этот период Инеса уже находится на нелегальном положении и живет на нелегальной квартире. Не легко ей было расстаться с домом. Ведь у нее было пятеро детей, и младшему сыну едва минуло четыре года.

Инеса горячо любила своих детей, и только постоянные преследования заставляли ее жить в разлуке с ними. Но Инеса никогда не забывала о воспитании детей. Она встречалась с ними, писала им письма. Авторитет матери

в семье был непререкаем, а сама ее жизнь, бескорыстно отданная народу, служила примером и помогала ее детям встать на правильный жизненный путь. Четверо из них стали впоследствии коммунистами.

Летом 1907 года Инеса вместе со всем Железнодорожным райкомом партии была арестована.

В тюрьме она всегда сохраняла бодрость и помогала товарищам переносить тяготы тюремной жизни. Вот отрывок ее письма из тюрьмы в июле 1907 г. Всячески успокаивая своих близких, она пишет: «Живется мне здесь недурно. Говорят, что осенью и зимой наши камеры очень сырые, но теперь это незаметно, спим с открытыми окнами. Едим хорошо. У нас здесь коммуна, и мы все по очереди дежурим, т. е. сами готовим, стираем полотенца и т. д. Я один раз уже дежурила и, как ты понимаешь, очень волновалась за суп; он вышел довольно удачен; но только овощи были полусырые. Целый день очень занят, это лучше, так как он проходит скорее. Утром я читаю до 2-х; около трех у нас обед и чай, затем урок французского (Инеса давала уроки французского языка товарищам.— *И. А.*), затем мы гуляем полтора часа, затем ужин, после ужина еще два урока французского (последнее — конспирация)... А наше дело с Марусей ни с места. После допроса ротмистр заявил, что освободит меня через два-три дня, и вот все сижу. Ну, черт с ними!»

На этот раз вырваться из лап царских жандармов ей не удалось, и в конце года ее отправили в ссылку в город Мезень, Архангельской губернии.

Обстановка в ссылке была тяжелая. Тягостны были не столько суровые условия жизни на севере под постоянным надзором полиции, сколько вынужденная бездеятельность и оторванность от семьи. Через год Инеса решает бежать из ссылки, и при содействии товарищей это ей удается. Некоторое время она скрывается в Москве.

Она была очень рада, что вернулась в Москву. Одному из своих товарищей в письме от 10 ноября 1908 года она пишет: «Итак, я выбралась из окраины и нахожусь, наконец, в центре, и с восторгом прислушиваюсь к шуму движущихся экипажей, к сутолоке толпы, смотрю на высокие многоэтажные дома, на трамваи, даже на извозчичьи клячи. Милый город, как я люблю тебя, как тесно свя-

зана с тобой всеми фибрами своего существа. Я твое дитя и нуждаюсь в твоей суете, в твоем шуме, в твоей сутолоке, как рыба нуждается в воде... Чувствую себя недурно, в общем очень радостно и возбужденно, хотя, несмотря на то, что нахожусь здесь уже около недели, никак не отдохну; но отхожу понемногу. Думаю остаться в России до лета, а там будет видно. Детей возьму с собой».

Долго пробыть в Москве Инесе не удалось. В начале 1909 года она вынуждена была уехать за границу.

В годы эмиграции Инеса упорно учится и ведет активную партийную работу. Пробыв около года в Брюсселе, она переезжает в 1910 году в Париж, где жил в это время В. И. Ленин и был большевистский заграничный центр. Очень много времени она посвящает учебе в Парижском университете, который и заканчивает по циклу общественных наук.

Серьезная теоретическая подготовка, высокая принципиальность и верность ленинским идеям выдвигают ее в ряды видных партийных деятелей.

На съезде заграничных организаций Инесу Арманд избирают членом Комитета заграничных организаций (КЗО). Как член президиума Парижской группы большевиков она ведет обширную переписку с другими заграничными организациями партии и, кроме того, по заданию В. И. Ленина завязывает совместно с Людмилой Сталь связи с французскими социалистами и ведет среди них пропаганду большевистских взглядов.

Летом 1911 года, когда в Лонжюмо, под Парижем, создается партийная школа, в которой учатся рабочие, присланные партийными организациями из России, Инесе поручается вести там курс политической экономии.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях пишет, что дом Инесы, поселившейся в Лонжюмо, стал центром, где жило несколько учеников, в том числе Серго Орджоникидзе и Семен Шварц, где была устроена общая столовая и где встречались ученики и преподаватели после занятий. Инеса не только вела учебный курс, но и помогала Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне во всей работе с приехавшими из России рабочими. Следует отметить, что Инеса, с виду очень сдержанная и даже

несколько замкнутая, в действительности была весьма общительна, внимательна к людям и умела завоевывать доверие и любовь окружающих.

В Париже у нее на квартире было постоянно много народу. К ней приходили не только по партийным делам, но также за советом и дружеской помощью, а иногда просто отдохнуть, послушать хорошую музыку. К Инесе заходили и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, с которыми у нее в этот период установились тесные дружеские отношения. «Мы виделись каждый день,— вспоминает об этом периоде Надежда Константиновна,— Инеса стала близким нам человеком».

Наступил 1912 год, принесший с собой начало подъема революционного движения в России. После Пражской партийной конференции ряд членов партии был направлен Заграничным партийным центром на подпольную работу в Россию. В их числе в начале лета едет в Россию и Инеса. Она поехала в Петербург для работы по восстановлению нелегальной партийной организации, которая подверглась жестокому разгрому после майских массовых стачек, а также для подготовки избирательной кампании в IV Государственную думу. В Петербурге Инеса проработала всего несколько месяцев, так как в середине сентября была арестована. Но и за это время она вместе с группой других товарищей успела развернуть партийную работу, в результате которой была создана довольно крепкая и большая подпольная организация, объединявшая несколько районов. Организованная при участии Инесы «Межрайонная комиссия» большевиков превратилась вскоре в Петербургский комитет партии, который вместе с выходившей тогда в Петербурге газетой «Правда» развернул работу по проведению избирательной кампании в Думу. Об этой работе Инесы А. Сольц в своей статье, посвященной ее памяти, в газете «Правда» в 1920 году писал: «Я попал в районы после нее, я нашел уже распаханное поле, и если мы могли во время этих выборов выдвигать своих уполномоченных и в организационном смысле занимать господствующее положение, то происходило это потому, что выборам предшествовала подготовительная работа, в которой Инеса принимала значительное участие».

Всю осень и зиму Инеса просидела в петербургской тюрьме. Суровый тюремный режим подорвал ее здоровье, а между тем, ей предстоял суд, а до суда отправка в Мезень — место ее прежней ссылки. Вырваться из тюрьмы на этот раз ей помог А. Е. Арманд, не раз навещавший ее в тюрьме.

А. Е. Арманд, ссылаясь на болезнь Инессы, добился освобождения ее под залог, что дало ей возможность до суда скрыться за границу.

На этот раз она оставалась в эмиграции до Февральской революции 1917 года.

Вначале моя мать жила в Кракове, где тогда находился заграничный большевистский центр во главе с В. И. Лениным, и выполняла ряд заданий партии. Здесь она участвует в так называемом летнем совещании ЦК с партийными работниками. В конце 1913 года Инеса переехала в Париж, где принимала участие в работе парижской группы большевиков.

К этому времени относится начало ее работы среди женщин-работниц в России. Этой работе она отдала много сил в последние годы своей жизни.

В 1913 году в Петербурге по инициативе Ленина решено было создать легальный популярный журнал «Работница». Наряду с редакцией журнала в Петербурге была создана заграничная ее часть, куда вошли Крупская, Арманд и Сталь. Создание журнала наталкивалось на целый ряд трудностей организационного, материального и полицейского характера. Инеса вместе со всей заграничной редакцией принимает деятельное участие в преодолении этих трудностей, а когда журнал начал выходить, пишет для него статьи и помогает придать ему правильное направление.

В. И. Ленин был доволен журналом. В одном из писем к Инесе он говорит: «Посылаю № 3 «Работницы». Хорошо ведь! Налаживается дело» [1].

Ответственное партийное поручение было возложено на Инесу летом 1914 года, когда руководящий орган II Интернационала — Международное социалистическое

[1] «Исторический архив» № 4, 1955 г., стр. 26.

бюро — решило вмешаться в русские дела и заставить большевиков объединиться с меньшевиками. Инессе было поручено огласить на Брюссельском «объединенном» совещании составленный В. И. Лениным доклад ЦК РСДРП и отстаивать позиции большевиков. В докладе излагались мотивы отказа большевиков от третейского разбирательства, и он неизбежно должен был вызвать бурю протестов со стороны лидеров II Интернационала и меньшевиков.

«Гвоздь, по-моему, доказать,— писал Ленин Инессе Арманд,— что только мы партия (там блок-фикция или группки), только мы рабочая (там буржуазия, дающая деньги и одобряющая), только мы *большинство*, 4/5» [1].

Давая инструкции Инессе, как держать себя на совещании, Ленин высказывал уверенность, что она справится с возложенной на нее задачей.

«Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту,— и посему упорно *не верю* пессимистам, т. е. говорящим, что ты... едва ли... Вздор и вздор! Не верю! Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твердо их всех расшибешь, а Вандервельду не позволишь обрывать и кричать» [2].

Доверие Ленина Инеса оправдала.

Начавшаяся в августе 1914 года первая мировая война подтвердила предвидения Ленина. Вожди II Интернационала предали интересы рабочего класса. Лишь незначительное меньшинство в отдельных социалистических партиях пыталось противостоять шовинистическому угару. Только партия большевиков во главе с Лениным осталась до конца верна знамени последовательного интернационализма — знамени решительной революционной борьбы против империалистической войны.

С первых же дней войны Ленин поставил задачу подготовить создание нового, III Интернационала. Для этого необходимо было установить связи с интернационалистами других стран и пропагандировать среди них большевистские взгляды. Этой важнейшей работе Инеса по-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 35, стр. 108.
[2] Там же.

святила все свои силы в годы войны и оказала В. И. Ленину большую помощь в этом деле.

С конца 1914 года Инеса ведет большую работу по подготовке созыва Международной женской социалистической конференции, которая должна была поднять свой голос против войны. С этой целью она ведет переписку с Кларой Цеткин, А. Коллонтай, Л. Сталь и завязывает связи с французскими, швейцарскими, английскими и голландскими женщинами-социалистками. Конференция состоялась в Швейцарии в марте 1915 года. Лозунги большевиков, которые горячо отстаивала наша делегация и в том числе Инеса, не нашли поддержки у большинства делегатов, и конференция приняла половинчатую, расплывчатую резолюцию. Однако интернационалистская пропаганда все же возымела свое действие. В резолюции конференции содержался протест против войны и против забвения социалистами международной солидарности.

Вскоре после женской конференции состоялась Международная юношеская конференция, на которой Инеса также участвовала в качестве представителя большевиков.

Активное участие приняла Инеса на Циммервальдской и Кинтальской международных конференциях. На этих конференциях она переводила большевистские резолюции, заявления и т. д. и пропагандировала ленинские идеи среди делегатов разных стран.

В начале 1916 года по поручению партии Инеса ездила на несколько месяцев в Париж для помощи парижской группе большевиков в распространении ленинских взглядов среди той части французских социалистов и синдикалистов, которые стояли на позициях интернационализма.

Из сохранившихся нескольких писем Инесы из Парижа видно, что ей удалось проделать там большую работу. В начале 1916 года состоялось объединение французских циммервальдистов — социалистов и синдикалистов, и был создан Комитет по восстановлению международных связей. Инеса принимает участие в работе этого комитета и участвует в выработке его манифеста, внося в него ряд поправок в духе Циммервальдской

6*

левой. Однако деятельность комитета не могла удовлетворить Инесу, надо было завязывать более широкие связи. «В итоге первых моих впечатлений, думаю,— пишет Инеса в одном из своих сообщений Ленину,— что сверху, т. е. через мерргеймовский комитет, едва ли можно будет сделать что-либо в короткий срок. И потому будем усердно посещать его собрания и сделаем там что можно, но надо искать других путей — попытаться действовать снизу. Посмотрим, что из себя представляет секретарь молодежи и его молодежь. Может быть, там что-нибудь выйдет».

И вот Инеса завязывает связи с группой оппозиционной молодежи департамента Сены, и под ее влиянием эта молодежь заявляет о своем присоединении к Циммервальдской левой. Были связи у Инесы и с отдельными секциями профсоюзных организаций — с профсоюзом портных, землекопов, механиков. Во всех этих организациях она тоже с успехом ведет пропаганду большевистских идей.

Центральный орган РСДРП «Социал-демократ» в июне 1916 года сообщал о том, что в Париже образовались первые группы французских рабочих, последовательно отстаивающих подлинный интернационализм.

Созданию этих групп немало способствовала деятельность Инесы.

Морис Торез в статье «Октябрь указал нам путь», написанной к 40-й годовщине Великого Октября, пишет: «...Циммервальдская левая также начала обретать почву во Франции. Главным образом благодаря усилиям Инесы Арманд, которая была связана непосредственно с Лениным, идеи левой проникли в ряды Федерации социалистической молодежи департамента Сены, в парижские профсоюзы механиков и металлургов, в организации землекопов и портовых рабочих» [1].

Вернувшись летом 1916 года в Швейцарию, она не порывает связей с французскими интернационалистами. В одном из писем в Париж она подробно рассказывает о Кинтальской конференции.

[1] «Вопросы истории КПСС» № 3, 1957 г., стр. 87.

В Швейцарии Инеса продолжала вести работу среди швейцарской молодежи и женщин. В ряде городов она читает рефераты, по заданию В. И. Ленина пытается вести пропаганду среди интернированных французов. «Старайтесь сблизиться с интернированными французами,— писал ей В. И. Ленин,— завязать переписку, найти связи, *основать* (тайную и неформальную) группу *левых* среди них. Очень важно!» [1]

Но вот наступил февраль 1917 года. В Швейцарию пришли вести о революции в России. Вместе с первой группой большевиков Инеса возвращается на родину и все свои силы, всю свою энергию отдает партийной деятельности. Она работает в Москве, приехав туда из Петрограда после участия в Апрельской партийной конференции. Инеса выступает на ряде собраний Московской партийной организации, отстаивая знаменитые ленинские Апрельские тезисы.

Летом 1917 года Инеса была членом Исполнительной комиссии Московского Комитета партии. В июльские дни она выступает с докладом на расширенном заседании МК с активом. Инеса тесно связана с районами Москвы. Выступает с докладами на партийных собраниях, а также на фабриках и заводах Москвы, читает лекции в партийной школе МК, пишет статьи в газеты, состоит гласным Московской городской думы, ведет большую работу среди женщин. В начале лета 1917 года Инеса участвует в происходившем тогда в Москве Всероссийском женском съезде, созванном буржуазной Лигой равноправия женщин. Партия послала ее на этот съезд в качестве «наблюдателя» с целью отколоть участвовавшую на съезде группу работниц. В горячей речи Инеса сумела доказать работницам, что им не по пути с буржуазными женщинами, которые эксплуатируют рабочих, и делегатки-работницы вместе с Инесой покинули съезд. Летом 1917 года Инеса участвует в создании московского областного журнала «Жизнь работницы» и уделяет большое внимание редактированию его. Осенью по предложению Инесы при Московском областном бюро большевиков

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 35, стр. 227.

создается первая специальная комиссия по работе среди женщин.

Во всей работе по подготовке Октябрьского переворота она принимает самое живейшее участие.

После победы Октябрьской революции Инеса была избрана членом ВЦИК, а также членом президиума Московского губисполкома. Одновременно она была председателем губернского Совета народного хозяйства.

В течение всего 1918 года Инеса ведет большую советскую и хозяйственную работу. Но она ни на минуту не отрывается и от партийной работы. Будучи членом бюро Московского губернского комитета партии, она ведет энергичную и успешную борьбу против меньшевиков и эсеров, делает доклады и выступает на митингах на предприятиях Москвы и Московской губернии, где ее хорошо знают и любят как рабочие, так и в особенности работницы.

Инеса была загружена до предела. Возвращалась домой поздно, до последней степени усталая, но всегда полная энергии. Она никогда не теряла бодрости и радостной, непоколебимой веры в нашу победу.

В начале 1919 года Инеса была послана за границу в составе делегации Красного Креста Советской России, чтобы добиться возвращения на родину интернированных и пленных солдат русской армии.

По возвращении из этой поездки в апреле 1919 года она целиком отдается работе среди работниц и крестьянок.

В первые годы революции работа среди женщин приобрела особо большое значение, так как бесправные, неграмотные, забитые при царском режиме работницы и крестьянки оказались в первые годы после революции в рядах наиболее отсталых слоев трудящихся. А между тем в промышленности и в сельском хозяйстве они занимали большое место. Нельзя было успешно разрешить задачи, стоявшие перед страной, без активного участия женщин. И партия стала искать такие формы работы среди женщин, которые помогали бы быстро поднять их культурный и политический уровень и втянуть в ряды активных и сознательных борцов за построение социализма. Крупнейшие деятельницы революционного движе-

ния — Крупская, Коллонтай, Арманд, Самойлова, Николаева и ряд других выдающихся большевичек отдают свои силы и знания этому важнейшему делу.

В ноябре 1918 года состоялось созванное ЦК нашей партии Всероссийское совещание работниц и крестьянок. Инеса, будучи членом президиума этого совещания, принимает самое деятельное участие в выработке его решений. Учтя пожелания этого совещания, ЦК партии создал при всех партийных комитетах комиссии по агитации и пропаганде среди работниц и крестьянок, которые затем были реорганизованы в женотделы. Инеса с самого начала участвует в работе Центральной комиссии, а затем становится первой заведующей Женотделом при ЦК партии.

Деятельность Инесы в последние годы ее жизни в области политического воспитания работниц и крестьянок велика и разнообразна. Она занимается организацией женотделов и руководит их работой, объединяет женщин вокруг партийных и советских организаций посредством делегатских собраний, принимает меры к налаживанию печатной пропаганды, для чего была создана «Страничка работницы» в «Правде», а в 1920 году журнал «Коммунистка», организует большую инструктивную работу среди женского актива на местах.

Н. К. Крупская в своей статье в журнале «Коммунистка» (№ 5 за 1920 год) писала: «Ни в одной отрасли работы не проводится такое планомерное и систематическое вовлечение отсталых слоев в советскую работу, как в области работы среди женщин. «Пропаганда делом» в женотделах идет рука об руку с пропагандой словом. Весь организационный аппарат по работе среди женщин тщательно продуман и налажен как нельзя лучше. Заслуга Инесы в области налаживания этого аппарата очень велика, тут она проявляла массу инициативы, громадную энергию и настойчивость».

Большое внимание Инеса уделяет пропагандистской работе среди женщин. В созданной ею «Страничке работницы» в «Правде», а также в журнале «Коммунистка» опубликован ряд ее статей (под псевдонимом Елена Блонина), разъясняющих основные задачи, стоявшие тогда перед работницами и крестьянками, мобилизующих

их на борьбу с контрреволюцией, на поддержку Красной Армии, на борьбу с разрухой, на активное участие в строительстве Советской власти. Таковы ее статьи: «Работница в борьбе с контрреволюцией», «Коммунистическая партия и работницы», «Работницы, вспомните о деревне», «Работницы и Советы» и многие другие.

В этот период она написала также популярную брошюру: «Почему я стала защитницей Советской власти?», рассчитанную на малоподготовленную читательницу. Брошюра имела большой успех и выдержала не одно издание. Инеса часто выступала перед работницами, и имя ее было широко известно во всей стране.

Летом 1920 года состоялся II конгресс Коммунистического Интернационала, на котором Инеса была делегаткой. Во время конгресса была проведена Международная женская конференция с участием делегаток конгресса. Основная тяжесть подготовки и проведения этой конференции пала на плечи Инесы как председателя.

Кроме того, в процессе подготовки конференции она пишет брошюру «Работницы в Интернационале», а также статьи в журнал «Коммунистка».

После конференции Инеса, крайне усталая и больная, поехала лечиться на Кавказ, но там по дороге в Нальчик заразилась холерой и в сентябре 1920 года умерла. Так окончился жизненный путь славного большевика, пламенного революционера Инесы Арманд.

На смерть Инесы ее близкий друг и товарищ Н. К. Крупская писала: «Хотелось бы, чтобы образ Инесы Арманд жил в сердцах всех, кому дорого освобождение трудящихся, в сердцах партийных товарищей, в сердцах работниц и крестьянок. А дело, за которое Инеса так страстно боролась, дело коммунизма — оно победит, в этом сомнения нет».

ОЛЬГА АФАНАСЬЕВНА ВАРЕНЦОВА

М. БАГАЕВ[1]

ОЛЬГА АФАНАСЬЕВНА ВАРЕНЦОВА

Ольга Афанасьевна Варенцова — старейшая деятельница русского рабочего движения. Она прожила долгую и плодотворную жизнь.

Ее юность пришлась на расцвет народовольческого движения, и Варенцова отдала ему дань.

С начала 90-х годов, с распространением марксизма в России, она становится убежденной сторонницей марксизма и принимает активное участие в первых рабочих социал-демократических кружках.

Всю жизнь Варенцова оставалась стойкой большевичкой. Все свои силы, весь свой огромный жизненный и политический опыт она отдавала борьбе за построение социалистического общества.

* *
*

О. А. Варенцова родилась в 1862 году в с. Иванове, ныне г. Иванове. Ее отец, бывший крепостной крестьянин, в 70-х годах прошлого столетия имел маленькую текстильную фабрику, но в 80-х годах разорился и ликвидировал свое «предприятие».

Ольга Варенцова по окончании городского училища поступила в гимназию и под влиянием произведений ве-

[1] Статья М. Багаева, напечатанная в 1948 году в виде предисловия к книге О. А. Варенцовой «Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП», для данного издания дополнена и литературно обработана.— *Ред.*

ликих революционных писателей — Чернышевского, Белинского, Писарева, Добролюбова, которые были властителями дум всего молодого поколения России, она входит в нелегальный кружок учащейся молодежи. Здесь молодежь спорила о «смысле жизни», о своем неоплатном долге перед народом, прозябающим в нищете и невежестве.

По окончании гимназии Варенцова для продолжения образования направляется в Москву и поступает на Высшие женские курсы Герье.

На эти курсы, как правило, поступали такие девушки, девизом которых было служение народу.

Ольга Афанасьевна Варенцова стремится к революционной деятельности, но ее связи ограничены еще студенческой средой.

В студенческих кружках марксизм в то время не имел широкого распространения. Господствующим направлением в них являлось народническое. Вернее сказать, это было эпигонство героической «Народной воли», которая после 1 марта 1881 года фактически сошла с исторической арены.

1887 год был ознаменован грандиозными студенческими волнениями, которые особенно бурными были в Москве. Внешне они носили экономический характер, это был резко выраженный протест против реакционного университетского устава, но фактически они имели политическое направление. В одной из студенческих прокламаций подчеркивается, что причина студенческих «беспорядков» — это «сознание невыносимости тех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности».

Среди московского студенчества в ночь на 27 апреля 1887 года были произведены массовые аресты. Была арестована и курсистка О. А. Варенцова. При обыске у нее была найдена нелегальная литература, но связь с «преступным» обществом «Народной воли» не была установлена, и поэтому Варенцова отделалась сравнительно «легко».

После нескольких месяцев предварительного заключения она была приговорена к шести месяцам одиночного тюремного заключения, а затем выслана под гласный надзор полиции в Иваново-Вознесенск.

Здесь она поддерживала связь с кружком самообразования, носившим народническое направление, но в душе у нее уже зародилось сомнение в правильности народнической теории и народовольческих методов борьбы.

Жизнь на каждом шагу опровергала основное положение народничества, гласившее, что в России развитие капитализма невозможно.

Иваново-Вознесенск, где жила О. Варенцова, и примыкавший к нему район (Шуя, Вичуга, Кинешма) являлись уже крупными центрами бурно развивавшейся текстильной промышленности.

Нищие и полуразоренные деревни поставляли сюда дешевую рабочую силу, покорную и забитую.

За 17—18-часовой рабочий день рабочим текстильной промышленности платили гроши, которых едва хватало на черный хлеб.

В три часа народ фабричный
Пробуждается, встает.
Он завяжет корку хлеба
И на фабрику идет.

Такова была горькая песенка, отражавшая жизнь рабочих.

Жили они в покосившихся домишках на краю города или тесных, зловонных хозяйских казармах, спали вповалку на нарах в три этажа.

Чудовищная эксплуатация и тягчайшие условия жизни толкали рабочих на борьбу.

О. А. Варенцова была связана с передовыми рабочими Иваново-Вознесенска. Но она еще не окончательно отошла от народнических взглядов.

Большое значение в переломе ее взглядов сыграло произведение Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Эта книга помогла Варенцовой понять ошибочность народнического мировоззрения.

Серьезную роль в окончательном переходе Варенцовой на марксистские позиции сыграл приезд в Иваново-Вознесенск ее родственника студента Технологического института Кондратьева, высланного из Петербурга за участие в демонстрации при похоронах писателя Шелгунова.

Кондратьев в Петербурге был связан с марксистскими кружками Бруснева, Красина и других и стоял на марксистских позициях. По приезде в Иваново-Вознесенск он начал заводить связи с рабочими, и при его активнейшем участии к концу 1892 года в Иваново-Вознесенске был организован первый социал-демократический кружок.

В силу конспиративных соображений Ольга Афанасьевна первое время не участвовала в руководстве кружком, а поддерживала с ним связь через рабочего Е. Новикова. Летом она жила в деревне Куликово и вела пропаганду среди местных жителей, работавших на Ивановских текстильных фабриках.

Социал-демократический кружок быстро рос и расширял поле своей деятельности. Он имел конспиративные квартиры, где проводились занятия. В 1895 году этот кружок был преобразован в Иваново-Вознесенский союз. Ольга Афанасьевна, к тому времени уже деятельная, опытная пропагандистка, вошла в его «руководящий центр».

К концу 1895 года в Иваново-Вознесенской социал-демократической организации уже начали проявляться принципиальные разногласия. Руководящие работники союза — Кондратьев и Евдокимов, превратившиеся впоследствии в заядлых «экономистов», хотели ограничиться кружковой работой и остаться в стороне от политической борьбы рабочих масс.

В борьбе с «экономистами» Ольга Афанасьевна проявила себя уже как сложившаяся революционная марксистка. Она горячо поддерживала сторонников политической борьбы.

В январе 1896 года жандармы произвели налет на Иваново-Вознесенскую социал-демократическую организацию и арестовали Кондратьева и Евдокимова. Руководство перешло к О. А. Баренцовой.

В июне 1896 года было арестовано еще несколько товарищей. Варенцова совместно с другими взялась за перестройку организации: были созданы фабрично-заводские ячейки, центр тяжести партийной работы был перенесен на фабрики и заводы.

В 1897 году в Иваново-Вознесенске произошла всеобщая стачка ткачей и прядильщиков, в которой приняло

участие около 15 тысяч человек. Стачкой фактически руководил Рабочий союз.

В июне 1897 года на рабочие организации обрушились репрессии. Вместе с большой группой рабочих была арестована и О. А. Варенцова.

После девятимесячного тюремного заключения Варенцову на два года выслали в Уфимскую губернию. Она жила в маленьком городишке Бирске, но была связана с социал-демократической организацией Уфы.

Здесь находились крупные партийные силы, в том числе Н. К. Крупская, заканчивавшая в Уфе свою ссылку. Однажды Ольге Афанасьевне посчастливилось быть на собрании уфимских ссыльных, где В. И. Ленин, возвращавшийся из сибирской ссылки, познакомил товарищей со своим планом издания нелегальной общеполитической газеты. Когда такая газета была Лениным создана и стала выходить под названием «Искра», О. Варенцова твердо встала на ее позиции.

После окончания срока ссылки Ольга Афанасьевна пыталась остаться в Уфе, но полиция запретила ей проживать в 22 промышленных губерниях, в том числе и в Уфимской, и она уехала в Воронеж, где жили высланные товарищи из Иваново-Вознесенска и Ярославля.

В Воронеже О. А. Варенцовой, как стороннице «Искры», пришлось решительно бороться с «рабочедельцами». Это оппортунистическое течение возглавлялось в Воронеже Ю. П. Махновец (сестра одного из редакторов «Рабочего дела» — Акимова).

Находясь в Воронеже, О. А. Варенцова совместно с иваново-вознесенцами и москвичами участвует в разработке плана создания организации чисто искровского направления Северного рабочего союза. Эта организация должна была охватить Иваново-Вознесенск, Ярославль, Кострому и Владимир. Главнейшей своей задачей Союз ставил ликвидацию организационного кустарничества и борьбу с оппортунистическими течениями — «экономизмом» и «рабочедельчеством».

По окончании срока ограничения места жительства Ольга Афанасьевна поехала осуществлять на месте план создания Северного рабочего союза. По пути она заехала в Уфу к Н. К. Крупской, чтобы получить первый номер

газеты «Искры» и адреса для переписки с редакцией «Искры».

Один из старейших большевиков — А. С. Шаповалов, находившийся в то время на подпольной работе в Иваново-Вознесенске, пишет:

«Знакомство с ивановскими передовыми, сознательными рабочими произвело на меня чрезвычайно отрадное впечатление. Они поражали своей энергией, искренностью, преданностью делу, прямотой. Некоторые были уже вполне установившимися искровцами. Значительная часть их еще переживала переходный период от традиции «экономизма» и «рабочедельчества» к искровскому направлению. Пионером последнего они считали Варенцову Ольгу Афанасьевну».

В августе 1901 года в Кинешме было созвано совещание представителей Ярославской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Владимирской организаций. Ольга Афанасьевна участвовала на этом совещании как представительница Ярославля.

Совещание было созвано главным образом для выработки политической платформы Северного рабочего союза. Почти все участники совещания безоговорочно приняли предложение одобрить политическую линию и организационный план «Искры». Лишь несколько колебались костромичи, но и они голосовали за это предложение.

В начале января 1902 года в Воронеже происходил съезд Северного рабочего союза. На съезде была выработана программа этого Союза и избран его руководящий орган — Центральный комитет, в котором на Ольгу Афанасьевну были возложены обязанности ответственного секретаря. Как секретарь ЦК Северного рабочего союза О. А. Варенцова посещала Иваново-Вознесенск, Кострому, Владимир. Одновременно она работала и как член Ярославского комитета.

Северный рабочий союз, который был одним из самых крепких сторонников «Искры», сыграл большую роль в подготовке и создании партии нового типа.

В 1902 году царские сатрапы учинили разгром Северного рабочего союза и нанесли ему огромный урон. Были произведены массовые аресты в Ярославле, Костроме и

Владимире. В числе арестованных оказалась и О. А. Варенцова.

Не лишена интереса характеристика, данная ей охранкой. В донесении департамента полиции говорится:

«Варенцова Ольга Афанасьевна, тщедушная, за 30 лет, служит в статистическом бюро, выдержанная, уравновешенная натура; заядлая социал-демократка искровского толка... Переселившись в Ярославль и вступив в местный социал-демократический комитет, она явилась агентом «Северного Союза», участвуя на съездах деятелей оного, а равно в выработке программы и устава его. Лично ведет постоянную пропаганду среди рабочих... Одобрила приобретение типографии, вызволила на это средства у Центрального Комитета «Северного Союза», первейшим членом которого она состоит давно»... Дальше указывается, что при обыске у нее был обнаружен заграничный адрес редакции «Искры».

Ольга Афанасьевна была выслана в Астрахань, но здесь заболела тяжелой формой малярии и была переведена в Вологду. В ссылке она не прекращает революционной деятельности, и ее избирают секретарем местной социал-демократической группы.

Шел 1905 год. Огромный революционный подъем царил в рабочих массах Иваново-Вознесенска. Всеобщая стачка, которая проходила под руководством революционных социал-демократов, большевиков, закалила рабочих. Перед лицом всей России рабочие «русского Манчестера» показали образец мужества, пролетарской солидарности и выдержки. Они создали фактически первый в России Совет рабочих депутатов. Многотысячные собрания рабочих на реке Талка заслуженно получили всероссийскую известность, как своеобразный «рабочий университет».

Ольга Афанасьевна не может больше оставаться вдали от родных краев. Она бежит из ссылки и целиком отдается нелегальной партийной работе. Она работает в Егорьевске под Москвой, в Ярославле, в военной организации Петербурга.

В июле 1906 года она едет в родной Иваново-Вознесенск, который превратился в один из крупнейших центров пролетарской борьбы.

Осенью 1906 года по инициативе Иваново-Вознесенского городского и окружного комитетов была созвана районная партийная конференция из представителей социал-демократических организаций Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы, Тейкова, Гаврилова посада, Середы и Родников.

Конференция решила объединить все организации в одну под названием Иваново-Вознесенский комитет РСДРП.

В эту социал-демократическую организацию вошло до 5 тысяч человек.

Произведенная реорганизация имела очень большое значение для объединения, сплочения и наиболее целесообразного использования партийных сил местных организаций.

Для идейно-политического руководства из представителей этих организаций был избран руководящий центр — Союзный совет, а для ведения текущей работы Союзный совет уже из своего состава выделил Исполнительное бюро в пять человек.

В Исполнительное бюро Союзного совета вошли Фрунзе, Бобровская (Зеликсон), а также Варенцова.

Память о совместной работе с М. В. Фрунзе Ольга Афанасьевна сохранила на всю жизнь. В 1925 году в журнале «Пролетарская революция» была напечатана ее статья о Михаиле Васильевиче Фрунзе.

В этой статье Ольга Афанасьевна писала: «Я встретилась впервые с М. В. Фрунзе летом 1906 года, когда приехала работать в Иваново-Вознесенск. Здесь от растерянности и уныния, охвативших рабочих после октябрьского погрома 1905 года, не осталось и следа. С половины 1906 года до осени 1907 года партийная организация существовала почти открыто. Фабричные собрания, митинги, конференции устраивались на глазах полиции, занявшей выжидательную позицию. Прокламации, нелегальные газеты распространялись в таком большом количестве, что фабричная администрация и полиция были бессильны бороться «с этим злом», вынуждены были мириться с ним. Только что народившиеся профессиональные союзы широко развернули свою работу. Образовавшийся осенью 1906 года Иваново-Вознесенский союз

РСДРП — районная организация, объединившая соседние социал-демократические организации — Шуйскую, Тейковскую, Колохомскую, Родниковскую и др.,— придал партийной работе еще более широкий размах и планомерность. Среди рабочих наблюдался огромный интерес к партии и политической жизни. Избирательная кампания во 2-ю Государственную думу была проведена организацией превосходно — в уполномоченные по фабрикам и заводам прошли социал-демократы большевики, партийные кандидаты. От губернии провели депутатом во 2-ю Государственную думу иваново-вознесенского рабочего-большевика Жиделева. При проводах Жиделева в Петербург была устроена грандиозная демонстрация: по зову партийной организации бросили работу и вышли рабочие всех фабрик и заводов».

О. А. Варенцова пользовалась большим авторитетом в Иваново-Вознесенском крае. Этот авторитет был завоеван ее беспредельной преданностью пролетарскому делу.

Самодержавие жестоко преследовало рабочее движение; репрессии против революционных социал-демократов следовали одна за другой. В 1908 году в Иванове начались аресты, и виднейшие работники организации группами и поодиночке начали выбывать из строя. Была арестована и административно выслана и Варенцова. Она вернулась в Иваново-Вознесенск в 1910 году и вновь горячо взялась за организацию партийных сил. По инициативе иваново-вознесенских и кинешемских товарищей в Кинешме была созвана партийная конференция, на которой представителем от иваново-вознесенской организации была О. А. Варенцова. На конференции она была избрана председателем. Эта конференция оказалась выслеженной, и делегаты ее в полном составе были арестованы. Всех их продержали несколько месяцев в тюрьме, но прямых улик не было. Делегаты держались сплоченно и заявляли, что они собрались для того, чтобы заслушать доклад своего депутата «О страховании рабочих». В декабре 1910 года дело было прекращено из-за отсутствия вещественных доказательств.

Ольге Афанасьевне нельзя было и думать о возвращении в Иваново-Вознесенск. Она едет в Москву и включается в подпольную партийную работу. Весной 1913 года

ее снова арестовывают и на этот раз высылают в Олонецкую губернию, а несколько позже переводят в Вологодскую губернию.

Из этой ссылки Ольга Афанасьевна вернулась осенью 1916 года. Она поселилась в Москве и стала работать в Литературной группе Московского областного бюро партии. Здесь ее застала Февральская революция 1917 года. В это время ей было уже 55 лет, но она своим энтузиазмом и энергией буквально заражала окружающих.

Она становится на один из самых боевых участков — формирует по заданию Московского комитета Военное бюро для работы среди солдат московского гарнизона. К половине марта Военное бюро окончательно сконструировалось, и секретарем его была избрана О. А. Варенцова.

Бюро провело большую работу в воинских частях. Оно установило тесные связи с ними, провело массу митингов, собраний, развернуло большую работу по снабжению воинских частей литературой. Бюро ставило перед собой большие задачи — «связать, объединить работу в армии с крестьянской работой, через армию связаться с деревней, создать опору среди крестьянства».

В период Великой Октябрьской социалистической революции О. А. Варенцова была членом боевой тройки Городского района города Москвы, руководившей военными действиями против юнкеров.

В годы гражданской войны Ольга Афанасьевна вновь работает в родном Иванове. В эту суровую пору, когда молодая Республика Советов, не щадя сил и крови, отстаивала свою свободу и независимость, она, в качестве секретаря Губернского комитета, организовывала массы на отпор врагу.

«Под ружье, коммунисты! На мобилизацию! Немедленно выделяйте каждого пятого, каждого третьего из своих рядов. В последний бой. На защиту Волги, за освобождение Урала, на разгром Колчака, рабочие красной губернии» — с таким вдохновенным призывом обратилось Бюро Губернского комитета партии к коммунистам, а затем и ко всем трудящимся Иваново-Вознесенска. Лучшие сыны и дочери Иваново-Вознесенска откликнулись на этот призыв и отправились на борьбу с Колчаком.

С пламенным призывом обратилось к трудящимся Бюро Иваново-Вознесенского губкома и в дни наступления Деникина.

«Товарищи рабочие! Пусть набатным звоном прозвучит по всем заводам, фабрикам, поселкам, кварталам и квартирам: «Деникин идет! Зверское самодержавие надвигается!» Пусть каждый, кому дорога свобода и добытые с нею в революционной борьбе права рабочего класса, спешит на защиту революции, на защиту своих прав, на защиту Советской России, вступая в ряды Красной Армии путем добровольной записи, производящейся Иваново-Вознесенским губернским комитетом Коммунистической партии (большевиков)».

Иваново-Вознесенская партийная организация мобилизовала своих членов и на борьбу с Юденичем, и на Западный фронт для отпора панской Польше, и на подавление Кронштадтского мятежа.

Роль Ольги Афанасьевны Варенцовой во всей этой работе была поистине огромна.

Из воспоминаний старого ивановского большевика Михаила Юрпова видно, какой любовью и безграничным доверием пользовалась О. А. Варенцова среди коммунистов и беспартийных Иваново-Вознесенска.

10 и 11 марта 1921 года, рассказывает он, О. А. Варенцова вызвала его в Губком и сказала, что надо ехать в Петроград на подавление Кронштадтского мятежа.

«Милая Ольга Афанасьевна,— рассказывает М. Юрпов,— она всегда говорила с нами, как родная мать со своими сыновьями. Любили мы ее несказанно. Сидит обычно усталая, в серенькой кофточке, с глухим воротничком и смотрит на тебя умными всевидящими глазами. Жалко ей тебя, тоже измученного бессонными ночами, недоедающего, а виду не показывает, что сочувствует тебе.

— Когда ехать, Ольга Афанасьевна? — спрашиваю я.

— Да часа через три надо выехать.

Все было просто, ясно и до боли сердечно.

Эта женщина никого не понукала, никогда, сколько я ее знал, не повышала голоса, но в каждом ее слове было столько обаяния, властности... И мы, 70 большевиков, лично отобранных Ольгой Афанасьевной, выехали через Москву в Петроград брать Кронштадт».

О. А. Варенцова не только была секретарем Губкома и членом Губисполкома. Она возглавляла комиссию помощи раненым и больным красноармейцам, комиссию «День красного подарка» и выполняла множество других работ. И во все она вносила присущие ей организованность и настойчивость.

В начале 1920 года в качестве председателя Губернской комиссии по проведению «Недели фронта» О. А. Варенцова писала, что рабочих и крестьян необходимо привлечь для «интенсивного сбора подарков одеждой, обувью, бельем, продовольствием и пр. Здесь необходимо соблюдение величайшего такта и строжайшего учета для предотвращения нареканий и сплетен. Отчетность и гласность должны быть поставлены на надлежащую высоту. Везде и во всем коммунисты должны идти впереди».

В городе и в деревне были проведены сотни митингов, и народ делился со своими защитниками — красноармейцами — последними крохами.

О. А. Варенцова как секретарь Губернского комитета партии принимала самое деятельное участие во всех мероприятиях, направленных на улучшение продовольственного положения трудящихся. А положение иваново-вознесенцев было исключительно тяжелым. В течение многих месяцев норма выдачи хлеба рабочим не превышала 200 граммов в день.

В письме к рабочим Европы и Америки В. И. Ленин писал: «Бедствия голодающих рабочих в Петрограде и Москве, в Иваново-Вознесенске и других рабочих центрах действительно велики. Никогда не вынесли бы рабочие массы таких бедствий, таких мук голода, на которые обрекает их военное вмешательство Антанты... если бы рабочие не понимали, что они отстаивают дело социализма и в России и во всем мире» [1].

Плохо было и с сырьем для текстильной промышленности Иваново-Вознесенска. Хлопка не было, фабрики и заводы стояли.

Только после решающих побед на фронтах гражданской войны в Иваново-Вознесенскую губернию прибыли

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 414.

первые эшелоны хлопка. В октябре 1920 года после долгого перерыва на некоторых фабриках вновь раздался гудок. В губернской газете «Рабочий край» в связи с этим появилась статья О. А. Варенцовой:

«Уныло и молчаливо стояли наши фабрики,— писала она.— Жизнь замерла на них. С грустью и тревогой смотрели на них рабочие, переживая мучительную полосу жестокой нужды и безработицы».

Указывая, что возрождение наших фабрик и заводов стало возможным только благодаря блестящим победам Красной Армии, возвратившим Советской Республике Туркестан и Баку, О. А. Варенцова призывала текстильщиков и ситцепечатников «проявить энергию и стойкость» в деле восстановления промышленности и тем самым опровергнуть легенду буржуазии и ее ученых слуг, что пролетариат не может обойтись без капиталистов.

«Российский пролетариат,— говорилось в статье,— взявший в свои руки государственную власть, должен наглядно доказать всему миру, что он способен создавать высшие хозяйственные формы. Этого требует, товарищи, ваша пролетарская честь и ваш пролетарский долг.

Сегодня снова оживут наши фабрики. Раздастся призывной гудок, задымятся фабричные трубы, задвигаются станки и машины. Рабочие снова возвратятся на фабрику, в свою родную стихию, но не на старые фабрики, где царило самовластие хозяина, а на новые пролетарские фабрики, где будет господствовать творчество рабочего».

О. А. Варенцова не мало сделала для того, чтобы в самых разнообразных и плодотворных формах проявилось творчество рабочего класса, в неимоверно трудных условиях взявшегося за строительство социалистического хозяйства. Память о ее работе живет в благодарном сердце иваново-вознесенского пролетариата.

Крупная бумагопрядильная, ткацкая и ситцепечатная фабрика т-ва мануфактур Н. Гарелина в Иваново-Вознесенске носит сейчас имя О. А. Варенцовой.

Ольга Афанасьевна избиралась членом Комиссии партийного контроля при ЦК; много лет работала в Истпарте

при ЦК ВКП(б), в Институте марксизма-ленинизма и является автором ряда интересных работ по истории партии и по истории рабочего движения в России.

В Международный женский день 8 марта 1933 года Ольга Афанасьевна была награждена Орденом Ленина.

Ольга Афанасьевна Варенцова умерла в Москве в 1950 году в возрасте 88 лет. В жизни своей она испытала великое для общественного деятеля счастье. В победоносном социалистическом строительстве Советского Союза она увидела осуществление тех идеалов, служению которых посвятила всю свою жизнь.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА ВЕЛИЧКИНА
(БОНЧ-БРУЕВИЧ)

М. БАРСУКОВ

ВЕРА МИХАЙЛОВНА ВЕЛИЧКИНА (БОНЧ-БРУЕВИЧ)

Есть люди, общественные деятели, облик которых с особой силой запечатлевается в нашем сознании и на долгие годы остается в нашей памяти. Такой была Вера Михайловна Величкина, отличавшаяся удивительной простотой, принципиальностью во всем, даже в мелочах, чуткостью и отзывчивостью.

Маленькая ростом, гладко причесанные черные с проседью волосы, вечно куда-то стремящаяся — вот такой сохранилась в моей памяти Вера Михайловна, с которой мне пришлось часто встречаться и вместе работать в первые годы Советской власти.

* *
*

Вера Михайловна Величкина родилась в Москве в 1868 г. в семье священника. Семья была большая. Старшие братья учились в университете. Вместе с ними и их товарищами в семью проникала свежая струя общественной жизни. Молодежь, окружавшая Веру Михайловну, была в значительной части настроена оппозиционно к правительству, и это не могло не отразиться на впечатлительной натуре молодой девушки, которая внимательно присматривалась и прислушивалась к тому, что творилось кругом.

Величкиной исполнилось 17 лет, когда она окончила гимназию. До 1890 года она жила главным образом у брата в Коломне и Кинешме, где брат служил инженером на железной дороге. Вера Михайловна много читала,

особенно по естествознанию, глубоко интересовалась и общественными науками, изучала иностранные языки. С юных лет она проявляла склонность к исследовательской работе, особенно в области биологии.

Жизнь, оторванная от общества, не могла удовлетворить живую натуру Веры Михайловны, и она стремится вырваться из семейного круга. Вскоре это ей удалось. Начало положили события 1891 года, когда вследствие неурожая в стране начался голод. Бедствия народа волновали Веру Михайловну, не давали ей покоя. Сытая жизнь в Москве стала ей невыносима, и она твердо решила уйти из дома и включиться в работу по оказанию помощи голодающим. Ей было очень трудно расстаться с матерью, к которой она была особенно нежна и близка. Но горе народное требовало действий, и она решила уехать на борьбу с голодом.

Вера Михайловна слышала, что Л. Н. Толстой активно помогает голодающим, и у нее возникла мысль обратиться к нему.

По рассказам близких Л. Н. Толстого, Вера Михайловна произвела на них впечатление слабой и болезненной девушки и они между собой решили не привлекать ее к работе, связанной с большими трудностями.

Но Лев Николаевич Толстой думал по-другому. Он почувствовал в этой хрупкой девушке большую духовную силу и предложил ей работать вместе с ним. Толстой спросил Веру Михайловну, когда она предполагает ехать: «Сегодня»,— ответила она. Такая решительность особенно понравилась ему.

На следующий день после беседы с Толстым Вера Михайловна отправилась в село Бегичевку Рязанской губернии, которое являлось центром деятельности по борьбе с голодом.

Прошел год, и Величкина почувствовала, что их работа по борьбе с голодом носит крохоборческий характер и не поможет крестьянству выйти из нужды, что для облегчения его участи требуется какая-то коренная ломка. Но какая — она еще не знала.

В 1892 г. Вера Михайловна уезжает в Швейцарию и поступает на медицинский факультет Цюрихского университета. Первое время она еще поддерживает связь с

народническими группами. Однако, знакомясь с марксистской литературой и внимательно прислушиваясь к спорам марксистов с народниками, она начинает критически относиться к их теории.

Побывав в гуще народа во время борьбы с голодом и убедившись в том, как далеки от жизни народнические воззрения, Вера Михайловна теряет веру в них.

«Чтобы совершилось то, о чем мечтают народники, должно совершиться чудо,— говорила Вера Михайловна,— а я в чудеса не верю и должна откровенно сказать, что народническая программа не имеет под собой реальной почвы. Им не на кого, кроме учащейся молодежи, опереться. Крестьяне их не знают и не понимают».

Замечательный образ Веры Михайловны того времени дает в своих воспоминаниях писатель и издатель книг для народного чтения И. И. Горбунов-Посадов.

«Я помню как сейчас,— пишет он,— как мы сидим с ней под вечер у Цюрихского озера. Из курзала доносятся звуки музыки, по озеру волшебно скользят лодочки, а мы — я, молодой литератор, и она, молодая русская девушка,— говорим не о красоте этого вечера, этих звуках, хотя оба мы любим, ценим красоту и можем восторгаться ею, но мы говорим с ней о том, чем, больше всего полны молодые русские души: прежде всего о высоких идеалах жизни, о народе, о борьбе за его счастье, за его освобождение, о борьбе за самое широкое и глубокое народное просвещение. И вот передо мною сейчас опять встает ее трепетная душа, и я как сейчас помню эту беседу под звуки музыки там, где нарядные европейцы наслаждались эстетическими переживаниями, а мы с ней могли говорить и там только о том, чем трепетно болели и горели наши души».

Разочаровавшись в народниках, Вера Михайловна все свое внимание устремляет на социалистическую литературу. Она начинает выступать в русской нелегальной печати.

Воспользовавшись летним перерывом в занятиях, Величкина едет в Россию и случайно знакомится с народоправцами. Она не разделяет их взглядов, но уважает за оппозиционность по отношению к царизму. Однажды

она дает у себя приют видной народоправке М. И. Сыцянко (Ослоповой) и этим обращает на себя внимание полиции.

Необходимо отметить, что дом Величкиных в Москве, где жила и воспитывалась Вера Михайловна, в начале 90-х годов прошлого столетия, как отмечала «охранка», был одним из центров революционной Москвы. Почти вся семья Веры Михайловны — брат Николай, сестры Клавдия и Мария находились под гласным надзором полиции. В 1894 г., по имеющимся в архиве охранки «дневникам наружного наблюдения» за семейством Величкиных, видно, что их дом посещали многие революционеры, среди них были В. Д. Бонч-Бруевич, П. Г. Смидович и другие.

Осенью 1894 года, когда Величкина должна была выехать в Цюрих для продолжения образования, полиция задерживает ее на вокзале. Дома у Веры Михайловны был произведен тщательный обыск. Находившаяся у них на квартире Сыцянко, а также брат Веры Михайловны Николай были арестованы. Правительство возбудило против народоправцев судебный процесс, и к нему была привлечена В. М. Величкина. Но из дела быстро выясняется полная непричастность к нему Веры Михайловны. Однако в связи с тем, что всю найденную в квартире нелегальную литературу Величкина берет на себя, она несколько месяцев просидела в тюрьме и была освобождена по амнистии в связи с воцарением Николая II. Величкина была выслана из Москвы в Воронежскую губернию, где жила под гласным надзором и в отдаленных деревнях занималась фельдшерской практикой и культурно-просветительной работой.

Вернувшись в Москву летом 1895 года, Вера Михайловна примыкает к уже сложившемуся тогда молодому кружку социал-демократов, связанному с московскими рабочими. В том же году она пишет популярную брошюру о братьях Гракхах, которую московская цензура запрещает к печати. В 1896 году Величкина снова уезжает в Швейцарию, имея от нескольких московских социал-демократических кружков, объединившихся в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», партийные поручения к группе «Освобождение труда», в частности к Г. В. Плеханову и П. Б. Аксельроду.

За рубежом Величкина присоединяется к группе товарищей, организовавшейся вокруг Плеханова, и принимает участие в идейной борьбе против рабочедельцев. В 1898 году Вера Михайловна, будучи еще ранее знакомой с В. Д. Бонч-Бруевичем, выходит за него замуж. После окончания Бернского университета Вера Михайловна вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем уезжает в Канаду, где работает в качестве врача среди духоборов, которых правительство Николая II после жестоких преследований выслало навсегда из России. Пробыв в Канаде немногим больше года, Величкина возвращается в Швейцарию.

За время пребывания в Бернском университете и в Канаде Величкина большое внимание уделяет литературной деятельности. Она пишет книги и статьи, занимается литературными переводами. Из ее оригинальных работ, вышедших за эти годы, можно отметить: «Друг детей» — биография Песталоцци, «Швейцария» — всестороннее описание этой страны для юношества, «Духоборы в Канаде». Из переводной литературы Величкина более всего работала над романом Поленца «Крестьянин», появлению которого в России придавали большое значение. В это же время она приготовила к печати две книги Германа Вагнера: «В поле и на лугу», «Жизнь замечательных растений», а также рассказы для детей младшего возраста «Что рассказывала мама о полезных вещах, которые были у детей в комнате».

Она решила вернуться в Россию, но при переезде через границу была арестована и отправлена в Петербургскую тюрьму. Здесь она опасно заболела, и ее положили в больницу. В тюремной больнице у Веры Михайловны родилась дочка, которая умерла на другой день.

В 1901 году Вере Михайловне разрешают уехать за границу, где она работает в редакции журнала «Жизнь». Этот журнал в 1897—1901 годы издавался в Петербурге и был органом «легальных» марксистов. В 1901 году он был закрыт царским правительством, и его издание перенесли за границу, где он выходил до 1902 года. Вера Михайловна принадлежала к той части редакции, которая стремилась к объединению с Заграничной лигой русской

революционной социал-демократии и группой газеты «Искра».

В 1902 году Величкина вступила в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии. После II съезда РСДРП она твердо становится на большевистские позиции и до конца жизни отдает все свои силы большевистской партии.

Она переводит на русский язык «Критику Готской программы» К. Маркса, «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Ф. Энгельса, «Программу рабочей партии» Гэда и Лафарга, «Очередные проблемы международного социализма» К. Каутского и ряд художественных произведений иностранных писателей. Вера Михайловна в этот период выступает и как автор. Она написала двухтомную монографию, посвященную истории инквизиции. Одновременно она работает в партийной печати — помещает свои заметки в газетах «Искра» и «Вперед», обрабатывает для них материалы, составляет сборник революционных стихотворений под названием: «Перед рассветом» и пр.

В 1904 году Величкина принимает деятельное участие в редактировании социал-демократического нелегального журнала «Рассвет», издававшегося по решению II съезда РСДРП для распространения среди сектантов, и регулярно сотрудничает в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий».

Вера Михайловна поражала своей работоспособностью. Л. Федорченко (Чаров) в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Каторга и ссылка», пишет: «Вообще работоспособностью Вера Михайловна отличалась изумительной, несмотря на свое хрупкое здоровье. Я не помню ее отдыхающей, праздно проводящей время. Когда бы ни заходил в ее комнату, всегда заставал ее за книгой и бумагой.

Она производила впечатление ученого или писателя, а обстановка ее комнаты — делового кабинета. Ничего при этом от русского нигилизма. Светло, чисто, уютно... И знакомые, и товарищи, попадавшие к ней, сразу чувствовали себя окруженными атмосферой высших литературно-общественных интересов... Как в маленьких, так и в больших делах Вера Михайловна проявляла себя, как чуткий

и отзывчивый товарищ, отдаваясь всецело на служение другим».

Наряду с литературной работой Вера Михайловна выполняла такую хлопотливую обязанность, как организация «мелкого транспорта», т. е. пересылки в Россию большевистских изданий, отдельных брошюр, воззваний, дискуссионных листков, а также и газеты «Вперед».

В этом деле она проявляла большую инициативу и изобретательность. Одному из своих знакомых — переплетчику-швейцарцу, сочувствующему революционному движению — она дала задание изобрести такой клеевой состав, который мог бы склеивать тончайшую отпечатанную бумагу так, чтобы при размачивании ее легко можно было отделять лист от листа. Переплетчик блестяще справился с поставленной задачей и добился желаемого результата. Для того времени это имело большое значение, облегчая транспортировку партийных материалов.

Много партийной литературы Вера Михайловна отправляла заделанной во всевозможные альбомы, картины и всякого рода художественные изделия. Зачастую какая-либо архибуржуазная семья, получившая от Веры Михайловны изящные подарки для ее «родственников», и понятия не имела, что везет запрещенную литературу.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич рассказывает, как ему самому пришлось воспользоваться услугами такого транспорта. «Объезжая в начале 1905 года Россию в качестве нелегального по поручению нашей партии, я в Харькове, в одной сочувствовавшей семье, где мне устроили приют, узнал, что только несколько дней тому назад получены из-за границы изящно сделанные, наклеенные на богатое паспарту картины Беклина, изображенные трехцветной прекрасной печатью.

Хозяин и хозяйка терялись в догадках, не зная, кто прислал им такой прекрасный подарок. Я попросил посмотреть эти картины, которые уже красовались на стенах в кабинете хозяина, и тотчас же догадался, что это из Женевы из нашего транспортного отделения.

Хозяин сообщил, что почтовый штемпель был из Франции. «Какой-то городишко Морне»,— прибавил он. Я-то знал, что мы, чтобы не быть выслеженными шпионами, нередко отправляли наши издания из Франции,

граница которой проходила в нескольких километрах от Женевы, и из Морне чаще всего. Так как хозяин был «свой» человек, то я сказал ему, что эти картины для меня.

Я попросил у него теплой воды в большом тазу, запер двери кабинета, безжалостно взрезал паспарту, по возможности очистил верхний слой бумаги и погрузил всю эту массу в воду. Минут через 15 вся масса пропиталась водой, и я легко стал снимать лист за листом и раскладывал все эти книжные новинки по всему пространству обширного кабинета. Хозяин стоял в каком-то оцепенении и, видимо, не верил своим глазам. Прекрасные картины Беклина родили из себя последние номера нашей газеты «Вперед», брошюры, различные листки и пр. и пр.».

Наступил 1905 год. Вера Михайловна являлась представительницей большевиков в объединенной организации политического Красного Креста, заграничный центр которого находился в Женеве. После январских событий в Петербурге она принимает горячее участие в сборе пожертвований в пользу пострадавших рабочих.

В октябре 1905 г. она едет в Петербург и включается в революционную борьбу.

В борьбе с царизмом рабочие массы выдвинули в 1905 году новую массовую политическую организацию — Советы рабочих депутатов, которые, по мнению В. И. Ленина, в ходе революции должны были стать органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

На одном из последних заседаний Совета рабочих депутатов, проходившем в помещении Вольного Экономического общества, В. М. Величкина вместе с другими была арестована и просидела несколько месяцев в тюрьме. Освободили ее от суда и следствия, как «случайно» попавшую на это заседание Совета.

Несколько окрепнув после перенесенной в тюрьме болезни, Вера Михайловна начинает работать в партийном издательстве «Вперед», где состоит членом редакции.

В связи с начавшейся в стране реакцией издательство прекратило свое существование. Оно было разгромлено, а его организаторы посажены в тюрьму. Вера Ми-

хайловна, случайно избежавшая ареста, приступает к организации рабочих клубов в центре рабочих кварталов Петербурга. Один из таких клубов «Наука» просуществовал почти 10 лет, хотя не менее раза в год подвергался налетам со стороны полиции.

Вера Михайловна приобретает в эти годы большую популярность в рабочих кварталах. Когда рабочие Выборгской стороны организовали первую больницу страховой кассы, они пригласили ее для работы в качестве врача. Частной практикой Вера Михайловна не занималась, но всегда без отказа днем и ночью шла в самые глухие места петербургских окраин, чтобы оказать медицинскую помощь.

В годы реакции Вера Михайловна работает в социал-демократической фракции Государственной думы всех созывов. Одновременно она сотрудничала в газетах «Звезда» и «Правда». В эти годы она подвергается неоднократным обыскам, но ведет работу так осторожно, что полиции не к чему придраться. Делает она все с большой любовью. В 1912 году, когда в Уфимской губернии наступил голод, Вера Михайловна едет туда и, поселившись в самой глуши башкирских селений, организует там столовые и медицинскую помощь населению.

В 1914 году разразилась первая мировая война. Вера Михайловна резко выступает против нее, ибо ей казалось безумием все то, что делалось кругом. В Петроград потянулись бесконечные вереницы раненых, и она как врач забеспокоилась и стала советоваться с партийными товарищами относительно возможной ее поездки на фронт. Конечно, никто не возражал против этого. Быстро собравшись, Вера Михайловна уехала в Киев, а оттуда на передовые позиции юго-западного фронта.

Через полтора года она решила вернуться в Петроград. Перед самым отъездом ей была поручена организация борьбы с холерой в так называемом Шутковском лагере в Каменец-Подольской губернии, где были сосредоточены русские беженцы. Благодаря принятым мерам недели через две эпидемия стала ослабевать, и Величкина уехала в Петроград. Здесь она, как и до поездки на фронт, работает в книгоиздательстве «Жизнь и Знание». Для связи с рабочими она использует клубы и рабочие амбула-

тории. Вместе с тем, Вера Михайловна усиленно занимается изучением ремесленного и фабрично-заводского труда детей и подростков. Пользуясь легальным положением всякого рода «попечительств», Вера Михайловна проводит через них текст анкеты с соответствующим воззванием и распространяет его среди рабочих. Пользуясь мандатом «попечительства», Вера Михайловна ходит по различным ремесленным заведениям, изучает положение детского труда, составляет анкеты со слов детей и собирает значительный материал, который обрабатывает в виде доклада. Именно в это время, как она сама говорит, перед ней вырисовывается программа борьбы за детскую жизнь, которая стала осуществляться после победы Октябрьской революции.

Весть о начавшихся революционных событиях в феврале 1917 года она встретила восторженно. В первую же ночь, как стало известно о выступлении рабочих и работниц, она составила сборник песен, который назвала «Песни революции».

Вера Михайловна принимает участие в организации рабочего «Красного Креста» и, находясь в его санитарных отрядах, оказывает медицинскую помощь восставшим. Особенно много она работает в Рождественских бараках вместе с хирургом В. Д. Соколовым.

Через два дня после свержения царизма она появилась в редакции «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов» и стала секретарем редакции, где проработала до захвата «Известий» меньшевиками.

До Великой Октябрьской социалистической революции Вера Михайловна работает в Рождественском райкоме партии, являясь членом бюро райкома. Она твердо стоит на ленинских позициях и активно борется за социалистическую революцию.

Мне пришлось впервые встретиться с Верой Михайловной в исторический день — 24 октября (6 ноября) 1917 года в Военно-Революционном Комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

С первых дней Октябрьской революции Величкина с огромной энергией взялась за работу в Медико-санитарном отделе Военно-революционного комитета Петроград-

ского Совета рабочих и солдатских депутатов, а затем была направлена в Народный комиссариат просвещения, где возглавила школьно-санитарный совет и соответствующий отдел при нем. Этот отдел вскоре начал издавать «Бюллетень», в первом номере которого Величкина изложила программу построения школьно-санитарного дела в Советской России.

Большую работу Вера Михайловна вела в Совете врачебных коллегий — первом высшем медицинском центре молодой республики Советов. Будучи горячей сторонницей создания Народного комиссариата здравоохранения, она приложила немало сил для его организации.

24 мая 1918 года в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» была опубликована статья Веры Михайловны, посвященная выходу в свет первого номера журнала «Известия советской медицины». В числе задач, стоявших перед Советом врачебных коллегий, она выдвинула на первое место предупреждение заболеваний и борьбу с эпидемиями. «...Тогда,— писала Вера Михайловна,— забыты будут те темные времена, когда жизнь пролетария сокращалась до невероятной степени антисанитарными условиями его жизни и работы».

Убежденный врач-профилактик, Вера Михайловна, работая в Народном комиссариате просвещения РСФСР, рассматривала вопрос об охране детства как ведущее звено в системе массовых оздоровительных мероприятий. Поэтому проблема создания яслей и теоретическое обоснование их полезности занимает не последнее место в ее деятельности. Школьный режим, детское питание, особые учреждения для ослабленных детей, лесные школы, где школьный процесс сочетался с лечебным,— все это Вера Михайловна включала в понятие охраны здоровья детей.

Вере Михайловне принадлежит идея государственного руководства делом физического воспитания детей. Начав с создания в школе маленьких площадок для игр и инструкторских курсов по физкультуре, Величкина вместе с другими товарищами настойчиво добивалась создания в Москве Института физической культуры как высшего научного центра.

«Прежняя школа,— писала Вера Михайловна,— построенная на дуалистическом взгляде на человека, на разделении души и тела, как последствие религиозного мировоззрения, не ставила себе задачей создание гармонической личности, создание целостного человека и обращала исключительное внимание на интеллектуальное развитие...»

Подчеркивая важность предупредительных мероприятий для сохранения здоровья человека, Вера Михайловна писала, что «рост медицинских знаний стал постепенно выдвигать рядом с вопросами лечения вопросы профилактики и гигиены...»

«Человека нужно не только лечить, но и сохранить его здоровье, не только сохранить здоровье человека, но и указать ему на наилучшие условия развития и роста.

Задачи физической культуры определяются, таким образом, как физическое воспитание и физическое образование».

Из всего этого видно, насколько широко и многогранно понимала Вера Михайловна задачи, вставшие перед советским здравоохранением на заре его существования. Нельзя обойти молчанием и еще одной стороны деятельности В. М. Величкиной. Она была пионером советского санитарного просвещения. Ей принадлежит большая заслуга в этом деле.

В 1918 г. в Петрограде было особенно тяжело с продовольствием, что очень болезненно отражалось на детях. Чтобы помочь им, Вера Михайловна выдвинула идею об отправке детей в «хлебородные губернии» и приняла участие в осуществлении ее. Местные Советы встретили детей радушно. Сотни детей были избавлены от голода.

Советское правительство высоко ценило работу Веры Михайловны в области здравоохранения. 22 марта 1918 года она была назначена заместителем председателя Совета врачебных коллегий, а затем 11 июля 1918 года, когда был учрежден Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, она вошла в состав первой коллегии комиссариата. Заведуя в нем отделом охраны здоровья детей, Вера Михайловна много сил отдавала вопросам детского питания.

Когда произошло покушение на В. И. Ленина, Вера Михайловна была одним из первых врачей у его постели.

В сентябре 1918 года Вера Михайловна заболела «испанкой», а затем воспалением легких, и ее организм, никогда не отличавшийся особой крепостью, не выдержал. В ночь на 30 сентября она скончалась.

Узнав о смерти Веры Михайловны, Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская направили Бонч-Бруевичу письмо, в котором выражали свою скорбь о большой утрате.

«Дорогой Владимир Дмитриевич,— писал В. И. Ленин.— Только сегодня утром мне передали ужасную весть. Я не могу поехать в Москву, но хотя бы в письме хочется пожать Вам крепко, крепко руку, чтобы выразить любовь мою и всех нас к Вере Михайловне и поддержать Вас немного, поскольку это может сделать человек, в Вашем ужасном горе. Заботьтесь хорошенько о здоровье дочки. Еще раз крепко, крепко жму руку. Ваш В. Ленин».

«Дорогие Владимир Дмитриевич и Леленька,— писала Надежда Константиновна Крупская мужу и дочери Веры Михайловны,— не знаю, что и сказать. Берегите друг друга. Крепко, крепко жму руку. Как-то ужасно трудно верится. Ваша Н. К. Ульянова».

В лице Веры Михайловны Величкиной (Бонч-Бруевич) наш народ потерял крупного государственного деятеля, все свои силы отдавшего охране здоровья трудящихся, стойкого большевика и прекрасного человека.

МАРИЯ ПЕТРОВНА ГОЛУБЕВА

Невысокая полная фигура, милое простое лицо, небольшие живые серые глаза за очками, гладко зачесанные стриженые седые волосы, темно-серая толстовка, теплый платок на плечах — такой стоит перед моими глазами мать в последние годы ее жизни.

Но со старой фотографии, сохранившейся в семье, смотрит на меня девушка с тонкими чертами лица и строгим внимательным взглядом. Это моя мать в молодости. Она одета в скромное темное платье с белым воротничком, как обычно одевались передовые девушки ее поколения.

Между образом матери последних лет и образом, запечатленным на фотографии, лежит большая жизнь, полная труда и борьбы.

О себе Мария Петровна говорила, что она была «рядовым солдатом революции», при этом со свойственной ей скромностью она никогда не подчеркивала, что принадлежала к тому узкому кругу русских женщин, которые еще в начале 80-х годов прошлого столетия вступили на путь революционной борьбы.

М. П. Голубева была близким человеком в семье Ульяновых.

Родилась Мария Яснева (это девичья фамилия матери) в знаменательный 1861 год в Ветлуге, Костромской губернии.

Отец ее, мелкий чиновник, рано умер, оставив семью без всяких средств к существованию. Грошовая государственная пенсия не могла прокормить вдову с двумя маленькими детьми. Их приютили богатые родственники.

«Детство мое прошло,— вспоминала Мария Петровна,— в поповско-помещичьей обстановке».

Серую, безрадостную жизнь девочки скрашивали только книги да близость природы. Ветлуга в ту пору была крошечным городком, окруженным дремучими лесами.

Старая нянька, бывшая крепостная, рассказывала детям страшные сказки о леших и русалках, о тяжелой жизни при крепостном праве.

Читала девочка тайком от матери и тетки с дядей, пряча книжки под пяльцами и под подушкой. Читала главным образом «жития святых», верила в бога и в нянькиных русалок. «Затем русалки исчезли, а бог не оправдал моих надежд»,— говорила Мария Петровна, вспоминая детство. Ей было 14 лет, когда они с матерью переехали в Кострому, и Мария поступила в учительскую земскую семинарию, среднее учебное заведение, готовившее учительниц для сельских школ.

В Костроме в то время жило немало политических ссыльных. Среди них были рабочие, студенты, демократическая интеллигенция. Учителя семинарии вели знакомство с этими так называемыми «запрещенными людьми». Иногда они и будущих учительниц тайком водили на подпольные собрания ссыльных.

«Мне очень рано посчастливилось,— рассказывала Мария Петровна,— приобщиться к политической и нелегальной жизни». Это знакомство с «запрещенными людьми», с революционной средой наложило отпечаток на всю ее последующую жизнь.

В 17 лет Мария Петровна окончила учительскую семинарию и ушла «в народ».

Тогда революционное народничество еще стояло на позициях непримиримой борьбы с самодержавием, считало себя социалистическим направлением. «Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов» [1],— писал В. И. Ленин.

Мария Петровна проработала в сельской школе четыре года. Летом, в каникулы, она «садилась на землю», рабо-

[1] *В. И. Ленин*, т. 18, стр. 490.

тала с крестьянами в поле. На третье лето пошла по ближайшим уездам как книгоноша-пропагандист.

Трудной тогда была жизнь сельской учительницы. Жила Мария Петровна с матерью далеко от школы, а после уроков частенько приходилось задерживаться. Уходила молодая учительница из школы затемно, и ее обычно провожала до дома сторожиха школы. Место было глухое. Идут полем, а вдали воют волки, всегда по зимам голодные. Однажды на обратном пути на старуху напал волк, а к утру она умерла от укусов.

Летом 1881 года в Костроме на собрании нелегального кружка народников Мария Петровна услышала выступление известного тогда революционера-демократа Петра Григорьевича Заичневского — автора прокламации «Молодая Россия». Эта прокламация была написана им в тюрьме и содержала призыв к свержению царского строя.

Заичневский придерживался идей французского якобинства, считал, что революция должна быть «кровавой и неумолимой», что с помощью заговора организованного меньшинства революционной интеллигенции можно захватить власть и уничтожить угнетателей.

Заичневский произвел на Марию Петровну сильное впечатление, и она вскоре примкнула к группе якобинцев, уехала из деревни и с жаром отдалась организационной и пропагандистской работе.

Положения, выдвинутые Заичневским на нелегальном собрании в Костроме, «формулировали то, что у меня накопилось за время моей работы в деревне», рассказывала Мария Петровна, когда речь заходила о ее якобинском прошлом.

В деревне она видела страшный гнет помещиков, бесправие крестьян, дикость и нищету, и ей казалось тогда, что достаточно с помощью революционного заговора захватить власть, чтобы покончить со всем этим.

В начале 90-х годов Мария Петровна была арестована и сослана в Самару. Здесь начинается постепенный перелом в ее политическом мировоззрении.

В Самаре с осени 1889 года жила семья Ульяновых. Бывавший в их доме известный тогда народник Н. С. Долгов, свел ссыльную Ясневу с Ульяновыми. При этом

он обратил ее особое внимание на Владимира Ильича, охарактеризовав его как необыкновенного демократа.

Знакомство их произошло осенью 1891 года.

«В одно из ближайших воскресений по приезде в Самару я пришла в семью Ульяновых, где гостеприимно встречали нашего брата-ссыльного.

Ко мне навстречу вышла приветливая, красивая старушка Мария Александровна Ульянова, мать Владимира Ильича, и старшая сестра его Анна Ильинична,— вспоминает Мария Петровна.— Когда мы вошли в столовую, в углу за шахматным столиком сидели двое мужчин: плотный блондин Марк Тимофеевич Елизаров, муж Анны Ильиничны, и другой небольшого роста, рыжеватый с небольшой лысиной». Это и был молодой Ленин. В первый момент Мария Петровна, как она признавалась потом, была несколько разочарована. «Невидный, выглядевший старше своих лет молодой человек».

Когда Мария Петровна в этот день уходила от Ульяновых, Владимир Ильич пошел ее провожать, так как жила она далеко. «Я хорошо помню это первое путешествие мое с Владимиром Ильичем по грязным и темным улицам Самары.

Я говорю — первое, потому что потом мы часто так путешествовали: всякий раз, как я уходила от Ульяновых вечером, Владимир Ильич шел провожать меня, и вот тогда-то мы с ним и вели бесконечные разговоры и споры; впрочем, спорила больше я. Но вернусь к первому путешествию...

Я, конечно, решила, что буду обращать его в якобинскую веру, попробовала за это приняться, но скоро убедилась, что это более чем трудно...

Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти» — ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ не есть нечто целое и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами».

Уже в этой первой беседе Мария Петровна поняла, что ей надо самой многое пересмотреть, многому по-

учиться. «Знакомство, беседы с В. И. Лениным наложили неизгладимый отпечаток на мое мировоззрение»,— писала она в своей автобиографии.

В начале 90-х годов Мария Петровна познакомилась со студентом Петербургского университета В. С. Голубевым, высланным в Самару за пропагандистскую работу среди рабочих, и вышла за него замуж.

Вскоре В. С. Голубева по этапу отправили в Сибирь, и Мария Петровна последовала за ним.

По окончании срока ссылки они поселились в Саратове, так как В. С. Голубеву вернуться в Петербург не разрешили.

Волна рабочих забастовок, прокатившаяся тогда по крупным промышленным городам России, большая стачка петербургских ткачей 1896 года окончательно разбили якобинские взгляды Марии Петровны, и она первая из саратовских революционеров выступила против «Кредо» Кусковой, в котором излагались оппортунистические взгляды экономистов.

Как свидетельствует сама Мария Петровна, она после встречи с Владимиром Ильичем Лениным, оставаясь организационно с якобинцами, по сути дела уже с начала 90-х годов вела работу в духе учения Ленина.

В 1901 году Мария Петровна, уже связанная с самарской социал-демократической организацией, вступает в партию. Ее первая партийная работа — транспортировка нелегальной искровской литературы. Непосредственный помощник Е. В. Барамзина — агента «Искры» в Саратове — Мария Петровна и сама нередко перевозила литературу из Саратова в другие приволжские города.

После II съезда партии Мария Петровна стала секретарем Саратовского, уже большевистского, комитета РСДРП. Владимир Ильич Ленин, узнав об этом, писал ей из Женевы: «Чрезвычайно рад..., что Вы живы и заняли солидарную с нами политическую позицию. Мы виделись и были знакомы так давно (в Самаре в 1892—1893 году), что без посредства новых друзей нам трудно бы и возобновить дружбу. А возобновить ее мне очень бы хотелось. Для этого посылаю Вам, пользуясь адресом, подробное письмо о наших делах и усердно прошу ответить лично и поскорее. Без регулярной переписки немыс-

лимо вместе вести дело, а Саратов до сих пор упорно отмалчивался целыми месяцами. Пожалуйста, поверните это теперь иначе и начните писать сами пообстоятельнее. Без подробных писем от Вас лично нельзя будет выяснить ни Ваше личное положение в деле, ни вообще саратовские условия»[1].

В конце 1904 года наша семья переехала в Петербург. Шла русско-японская война, царская армия терпела поражения. В Цусимском сражении погиб флот, пал Порт-Артур. Рабочие стачки, волнения среди солдат, крестьянские выступления, студенческие беспорядки и демонстрации — все говорило о том, что Россия накануне революции. В такой обстановке большевики готовили III съезд партии, который состоялся в Лондоне в апреле 1905 года.

Вместе с Р. С. Землячкой Мария Петровна работала в организационном комитете по созыву III съезда партии при бюро Комитетов большинства. Она выполняла технические и ответственные задания по приему и отправке едущих на съезд делегатов. Работала она и в Петербургском комитете РСДРП.

В бурные октябрьские дни 1905 года в ее квартире на углу Большой и Малой Монетных улиц был штаб Петербургского комитета. Сюда свозили бомбы и револьверы, и с утра до позднего вечера приходили и уходили рабочие, студенты, курсистки.

Один из товарищей, работавший в те годы с Марией Петровной в Петербургском комитете, как-то сказал: «Дети ее спали на бомбах».

Мария Петровна умело использовала мирную детскую комнату для конспиративных дел. Вспоминается такой случай. В 1907 или 1908 году в нашу квартиру явились жандармы. Начался обыск, во время которого ничего не было обнаружено. А после ухода жандармов из-под волос кукол были извлечены нелегальные издания, отпечатанные на папиросной бумаге и запрятанные внутрь фарфоровых головок.

В конце 1905 года при Совете рабочих депутатов в Петербурге была создана комиссия помощи безработным. В этой комиссии работала и Мария Петровна. Она заве-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 36, стр. 106.

довала столовой на Болотной улице, где ей удалось устроить агитационный пункт, из которого нагруженные листовками расходились по улицам и предприятиям Петербургской стороны и других районов Петербурга агитаторы.

В начале 1906 года в квартире Марии Петровны на углу Большой и Малой Монетных улиц помещалась штаб-квартира Владимира Ильича Ленина, происходили нелегальные свидания Владимира Ильича с руководящими партийными работниками. В этой квартире происходили заседания Центрального Комитета РСДРП, в которых участвовал Владимир Ильич Ленин. Здесь же Владимир Ильич довольно часто и ночевал в период своего нелегального пребывания в Петербурге.

Когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская перебрались в Финляндию и там начали издаваться листовки и газета, Мария Петровна переправляла их в районы Петербурга.

В 1907 году Мария Петровна приняла участие в организации нелегальной типографии на Петербургской стороне и некоторое время работала в ней.

В январе 1911 года умер мой отец, мать осталась с тремя детьми без всяких средств существования. С богатыми родственниками отца она была в натянутых отношениях. Они не могли простить отцу и матери их участия в революционном движении. Мария Петровна работала по 12 часов в сутки, и все-таки семья жила впроголодь. Здоровье ее ухудшилось. Мучили сердечные припадки. Но она никогда не жаловалась.

Работая библиотекаршей на вечерних курсах в Народном доме Паниной [1], она имела возможность не только проводить с рабочими беседы, но и снабжать их нелегальной литературой.

Февральскую революцию Мария Петровна встретила с радостью. «Революция снова привела меня в боевой порядок. Меня тянуло на улицу, в толпу, в массу, где нужно было понять и разъяснить происходящее».

[1] Панина С. В.— графиня, общественная деятельница, владелица Народного дома в Петербурге, в котором происходили рабочие собрания и митинги.

В Петроград из ссылки и эмиграции возвращалось много товарищей. Восстанавливались старые партийные связи, происходило размежевание. «Для меня лично,— писала Мария Петровна,— правота ленинских установок, как и всегда, была несомненна. С таким настроением я подошла к Октябрю».

После Октября 1917 года Мария Петровна отдалась работе по строительству новой, советской жизни. Были использованы ее знания в области статистики в Центральном совете фабрично-заводских комитетов, а позднее в Совете народного хозяйства Союза коммун Северной области и в Комиссариате юстиции. Нелегко было работать в эти годы. Молодой советский аппарат только налаживался. В это время Марии Петровне было уже около 60 лет, но это не мешало ей после трудного рабочего дня весь вечер, а то и всю ночь просидеть в холодном, плохо освещенном здании петроградской Чрезвычайной комиссии, где она помогала разбирать дела арестованных саботажников и контрреволюционеров. Среди арестованных попадались и случайно или неправильно задержанные люди. Мария Петровна обходила петроградские тюрьмы, чтобы на месте проверить материалы.

Осенью 1919 года мы переехали в Москву. Центральный Комитет партии намечал использовать Марию Петровну на работе в Свердловском университете. Но обстоятельства сложились так, что ей пришлось заняться другим делом. Это были трудные для Советской власти дни. Юденич наступал на Петроград, а войска Деникина шли от Орла и Курска к Туле. Марии Петровне, как старому, опытному конспиратору, было поручено ответственное секретное задание.

С осени 1920 года Мария Петровна вела большую работу в статистическом отделе ЦК партии.

За колонками сухих цифр она умела видеть жизнь партии, ее рост, ее развитие. Мария Петровна внимательно изучала состав партии, изменения, происходящие в ее рядах, подготовляла необходимые статистические материалы для съездов, конференций, для пленумов Центрального Комитета партии. При ее участии была проделана большая работа по подготовке партийной переписи, а также по изданию статистических сборников «РКП(б) в цифрах».

Много души вложила она в эту важнейшую область партийного строительства.

Марии Петровне было около 70 лет, когда ее в 1929 году Московский комитет выделил в комиссию по чистке партии. Эта почетная задача ей была доверена как одному из старейших членов партии.

С большой чуткостью, большевистской принципиальностью и твердостью подходила она к каждому проверяемому ею члену партии. Людей Мария Петровна любила и им доверяла, но к беспринципным, колеблющимся, примазавшимся, не говоря уже о тех, кто выступал против линии партии, относилась непримиримо. В 1933 году она была членом комиссии Бауманского района Москвы по чистке партии.

С 1928 года Мария Петровна отдает много сил Обществу старых большевиков. Она являлась членом и активным участником комиссии смычки трех поколений при этом обществе. Ей, любившей детей и молодежь,— это дело было очень по душе. Она собирала для молодежи материалы по истории партии, при ее непосредственном участии издательство «Молодая гвардия» выпустило в 1930 году сборник (в пяти выпусках) «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре». Предисловие к четвертому выпуску написано Марией Петровной.

Не зная устали, не чувствуя своих лет, она охотно выступала перед рабочими, студентами, детьми с беседами и докладами, с воспоминаниями о работе в подполье, о встречах с Лениным.

На пионерском утреннике в январе 1933 года Мария Петровна сказала: «Юные товарищи, юные ленинцы! Вы спрашиваете, кто выступает, кто говорит. Если Вам интересно, я могу сказать: я прихожусь вам революционной бабушкой, а может быть даже прабабушкой. Я в партии с 1901 года, а в революционном движении с 1881 года».

Молодежь любила Марию Петровну, а она к детям и молодежи относилась по-товарищески, никогда не было в ее беседах с ними ничего назойливо-поучительного, покровительственного.

Что же было такого в этом «рядовом солдате революции», что так привлекало к ней людей? Ее любовь к жизни, к работе, к людям, ее стремление всегда быть

полезной партии, ее глубочайшая вера в ленинские идеи и ее скромность. «В чем Вы нуждаетесь, чем можно улучшить не только Ваше здоровье, но и Вашу способность к борьбе за наши идеалы?» — спрашивали ее в 1928 году в Обществе старых большевиков. «Ни в чем не нуждаюсь и думаю, что способности к борьбе за ленинские идеалы еще не потеряла» — был ее ответ.

До последних дней своих Мария Петровна не утратила подлинно большевистского отношения к любому партийному поручению.

В 1934 году Мария Петровна участвовала в работе Бюро жалоб Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров. Вот что писала Мария Ильинична Ульянова о ее работе: «Не часто встретишь такого добросовестного работника, каким является Мария Петровна. Большим достоинством работы т. Голубевой является то, что за каждой жалобой она видит живого человека, что является наиболее важным и ценным в нашей работе».

Умерла Мария Петровна Голубева в мае 1936 года. Ушел из жизни настоящий человек, воспоминание о котором для всех знавших ее останется дорогим и светлым.

А. РАЗУМОВА и С. АРИНА

РОЗАЛИЯ САМОЙЛОВНА ЗЕМЛЯЧКА

Более полувека своей жизни отдала Розалия Самойловна Самойлова (Землячка) активной работе в русском революционном движении в рядах большевистской партии.

Свою революционную деятельность она начала 17-летней девушкой. Вступая на путь борьбы с царским самодержавием, она знала, какие трудности ее ждут. Когда она была еще ребенком, в их квартиру ворвались жандармы и все перевернули вверх дном. Два старших брата были арестованы. Помнила она и мрачную тюрьму, куда ходила на свидания с братьями. Участь братьев не запугала ее. Она твердо пошла по революционному пути. В 18 лет Розалия Самойловна была уже членом Киевского комитета РСДРП.

По доносу провокатора ее в это время арестовали. При обыске у нее нашли текст свежей первомайской прокламации.

Розалия Самойловна оказалась в тюрьме. В связи с острым заболеванием туберкулезом ее отдали на поруки. Выйдя из тюрьмы, она снова включается в революционную работу, и через две недели следует новый арест. Розалия Самойловна три с половиной года провела в тюрьме, и это окончательно расшатало ее здоровье. Царское правительство направило ее под надзор полиции в Полтаву.

Здесь находилась небольшая группа поднадзорных социал-демократов, в работу которой Розалия Самойловна немедленно включилась. В 1901 году она получила письмо от В. И. Ленина, в котором ей предлагалось выехать в Одессу в качестве агента «Искры». С этого времени начи-

нается искровский период ее деятельности. Быть агентом «Искры» — величайшее доверие для революционера того времени, ибо, писал Владимир Ильич в своей статье «С чего начать?»: «Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна...» [1].

С этих пор Розалия Самойловна получает подпольную кличку «Землячка», так хорошо известную широким массам Советского Союза.

С первых же шагов своей деятельности как агента ленинской «Искры» Розалия Самойловна с присущей ей энергией пошла в атаку против антиленинской группы «Борьба» [2].

Силы вначале были неравными, так как «Борьба» была популярна среди рабочих. Но большая работа, проведенная одесскими «искровцами» по пропаганде ленинских принципов, привела к переходу на сторону «Искры» местной социал-демократии. Организационно эта победа выразилась в том, что делегатский мандат на II съезд РСДРП получила «искровская» организация. Победа «искровцев» в Одессе имела огромное значение.

Владимир Ильич живо интересовался положением дел в одесской социал-демократической организации и в 1901 году вызывал Землячку за границу для информации о ходе борьбы за «Искру». Когда «Искра» завоевала в Одессе прочные позиции, Землячка выехала в Екатеринослав, в то время крупный промышленный центр Юга. Здесь имели место частые провалы и чуть ли не ежемесячные смены комитета. Организация переживала постоянные колебания, связь с массами слабела. В организации орудовали ярые антиискровцы, которые часто получали перевес и в комитете.

С приездом Землячки началась напряженная борьба по разоблачению мелкобуржуазной сущности антиискровцев, развернулась пропаганда ленинских позиций в вопросе о создании партии. «Искровцы» завоевывают рабочие группы на больших екатеринославских заводах. К 1903 году большинство в екатеринославской организа-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 11.

[2] Группа «Борьба» резко враждебно относилась к организационным идеям «Искры», отрицала роль пролетариата как вождя и руководителя демократического движения.

ции было на стороне «Искры» и делегатом на II съезд РСДРП от екатеринославской организации была избрана Р. С. Землячка. Но чем крепче становилась организация, тем сильнее нажимала полиция. Незадолго до II съезда в екатеринославской организации произошел провал. Ряд товарищей был арестован. Розалия Самойловна получила от В. И. Ленина указание во избежание ареста немедленно выехать за границу. По приезде Розалия Самойловна имела беседу с В. И. Лениным. «Ильич мало высказывался и много непрерывно и жадно расспрашивал о России, о каждой мелочи борьбы,— вспоминает Землячка.— После Ильича меня в переделку взяла Надежда Константиновна, учинила допрос по организационной части, об установлении связи путем шифра и пр. Несколько замечаний, сделанных Ильичем по сравнительно мелким вопросам, осветили для меня новые перспективы организационной борьбы.

Внимательное отношение Ильича к мельчайшим извилинам нашей организационной борьбы, к самому незначительному проявлению мысли и борьбы рабочего движения в России показало мне уже тогда, как умеет Ильич строить на действительном знании движения рабочих, на знании малейших поворотов в развитии этого движения новые перспективы борьбы» [1].

Землячка произвела хорошее впечатление на В. И. Ленина, и он нашел возможным поручить ей совместно с Сергеем Ивановичем Гусевым поездку в Брюссель для подготовки II съезда партии.

На II съезде, положившем начало организации большевистской партии, Розалия Самойловна (под кличкой «Осипов») активно борется за ленинские позиции. После съезда она была кооптирована в состав ЦК партии.

Последовательная сторонница ленинской линии, глубоко принципиальная, т. Землячка не могла согласиться с примиренческой позицией ряда членов ЦК и вышла из состава Центрального Комитета.

«Невыносимо было,— вспоминает она,— в то время обсуждать какой-либо организационный вопрос в смешан-

[1] Архив Р. С. Землячки, ед. хр. 124, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ном (с примиренцами) ЦК, где большевистская линия стиралась по каждому вопросу».

Дезорганизаторская, раскольническая деятельность меньшевиков при пособничестве примиренцев была тем более нетерпимой, что страна приближалась к революции. Необходим был созыв нового, III съезда партии.

Ленин решительно и энергично собирает кадры преданных партии людей. В августе 1904 года в Швейцарии под руководством Ленина происходит совещание 22 большевиков, Землячка принимает активное участие в этом совещании, а затем возвращается в Россию и как член бюро Комитетов большинства активно участвует в работе по подготовке III съезда партии.

Вооруженная решениями совещания, она объехала ряд организаций: рижскую, московскую, петербургскую, тверскую, тульскую, бакинскую, батумскую, тифлисскую, кутаисскую, екатеринбургскую, пермскую, ярославскую, вятскую. Несмотря на то, что в этих организациях уже побывали примиренцы, они одна за другой присоединялись к резолюции совещания 22-х.

После завоевания отдельных комитетов на сторону большевиков Землячка провела три областные конференции большевистских комитетов (Южную, Кавказскую и Северную).

Ленин высоко ценил энергичную работу Землячки. В письме к ней он писал: «На-днях получил также протоколы северной конференции. Ура! Вы работали великолепно, и Вас (вместе с папашей, мышью и другими) [1] можно поздравить с громадным успехом. Такая конференция — труднейшее дело при русских условиях, удалась она, видимо, отлично» [2].

В январе 1905 года Владимир Ильич снова пишет Землячке: «Вашу громадную работу по завоеванию 15 комитетов и организации трех конференций мы ценим чрезвычайно, как Вы видели из предыдущего письма по поводу северной конференции. Без Вас мы не делали и не делаем ни шагу» [3].

[1] «Папаша» — М. М. Литвинов. «Мышь» — П. И. Кулябко.— *Ред.*
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 34, стр. 242.
[3] Там же, стр. 251.

Работа Комитетов большинства увенчалась успехом, и, когда в апреле 1905 года в Лондоне состоялся III съезд партии, Землячка участвовала на этом съезде как делегат петербургской организации РСДРП.

Как известно, III съезд большевиков нацелил партию и рабочий класс на вооруженное восстание для свержения царского самодержавия.

В историю революционной борьбы российского пролетариата славную страницу вписали московские рабочие, поднявшие декабрьское вооруженное восстание.

В эти исторические дни секретарем Московского комитета большевиков некоторое время была Р. С. Землячка.

В ее воспоминаниях об этом восстании, написанных в 1921 году, как на экране проходит перед нами работа нашей партии среди самых разнообразных слоев трудящихся Москвы. Вот митинг в университете для рабочих Прохоровской мануфактуры. Прохоровцы появляются во главе со старой ткачихой, несущей знамя и гордо провозглашающей «Прохоровцы пришли». Вот митинг у мясников охотного ряда. Злобные лица, при появлении Землячки крики: «Бабу вон, бабе тут не место!». Общее негодование в ответ на слова оратора о том, что царя нам не надо, и постепенный спад недовольства под воздействием выступлений пришедших на митинг большевиков. Далее идет описание непрерывных митингов в течение нескольких суток в громадных мастерских Курской железной дороги, многолюдных митингов рабочих, среди которых преобладают рабочие завода «Гужон». На улице черносотенцы поджидают «агитатора и агитаторшу», чтобы расправиться с ними. Но внутри мастерских громовыми аплодисментами сопровождается большевистский призыв к самовооружению рабочих.

Большую работу по вооружению рабочих Московский комитет ведет, преодолевая сопротивление меньшевиков, выступавших против вооруженного восстания.

Вот что пишет в своих воспоминаниях о кануне декабрьских боев Р. С. Землячка: «Бегу на заседание пятерки с меньшевиками. Ругаюсь заранее, ибо меньшевиков вообще не люблю, а особенно в такие денечки... Вбегаю в комнату. Сидит наша пятерка. Лица злые, утомленные. Убито много часов на то, чтобы убедить

меньшевиков, что вооруженное восстание исторически неизбежно. Сообщаю, что неизбежность налицо. Кровь уже пролилась. Надо бежать, творить живую жизнь. И мы бежим, не дослушав длинных уверений, что надо задержать, что были допущены ошибки и пр. На улице весело. Бегу в район и там застаю лагерь, в котором и подготовка, и живая жизнь творятся одновременно»[1].

Одной из характерных черт Землячки, особенно выявившейся в революции 1905 года, является незыблемая вера в массы, в их творческую инициативу и революционную самоотверженность. Эта вера в массы помогала ей сохранять личное мужество в самые тяжелые моменты.

Землячка была очень смелой и решительной. В период декабрьского вооруженного восстания, когда оно уже шло на убыль и на улицах неистовствовали военные патрули, обыскивавшие и тут же расстреливавшие тех, при ком находили оружие, она, оказавшись отрезанной от руководящих органов партии, решила с одним из товарищей двинуться через все препятствия, чтобы установить потерянные связи. Вот как описывает Землячка эту свою поездку: «Мы с товарищем поехали на извозчике, он барином, а я кухаркой за провизией. С оружием расстаться было невозможно и не хотелось. Первый патруль. Окрик... «Стой, выходи! Баба пусть останется». Товарищ опускает револьвер под сиденье. Я делаю то же самое и сижу. Товарища обыскивают. И так до конца пути...

Разыскали своих и суровые, уже закаленные, начинаем по-новому строить организацию. С нами рабочие. Мы сильны теперь. Делаем выводы, подытоживаем опыт. Сосредоточиваем внимание на военной организации».

После поражения вооруженного восстания в Москве Землячка переходит на работу в военную организацию большевиков. Весной 1906 года она по доносу провокатора была арестована. В тюрьме до нее доходит слух о приезде в Москву В. И. Ленина. Эта весть, пишет Землячка в своих воспоминаниях, вызвала двоякое чувство: с одной стороны, огромную радость и уверенность в том, что Ленин поднимет настроение организации,

[1] Архив Р. С. Землячки, ед. хр. 119, оп. № 1, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

упавшее после поражения декабрьского восстания, с другой стороны — страх за возможность провала Ильича. Оставаться в тюрьме было просто невыносимо, и Землячка решается на побег, который ей удалось благополучно осуществить. Этот побег был осуществлен необычайно смело. Находясь в Сущевском участке, Землячка просит товарищей, бывших на воле, доставить ей в тюрьму ряд вещей и обеспечить явки. Во время раздачи кипятка, когда дверь камеры ненадолго оставалась открытой, она надела присланную ей шляпу с густой вуалью и выскользнула в коридор. Сохраняя полное спокойствие, Розалия Самойловна вышла на крыльцо участка, немного постояла под перекрестными взглядами дежурных офицеров, заинтересовавшихся появлением элегантной женщины (во дворе участка жили некоторые тюремные служащие), и затем спокойно вышла на улицу, взяла извозчика и уехала.

В 1907 году Землячка активно работает в тягчайших условиях подполья в Петербургском комитете большевиков. Царская охранка вновь выследила и арестовала ее. По приговору Петербургской судебной палаты она была на полтора года заключена в Литовский замок в Петербурге.

В 1909 году, после освобождения, Землячка направляется в крупный промышленный центр Баку. Но в конце года в связи с резким ухудшением здоровья она по прямому требованию Владимира Ильича едет за границу.

В эмиграции она пробыла полтора года, затем нелегально возвратилась в Москву, где работала среди интеллигенции.

«Когда я уезжала в Россию,— вспоминает Розалия Самойловна,— Ильич напутствовал меня, указывая, что в дальнейшей моей работе я должна уделить максимум внимания связи с интеллигенцией. Мне было очень горько сознавать, что состояние здоровья не позволяет наметить для меня более низовую работу. Позже, однако, я убедилась в том, что эта задача была одной из важнейших, которые вставали перед партией».

В 1915—1916 годах т. Землячка входит в состав Московского областного бюро ЦК большевиков.

Московская партийная организация высоко оценила полную горения и страсти революционную деятельность Розалии Самойловны и в первые дни февральской революции избрала ее секретарем Московского комитета большевиков. Здесь она развернула активную работу по завоеванию масс, по подготовке их к борьбе за социалистическую революцию. При этом большое место в ее деятельности занимала работа среди солдат. Об одном из эпизодов этой работы Землячка рассказывает в своей статье «Октябрь в Москве», опубликованной 7 ноября 1925 года в газете «Молот».

В связи с выборами в Московскую городскую думу она направилась на собрание солдат 85-го Запасного полка. Собранием руководил полковой эсеровский комитет. Против воли комитета с помощью солдатской массы Землячка водворяется, как она пишет, «на трибуну», созданную специально для нее «на крепких плечах солдат». С этой импровизированной трибуны она произносит большую речь о земле и мире.

В этот же вечер Землячка выступает в трамвайном парке с докладом о пролетарской революции, причем на этот доклад опять явился 85-й Запасной полк, сагитированный ею днем.

В Октябрьские дни этот полк первым пошел в бой.

Как известно, после февральской революции большинство в Советах было захвачено меньшевиками и эсерами. Даже в таком пролетарском районе Москвы, как Рогожско-Симоновский, из 200 депутатов, избранных в Совет, было всего 3 большевика. Районный комитет партии направил как своего представителя в Совет Розалию Самойловну, но меньшевистско-эсеровское большинство, придравшись к формальному поводу, отказалось предоставить Землячке даже совещательный голос.

Тогда Розалия Самойловна без разрешения председателя Совета произносит краткую речь, в которой говорит о позиции большевиков и призывает всех, разделяющих программу большевиков, следовать за ней. Поднялись 26 человек, которые после короткого совещания в одном из близлежащих школьных помещений объявили себя первой фракцией большевиков Рогожско-Симоновского районного Совета и избрали первое временное бюро фракции.

«Меньшевикам ничего не оставалось делать,— вспоминает Розалия Самойловна,— как дать мне представительство в Совете».

Начинается упорная, ожесточенная борьба внутри Совета за массы. Выступления Землячки нередко сопровождались выкриками: «шпионка», «провокатор» и пр., но Розалия Самойловна настойчиво разоблачает соглашательство меньшевиков и эсеров.

Выступления большевистской фракции в Совете и проводившаяся одновременно большая работа по предприятиям помогла большевикам повести за собой массы. На следующих выборах в Советы целиком прошел большевистский список.

После июльских дней, когда возможность мирного развития революции была исчерпана и когда партия поставила вопрос о подготовке вооруженного восстания, Землячка проводит большую работу по вооружению рабочих, давая конкретные указания, как ее проводить. Один из бывших рабочих завода Михельсона, ответственный в те дни за охрану оружия, захваченного рабочими этого завода, рассказывает, что Землячка неоднократно вызывала его в Московский комитет и давала задания по изысканию оружия. Речь, говорит он, шла об изъятии оружия, имевшегося в солидном количестве в городской думе у бывшего городского головы Руднева, о захвате броневиков в Александровском училище и пр. При этом Землячка всегда предупреждала об организованности и дисциплинированности при проведении этих рискованных операций.

Записи Землячки о послеиюльских днях показывают, как близка она была к массам, как хорошо знала, чем они живут. «Настроение рабочих,— вспоминает она,— резко переменилось после июльских дней. Рабочие массы кипели энергией, требовали новых форм проявления борьбы, жили будущим, тянулись к решительным действиям... Массы собирались повсюду, где выступали большевики: не только в районных большевистских Советах, не только на митингах; неизбывная энергия гнала их и днем и ночью в районные комитеты большевиков. День и ночь продолжались митинги, беседы, собрания. Масса жила только вопросами грядущей революции, накопляла в себе энергию для грядущих событий».

В дни Великой Октябрьской социалистической революции Землячка проявляет кипучую энергию. Она как секретарь Московского комитета принимает участие в руководстве восстанием. К ней обращаются по самым различным, иногда совершенно непредвиденным вопросам, связанным с проведением восстания. Так, например, во время обстрела Кремля к ней пришел один из товарищей, командовавших артиллерийскими частями, и потребовал, чтобы она указала, куда поставить пушки для обстрела Кремля. «Я,— пишет Землячка,— очень плохо ориентировалась с винтовкой, тем более с пушкой, и поэтому отказалась дать ему указание. Но он заявил, что не уйдет, покуда не получит ответа. Тогда я, наугад, чтобы отделаться от него, предложила поставить ее на горку, расположенную вблизи Солянки. Это оказалось прекрасным местом для обстрела Кремля».

Летом 1918 года, когда гражданская война приняла острый характер, Центральный Комитет партии переводит т. Землячку на политическую работу в Красной Армии.

Уже в августе того же года она отправляется с московскими коммунистами в Оршу для организации переброски воинских частей на Чехословацкий фронт. И здесь с исключительной силой проявилось мужество Землячки. Когда один из полков под влиянием эсеровской агитации намеревался перейти демаркационную с Германией линию и не выполнил предъявленного ему районным командованием ультиматума прибыть в Оршу, Розалия Самойловна без всякого оружия в сопровождении шофера отправилась в эту часть.

В своих воспоминаниях Землячка рассказывает: «Не верилось, чтобы нельзя было убедить массы. Я знала, что разговоры с одиночками, убежденными или ослепленными, ни к чему не приводят, но массе я считала необходимым разъяснить, чем бы это ни кончилось».

Окруженная враждебно настроенными людьми, Землячка вступила в полемику, сначала с сыном помещика, в бывшей усадьбе которого находился штаб, а затем с одним из ротных командиров этого полка, с организаторами мятежа в полку. И так велика была сила ее аргу-

ментации, что настроение красноармейцев менялось на глазах. «Я наблюдала,— пишет Землячка,— лица красноармейцев — из враждебных, нахмуренных они стали насмешливыми, и уже часто с лаской и одобрением они стали обращаться ко мне».

После почти часовой речи Землячки красноармейцы устроили ей овацию, не дали говорить противникам большевиков и обещали завтра явиться в Оршу. Обещание свое они выполнили и в полном порядке, с музыкой явились в Оршу. Через две недели полк был отправлен на Чехословацкий фронт.

После проведенной работы в Орше Землячка вместе с группой петроградских и московских рабочих была направлена Центральным Комитетом партии на Восточный фронт. Как известно, Восточный фронт в то время был важнейшим фронтом, а положение в Котласском направлении было очень серьезным. Котлас был накануне падения, а Пермь и Вятка находились под непосредственной угрозой. Прибыв в расположение Северо-Двинской бригады, Землячка в первую очередь занялась налаживанием политической работы как в частях Красной Армии, так и среди населения. Она получает разрешение для себя и своей группы выехать непосредственно на фронт и попадает туда в тяжелый момент отступления Вологодского полка. Розалия Самойловна вместе с политработниками пошла к отступавшим, чтобы выяснить их нужды и убедить вернуться. Это удалось сделать. Красноармейцы вернулись на свои позиции. Этот случай показывал, что работу среди красноармейцев нужно перестраивать, что нужны не эпизодические, случайные выступления, а постоянная, систематическая воспитательная работа среди них. «С ними нужно было быть во время отдыха, как и на передовых линиях»,— писала Землячка в своих воспоминаниях.

Не менее важной задачей, чем работа в армии, Землячка считала в тот период работу среди населения прифронтовой полосы. «Можно со всей уверенностью сказать,— пишет она,— что мы победили на Северном фронте не силой наших штыков, их было слишком мало и слишком некрепки были руки, их державшие, мы победили той сознательностью, которую создали в темной,

до нас не знавшей никакой политической работы, массе».

Начало планомерной политической работы среди населения Севера было положено Коммунистическим съездом Северо-Двинской губернии, состоявшимся в Великом Устюге в сентябре 1918 года. Съезд, продолжавшийся шесть дней, прошел с огромным подъемом, при этом Розалия Самойловна не ограничивала свою работу среди делегатов официальными заседаниями съезда, а специально поселилась с ними, и в общежитии велись беседы, и общие и в одиночку, часто до утра.

Партийные организации Севера высоко ценили проведенную Землячкой работу и поддерживали с ней связь и после ее отъезда в Москву. Они писали, что начатая ею работа дала большие результаты, что организованы новые отряды красноармейцев для защиты революции, что крестьяне помогали красноармейцам бороться против интервентов, что массы добровольцев полны сочувствия большевикам.

В конце ноября 1918 года, когда положение на участках 8-й и 9-й армий Южного фронта стало угрожающим и южный фронт стал главным, Розалия Самойловна Землячка по решению ЦК партии была назначена начальником политотдела 8-й армии.

«В деле укрепления армии после катастрофического ее поражения в ноябре под Воронежем сыграла громадную роль тогда назначенная завед. политотделом 8-й тов. Самойлова (Землячка)»,— писали политработники 8-й Армии в ЦК партии весной 1919 года. Они характеризуют Землячку как проводника старых большевистских традиций, как опытнейшего работника, способного принимать без колебаний важнейшие решения в самой сложной обстановке.

Неизменно руководствуясь тем, что успех дела решает в конечном счете масса, степень ее организованности и сознательности, Землячка центр тяжести организации политической работы в армии переносит на укрепление низовых политических ячеек.

«Громадная часть политработников, выполняя долг свой, побывала на передовых линиях,— писала т. Землячка в руководящие партийные и политические орга-

низации,—...в политотделе оставляется минимальное количество политработников. Все способные вести политическую работу бросаются в массы». Политработников приходилось распределять и перераспределять постоянно ввиду крайне недостаточного количества их. Приходилось всячески ухищряться, чтобы заменять выбывающих из строя, и Землячка проводит огромную работу по выдвижению и выращиванию новых политических кадров из рядовых коммунистов, членов армейских ячеек. Такую же работу проводила она, будучи начальником политотдела 13-й армии, сплачивая и организуя красноармейские массы, вдохновляя их на высокие подвиги.

Боевая деятельность Землячки во время гражданской войны в рядах Красной Армии получила достойную оценку партии и Советского правительства.

В приказе о награждении т. Землячки орденом Красного Знамени (от 23 января 1921 г.) сказано: «Награждается орденом «Красного Знамени» тов. Самойлова-Землячка Розалия Самойловна за то, что в бытность свою Начпоармом 8-й и 13-й армий и на других ответственных и политических постах в различных армиях неутомимой, беззаветной и энергичной организационной и политической работой положила прочную основу боеспособности красных частей и способствовала окончательной победе Красной Армии».

После окончания гражданской войны Землячка вновь возвращается на партийную работу. Она становится секретарем одного из ведущих райкомов партии Москвы — Замоскворецкого, активно отстаивает ленинские партийные позиции, успешно отражая атаки троцкистов, пытавшихся в этот период свернуть партию с правильного пути. На борьбу против троцкистов Розалия Самойловна мобилизует всю партийную массу фабрик, заводов, учреждений и учебных заведений Замоскворечья, сплачивая ее вокруг генеральной линии партии. Она теснейшим образом связана с широкими беспартийными массами Замоскворецкого района. Львиную долю времени Землячка проводит на предприятиях, участвует в субботниках и воскресниках, лично знает многих рабочих.

И рабочие отвечали ей большой любовью. В 1923 году беспартийные рабочие Рязано-Уральской железной дороги вечерами и в воскресные дни отремонтировали находившийся на «кладбище» паровоз и преподнесли его партийной ячейке. Почетным машинистом этого паровоза общим собранием рабочих был избран Владимир Ильич Ленин, а помощником машиниста — Розалия Самойловна Землячка.

Ровно через год, в январские дни 1924 года, этот паровоз вез из Горок в Москву тело Владимира Ильича Ленина. На паровозе ехала верный помощник Ленина — Землячка.

В марте 1924 года Землячка была утверждена членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и в течение двух лет работала в Северокавказском краевом комитете партии. Одновременно она является руководителем пропагандистской группы ЦК по Юго-Восточному краю.

В годы, когда наша страна взялась за осуществление ленинского плана индустриализации страны, Землячка направляется на руководящую партийную работу в Мотовилихинский район Урала. Это был старейший центр тяжелой промышленности России. И здесь с особой силой проявилось замечательное свойство Землячки — устанавливать непосредственный контакт с широкими рабочими массами.

Много времени Розалия Самойловна проводила в цехах, в рабочих общежитиях, красных уголках, в столовых, детских учреждениях, встречалась с беспартийными рабочими и их женами, с молодежью. В этом повседневном общении Землячка в простой, доступной форме несла в массы высокие идеи Коммунистической партии.

Где бы ни работала Розалия Самойловна, она всюду вносила замечательный ленинский стиль руководства, учила людей находить ключ к успешному решению поставленных задач в связи с массами, в заботе об их нуждах, в сплочении масс вокруг партии.

С исключительным упорством боролась она с рутиной, с бюрократическими пережитками, показывала образцы бережного, любовного отношения ко всякому проявлению инициативы и творчества масс.

Все эти черты характера и стиль работы Землячки учел и оценил ЦК партии, назначив ее в 1927 году на работу в ЦКК РКИ. Эта организация была призвана бороться за чистоту и единство партийных рядов, за ленинский стиль в работе советского аппарата. Своей деятельностью в ЦКК РКИ Розалия Самойловна завоевала огромную популярность среди широких трудящихся масс, а работа в качестве заведующей Объединенным бюро жалоб Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции представляет яркую страницу в ее биографии.

Розалия Самойловна сумела в основу работы отдела Бюро жалоб положить ленинские указания о том, что надо самых отсталых рабочих и работниц научить пользоваться советскими законами.

Осуществить это Розалия Самойловна старалась посредством внедрения массовости в работу отдела Бюро жалоб.

В расследование жалоб трудящихся вовлекались широкие массы рабочих добровольцев. Так, в проведенном в начале 1929 года походе общественных контролеров, предпринятом с целью выявления бюрократов и волокитчиков в советском аппарате, участвовали полторы тысячи московских рабочих. В своей статье «Массы контролируют», посвященной итогам этого похода, Землячка писала: «Противник скрытный, увертливый, хитрый умеет перекраситься в любой момент, в любой цвет,— заранее предупрежденный, он сумеет укрыться под личиной самого преданного, внимательного друга трудящихся, к разным людям сумеет по-разному подойти... Материал в результате «налета» получен огромный... Госаппарат должен в результате этого похода встряхнуться, почувствовать, что рабочий использует уже «возможность, данную ему советскими законами для борьбы с бюрократизмом»».

Вокруг органов РКИ образовался широкий актив рабочих, крестьян и служащих (секции РКИ при Советах, «Легкая кавалерия», добровольцы), принимавших деятельное участие в борьбе с недостатками советского аппарата. На призывы РКИ откликались тысячи добровольцев, желающих активно помочь Бюро жалоб в их работе.

Розалия Самойловна внимательно следила за действенностью проверки. В этом отношении чрезвычайно характерен результат трехдневного похода против бюрократизма.

10 марта 1929 года в Замоскворецком театре наиболее злостные из разоблаченных бюрократов предстали перед судом рабочей общественности, состоявшем из 14 рабочих заседателей во главе с товарищем Землячкой. Из 19 привлеченных бюрократов по приговорам рабочих заседателей 15 должны были быть сняты с работы. Некоторым из них было запрещено занимать ответственные должности в течение нескольких лет.

Вот как описывает т. Землячка настроения и деятельность общественных контролеров: «В эти три дня похода Объединенное бюро жалоб при Народном Комиссариате рабоче-крестьянской инспекции представляло собой настоящий военный штаб. Люди получали точные задания (учреждение, адрес, номера трамваев, трамвайные билеты и т. д.). Проделав свое дело проверки отношения к посетителям, рабочий, возвращаясь, делал свое сообщение о том, что он успел понаблюдать, и снова отправлялся в случае неполного донесения. Рабочие проявляли в этом деле исключительную выдержку, высокую сознательность и преданность. Инициатива и находчивость в отдельных случаях были проявлены блестящие. Классовый инстинкт помог рабочим отметить также и преданных, внимательных работников».

Основной смысл проведенного суда, писала «Правда» в листке РКИ от 12 марта 1929 года, «заключается в том, что он с наибольшей убедительностью показывает, что бюрократические извращения у нас не будут оставаться безнаказанными». Важнейшим условием массовости и действенности работы РКИ Розалия Самойловна считала широкую гласность и популяризацию деятельности отдела Бюро жалоб (ОБЖ). Это достигалось специальными Листками РКИ в центральных газетах, выездными заседаниями ОБЖ с участием рабочих заседателей на фабриках и заводах, привлекавшими огромное количество трудящихся. Мобилизуя массы на «жестокую борьбу с бюрократическим, хамским отношением чинуш к рядовому рабочему и крестьянину, приходящему в аппарат», Зем-

лячка являлась грозой для всех бюрократов и волокитчиков. В своем дружеском стихотворении, опубликованном в «Правде», Д. Бедный писал:

От канцелярщины и спячки
Чтоб оградить себя вполне,
Портрет товарища Землячки
Повесь, приятель, на стене.
Дух волокитной черной хвори,
Вся дурь твоя сойдет на-нет,
Когда таким «мементо мори»
Ты свой украсишь кабинет.
Все, что в тебе клубится смутно,
В приемный час в себе таи
И повторяй ежеминутно
Святые буквы Р.К.И.
Бродя потом по кабинету,
Молись, что ты пока узнал
Землячку только по портрету:
Сто раз грозней оригинал!
«Придет, дохнет»,— и где ты, друже?
Тут был, и ровно не бывал:
Лежит портфель в чернильной луже...
Значок... Билет... И все!.. Провал!

Огромная любовь к народу, забота о его благе руководила ею — строгой, требовательной, непреклонной. Привлекая массы рабочих к борьбе с бюрократизмом, Землячка помогала партии и правительству готовить новые кадры для государственного аппарата. Многие бывшие добровольцы ОБЖ выросли в крупных советских работников.

Писатель Александр Фадеев в одном из его многочисленных писем к Розалии Самойловне писал: «Сколько раз хотелось мне рассказать Вам о том, ни с чем несравнимым, воспитательным значением, которое имело для меня и для многих, многих других (вспомните Тевосяна, Хвалебнову и многих хороших рабочих, выросших под Вашим руководством уже на моих глазах) совместная работа и товарищеское общение с Вами. В этом отношении я Вам чрезвычайно благодарен, вся эта «учеба» Ваша вошла в плоть и кровь, стала чем-то неотделимым. Ведь многие внутренние процессы и во мне и в целом ряде товарищей, которых мне приходилось наблюдать, совершались незаметно для Вас, а это было буквально рождение и воспитание большевика.

Сколько молодежи благодаря Вам научилось не только понимать, но чувствовать нутром основную сущность партии, ее линию, настроение массы, научилось презирать болтовню, освободилось от идеалистической «революционности вообще»... заменило ее трезвым сознанием долга и чувством революционной перспективы в мелочах».

В день 60-летия Розалии Самойловны группа товарищей в газете «Правда» писала: «Таких людей, как тов. Землячка, или любят или ненавидят. Любят все те, кто беззаветно, преданно борется за коммунизм, ненавидят враги рабочего класса, ренегаты, перебежчики, вся та муть, которая хорошо знает и испытала на себе глубочайшую принципиальность тов. Землячки, ее твердую волю, ее безраздельную преданность партии».

«За исключительные заслуги в области улучшения и упрощения государственного аппарата, приспособления его к задачам развернутого социалистического наступления в области борьбы с бюрократизмом, с бесхозяйственностью и безответственностью в советских и хозяйственных организациях» т. Землячка 5 сентября 1936 года была награждена орденом Ленина.

Ленинский стиль работы Розалия Самойловна принесла и на транспорт, куда в 1931 году была направлена Советом Народных Комиссаров в качестве члена коллегии Наркомата. Борьба, организованная Землячкой на транспорте против бюрократизма и рутины, разгильдяйства и ротозейства, проведенная ею работа по поощрению инициативы, идущей снизу, по удовлетворению нужд железнодорожных масс — все это явилось крупным вкладом Землячки в дело укрепления советского транспорта.

На XVII съезде Коммунистической партии в 1934 году Землячка была избрана членом Комиссии Советского Контроля. С неиссякаемой энергией и настойчивостью борется она за поднятие дисциплины, улучшение и удешевление советского аппарата. Как и всегда, она опирается в проведении этой работы на широкий актив трудящихся.

В 1937 году Р. С. Землячка была избрана депутатом Верховного Совета СССР. Она была тесно связана со своими избирателями, чутко откликалась на каждый запрос, на каждое обращение к ней.

Грозная и беспощадная к носителям антигосударственных и антиобщественных тенденций, в чем бы они ни выражались, Розалия Самойловна своей простотой, чуткостью, отзывчивостью вызывала симпатии простых советских людей. К ней обращались рабочие, колхозники, писатели, учителя, воспитанники детдомов и школьники, ученые, пенсионеры и домашние хозяйки и для всех она находила ответ, для всех делала все, что можно было сделать.

7 мая 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Землячка была назначена Председателем Комиссии Советского Контроля при Совете Народных Комиссаров СССР и Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. На этом высоком посту она оставалась и в годы тяжелых испытаний нашей страны — в период Великой Отечественной войны, отдавая весь огромный опыт крупного государственного деятеля, всю свою кипучую энергию борьбе за победу над врагом.

Именно в период войны, когда был сломан привычный образ жизни каждого человека, когда сотни тысяч людей были сдвинуты со своих насиженных мест, когда редкая семья не переживала своих трудностей, своего личного горя, особенно проявились чуткость, отзывчивость Землячки к людям, ее оперативность в разрешении самых разнообразных жизненных вопросов, с которыми обращались к ней со всех концов страны. Сохранившиеся в личном архиве Розалии Самойловны многочисленные письма с просьбами, жалобами, благодарностью за своевременно оказанную помощь свидетельствуют о многогранной деятельности Землячки, о ее близости к народу.

За время войны партия и правительство наградили Землячку медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд во время войны».

Последние годы своей жизни Землячка была Заместителем Председателя Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б).

Высоко ценя заслуги Р. С. Землячки перед Родиной, правительство в день семидесятилетия наградило ее вторым орденом Ленина.

Розалия Самойловна была делегатом почти всех съездов партии, съездов Советов РСФСР и СССР.

Насколько влиятельна была Землячка в массах, видно из того, что она была избрана почетным красногвардейцем, почетным дружинником баррикадных боев 1905 года в Одессе и почетным членом ВЛКСМ.

Розалия Самойловна была подлинным представителем работников ленинского стиля, органически сочетавшим в себе величайший темперамент революционера с трезвостью, хладнокровием, умением взвешивать все обстоятельства и упорно добиваться цели.

21 января 1947 года кончилась кипучая жизнь верной дочери партии т. Землячки.

Прах ее покоится в Кремлевской стене на Красной площади — память о ней живет в сердцах советского народа, которому она отдала без остатка всю свою жизнь.

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА КИРСАНОВА

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА КИРСАНОВА

Клавдии Ивановне Кирсановой не было и шестидесяти лет, когда окончился ее жизненный путь, а цель этого пути она определила еще в шестнадцать.

Более сорока лет служения великому делу коммунизма без единого перерыва, малейшей остановки. Никогда не снижала она темп своей деятельности. Будучи уже немолодой в дни Отечественной войны, Клавдия Ивановна собиралась и ехала на передовые позиции с такой же легкостью, с какой выполняла партийные задания во времена подполья и гражданской войны. Трудность, опасность, большие расстояния — не существовали для нее. За месяц до неожиданной кончины Клавдия Ивановна вернулась из длительной и тяжелой командировки по Якутии. Только для поездок в санаторий или дом отдыха у нее никогда не находилось ни времени, ни желания. Это вовсе не объяснялось ее безупречным здоровьем, а было лишь следствием необычайно деятельной, кипучей натуры, столь типичной для коммунистов того поколения, к которому принадлежала Кирсанова.

Эти люди приходили в партию еще подростками и включались в революционное движение со всем пылом ранней юности. Трудности и невзгоды партийной борьбы были для них нормой жизни, другой они не знали и не искали.

Клавдия Ивановна вошла в революционное движение совсем девочкой: когда во время первого обыска у гимназистки Кирсановой были обнаружены запрещенные книги, ей было всего пятнадцать лет. Впрочем, сама

Клавдия Ивановна никогда не ставила себе это в заслугу. Впоследствии она вспоминала, что была тогда еще очень наивной, не разбиралась толком ни в политическом положении, ни в программных спорах. Впервые о целях революционной борьбы она услышала от своего двоюродного брата Алексея Кирсанова, который состоял в РСДРП и уже подвергался аресту.

У него на квартире происходили нелегальные собрания, и никто не обращал внимания на босоногую девчонку, которая подавала чай и старалась не пропустить ни слова из того, о чем собравшиеся говорили.

Семья Кирсановых в это время переживала большие трудности. Незадолго до того Ивана Васильевича Кирсанова, отказавшегося дать взятку управляющему, под каким-то предлогом выгнали с Кулебакского металлургического завода, где он прослужил двадцать два года. На иждивении Ивана Васильевича были: жена и восемь человек детей. Поддержкой его пользовался и Алексей Кирсанов, который, находясь под надзором полиции, не мог добиться работы.

Начались скитания. С Кулебакского завода переехали в Кунгур, потом в Пермь. Именно в пермской социал-демократической партийной организации, в которую в 1904 году вступила шестнадцатилетняя Кирсанова, она поднялась и сформировалась как большевичка.

Волна зимне-весенних стачек в Перми, начавшаяся после январских событий в Петербурге, продолжала нарастать, и в мае 1905 года пермские большевики решили провести политическую демонстрацию по заранее разработанному плану. Вот как описывает эту демонстрацию Пермский комитет в своем отчете ЦК РСДРП:

«Собравшиеся на бульвар человек пятьсот рабочих Мотовилихи и Перми выкинули Красное знамя и с пением революционных песен продефилировали несколько раз по главной аллее. Было сказано много речей политического характера. Полиция заперла вход, но была сбита толпой (частью вооруженной), причем был убит городовой, обнаживший шашку, и избит солдат, отнимавший знамя. Прорвавшись, толпа разрослась до 5000, вышла на главную улицу и с пением сорвала все флаги и плошки, выбила окна в доме губернатора и с криками «Долой

самодержавие! Да здравствует народное самоуправление!» медленно разошлась».

В демонстрации участвовала и революционно настроенная молодежь. Среди нее была и Клаша Кирсанова. К этому времени она уже была исключена из гимназии за участие в забастовке и вступила в боевую дружину рабочих Мотовилихинского казенного завода.

Когда десять дней спустя после демонстрации на Мотовилихе вспыхнула стачка, перешедшая в вооруженное восстание, Кирсанова возглавляла созданный при дружине санитарный отряд. Она не имела никаких навыков по уходу за ранеными, но нашла способ быстро приобрести их. О том, как ей удалось это сделать, она рассказывала в своих воспоминаниях.

«Мне удалось проникнуть на практическую работу в хирургическую амбулаторию, руководил которой известный хирург Попов.

Выдав себя за слушательницу Высших медицинских курсов, я попросила у него позволения практиковать в этой амбулатории, пока «господа товарищи» бастуют (этим самым я желала подчеркнуть перед черносотенным директором свою антипартийность, антиреволюционность). Попов благосклонно разрешил и с очень большим вниманием относился к моей работе. Все необходимые сведения, получаемые мною по уходу за ранеными, деланию перевязок и т. д., я тотчас передавала другим членам нашего санитарного отряда: мы бинтовали совершенно здоровые руки, ноги, головы...»

После разгрома восстания Кирсанова продолжала работать в пермской военной организации. Ей была поручена связь с войсковыми частями. Это было трудное и очень опасное задание, требовавшее умелой конспирации.

Шел тяжелый 1906 год. В марте были схвачены главные руководители Пермского комитета. Это немедленно сказалось на всей работе. Меньшевики начали «задавать тон». Цепляясь за фразу Плеханова — «Не надо было браться за оружие», они предлагали распустить боевые дружины.

Кирсанова была еще новичком в партии, но с таким решением не согласилась и сохранила боевую дружину.

«Мы, вопреки воле Пермского комитета, ходили часто в долину реки Егошихи,— писала она,— и там в глухих оврагах обучались стрельбе, перевязкам, вели разговоры стратегического порядка, изучали местность, расположения пермского гарнизона. Была какая-то инстинктивная надежда на то, что все-таки партия в целом не смотрит на дело текущего момента так, как на это смотрел Пермский центр. И можно сказать,— мы не ошиблись».

Весной 1906 года появился в Перми Михалыч (Яков Михайлович Свердлов). За Камой, в лесу, он сделал доклад по текущему моменту. Центром всего доклада был вопрос: поражена ли революция вместе с поражением декабрьского восстания в Москве? Должны ли мы продолжать военно-боевую работу? И мы услышали ясный и твердый ответ: партия должна сделать все, чтобы наряду с агитацией и пропагандой на местах изучить опыт московского восстания и найти формы организации боевых партийных сил.

«Наша боевая дружина воспрянула,— вспоминала Кирсанова.— С этого собрания мы расходились несколько символично: пошли не за пермскими меньшевиками, к городу, а налево — в Мотовилиху, куда направился Михалыч.

Налево, в Мотовилиху,— означало к рабочим революционным массам».

Вскоре Я. М. Свердлов возглавил руководство Пермским комитетом и работа пошла по-другому. Была восстановлена Военная организация. Ответственным ее руководителем стал Яков Михайлович Свердлов; Клавдия Ивановна Кирсанова — его помощником. Она установила связь с солдатами гарнизона, охранявшего тюрьму, организовала несколько войсковых ячеек, изыскала средства на покупку литературы, а кроме того, выполняла многие другие партийные поручения.

С этого времени имя «крестьянской дочери Клавдии Ивановны Кирсановой» — сначала 17, потом 18, 19 лет — и так далее,— не сходит со страниц полицейского архива.

Сначала это было дело о подпольной типографии, по которому арестована и Кирсанова. Затем — «агитация в коридоре Пермской губернской тюрьмы конвойных», причем обвиняемая от «объяснений и показаний отказалась».

Даже тогда, когда Кирсанова содержалась в тюрьме, ее имя фигурировало в оперативных донесениях. Так, например, в одном из них говорилось:

«По имеющимся агентурным сведениям, Пермская военная организация РСДРП, после ареста главной руководительницы этой организации Клавдии Кирсановой весной 1907 года, снова начала развивать свою деятельность среди нижних чинов Пермского гарнизона...»

И дальше говорилось о том, что активное участие в этой деятельности принимают «ученицы частной гимназии Барбатенко..., постоянно находившиеся в сношениях с содержащейся под стражей Клавдией Кирсановой, которая безусловно пользовалась громадным влиянием на них».

О том, как действовала Клавдия Кирсанова в тюрьме, рассказывает в своих воспоминаниях тов. Одиноков, арестованный в то же время:

«Кирсанова пришла в тюрьму уже не первый раз. Она была очень молода, да не по летам серьезна. А главное — боевая и энергичная. Она обладала необыкновенными организаторскими способностями и была неизменным исполнителем всех тюремных комбинаций: через нее шла передача всех новостей с воли и сообщений внутри, из старого и нового корпусов на башню, в больницу и обратно. Все важные письма и записки шли через Кирсанову, и никогда не было случая провала. Это знала вся тюрьма, знала и администрация. Поэтому за Кирсановой особенно строго следили. Однако ее ничто не могло остановить и помешать ей. Конвой не успевал повернуться, а она уже бросит записку гуляющему на прогулке или прямо в окно башни-одиночки. А то и промчится прямо в коридор башни или больницы и с ходу кинет в «волчок».

Однажды мне довелось видеть такую картину: заключенных в одиночных камерах башни выпустили на прогулку. В это время Кирсанову вели в контору. Ее вели два надзирателя. Двое сопровождали гуляющих. И тут же проходили куда-то по двору старший и младший надзиратели. Тем не менее Кирсанова улучила минуту, попыталась сунуть записку. На нее набросились все шестеро. Завязалась борьба. Они хотели отнять записку, но молодая девушка с какой-то, показавшейся мне, неве-

роятной силой отбрасывала от себя то одного, то другого. Надзиратели рассвирепели и действовали уже совсем грубо, но добиться своего им не удалось. После нескольких минут борьбы они остались ни с чем: Клаша успела проглотить записку.

Для меня было загадкой, как это она устраивает передачу корреспонденций не только внутри тюрьмы (это я своими глазами видел), но и за ее стенами. Потом я узнал, что на нее работают несколько распропагандированных ею надзирателей, фельдшерица тюремной больницы и даже дьякон тюремной церкви.

Мне думается, что на них действовала ее исключительная прямота, какая-то девичья чистота и вместе с тем уверенность и решимость.

Кирсанова пользовалась авторитетом и имела влияние и на уголовных заключенных. Они уважали ее за смелость и отвагу, которые она проявляла в тюрьме.

Помнится, Клашу посадили в карцер. Сейчас же в тюрьме началась обструкция. Уголовные все, как один, подняли бунт, били окна, начали расшибать и двери. Бунт длился до тех пор, пока Кирсанову не выпустили из карцера.

Но вот ее выпустили из тюрьмы — вернее взяли на поруки. В коридоре башни раздался звонкий женский голос: «Товарищи! До свидания! Ухожу на волю!» — Все узнали голос Клавдии Кирсановой...

Мы очень верили в нее. И поэтому, когда узнали, что товарищи готовят нам побег, очень обрадовались тому, что организует его Кирсанова».

Необходимость побега вызывалась тем, что двое из товарищей — Трофимов и Глухих были приговорены к смертной казни.

Дело было трудное. Партийный комитет, поручивший Кирсановой организовать эту операцию, ослабленный арестами, не располагал ни материальными возможностями для подкупа стражи, ни вооруженной силой для нападения.

Кирсанова решила обратиться за помощью к «лесным братьям», или, как их еще называли, «лбовцам».

Александр Лбов, именем которого была окрещена эта анархистская организация, в бурные дни вооруженного

восстания 1905 года проявил себя как хороший и смелый боевик. После же поражения рабочих он окружил себя друзьями, решившими не сдаваться царским палачам, и увел их в лес. Там постепенно создалась группа из самых разношерстных элементов, называвших себя «лесными братьями».

К ним и пошла молодая девушка за помощью.

«Лесные братья» дали и оружие и деньги. Побег был организован Кирсановой «умно и хорошо», как оценивали его пермские большевики, но он сорвался по вине одного уголовного, поднявшего в тюрьме тревогу.

За организацию этого побега, о чем было донесено провокатором, а также по делу «О принадлежности к сообществу, составившемуся для насильственного ниспровержения установленного основными законами образа правления и располагающему средствами для взрыва», Кирсанова была судима и 1 мая 1908 года выслана из Перми на вечное поселение в Иркутскую область.

Через полтора месяца ее уже там не было: «из места ссылки — села Яндинского, Балаганского уезда, Иркутской области, скрылась»,— писал иркутский губернатор в департамент полиции.

Клавдия Ивановна уходила из лап полицейских не один раз. Однажды ей удалось это сделать буквально на глазах у конвойных, когда за ней пришли на квартиру отца. Жандармы забыли выполнить какую-то формальность и вернулись в полицейское управление. У дверей дома и во дворе они оставили солдат с приказом никого не выпускать. Конвойные же при обыске не присутствовали и не знали, кто арестован. Клавдия дала им понять, будто пришли за ее отцом. Она попросила выпустить за водой, потом за дровами и... за несколько минут до возвращения жандармов исчезла.

После побега из ссылки начались скитания Клавдии Ивановны. Явочным адресом, данным в Москву, воспользоваться не удалось — шли аресты. В Туле, у замужней сестры, жить было можно, но некому было помочь ей связаться с организацией. Кирсанова едет в Харьков. Здесь, среди студенческой молодежи, нашлись товарищи, связанные с комитетом РСДРП. Однако не успела Клавдия Ивановна включиться в работу, как начались

провалы. Она возвращается в Тулу, но полиция идет следом. Клавдия Ивановна снова едет в Москву и оттуда в Саратов. Тут ей удается, наконец, достать паспорт и как-то устроиться, но не надолго. Весной 1909 года Кирсанову арестовали и препроводили в Пермскую губернскую тюрьму.

Теперь ее судили военным судом, и на этот раз наказание было строже предыдущих.

Клавдия Ивановна Кирсанова, 21 года от роду, была приговорена к 4 годам каторги. Она отбыла ее в каторжном корпусе Пермской тюрьмы.

В 1913 году срок каторги кончился. Но свобода не вернулась. Долгим этапом с группой других осужденных Кирсанову отправили в якутскую ссылку.

На барже, медленно плывущей по величавой сибирской реке Лене, веселая деятельная «Клаша», может быть, впервые в жизни узнала часы спокойного созерцания природы, неторопливого раздумья. Это были дни сплошного досуга, которого она никогда не имела.

Далекая чужая сторона. Дикий таежный лес, подступающий к самым берегам. Тишина. Нигде не видно ни человека, ни следов его жилья.

И вдруг из казавшейся непроходимой тайги вышел человек. Он нес в руках огромный букет цветов. Обращаясь к сидящим на барже, он прокричал что-то и сильным броском кинул цветы прямо к их ногам.

Осужденные бережно собрали этот дар незнакомца. Кирсановой запомнилось его загорелое лицо, сильная высокая фигура. Он был в пенсне, белой чистой рубашке. Весь его облик и жизнерадостный привет, с которым он встретил людей на барже, говорили о том, что тут не будет уныния и бездействия, страшивших в чужой стороне.

Человек с цветами был ссыльный Емельян Ярославский.

Уже позже, в Якутске, Клавдия Ивановна познакомилась с Ярославским, и с этого времени она сопутствовала ему как друг и жена до последних минут его жизни.

В Якутске было немало .политических ссыльных. Они продолжали и тут учиться истории, философии, политической экономии. Большевики вели острые дискуссии с противниками марксизма. Политическая борьба между представителями различных партий и направлений особенно разгорелась в 1914 году, с началом первой мировой войны. И здесь произошло резкое размежевание па оборонцев и пораженцев. Емельян Ярославский и В. П. Ногин возглавили большевистскую организацию социал-демократов ссылки. Большевики жили здесь единой семьей. И в нее полноправным членом вошла Кирсанова.

Там, в ссылке, у нее появилась и собственная семья. В 1915 году родилась дочь. Она была еще совсем маленькой, когда пришла весть о Февральской революции. Радостную новость принес в дом Ярославского Серго Орджоникидзе. Он был так взволнован, что выхватил ребенка из кровати и подкидывал чуть ли не до потолка с криком: «Марьяночка! Революция пришла!» — Так рассказывает об этом жена С. Орджоникидзе Зинаида Гавриловна.

С двухлетним ребенком семья едет из ссылки в Москву. В июле 1917 года у Кирсановой и Ярославского родилась вторая дочь.

Октябрьские дни застают Кирсанову уже на Урале, куда она была послана Центральным Комитетом партии.

Годы гражданской войны оказались для Кирсановой еще более деятельным и кипучим периодом жизни, чем ушедшая в прошлое работа в подполье. Время настало горячее, а на руках двое детей. Партийных работников не хватало, и хороших организаторов приходилось часто перебрасывать с места на место. Выполнение партийных заданий требовало длительных командировок. И Клавдия Ивановна отправляет детей к своим родным.

Решающие дни гражданской войны она встретила в полной готовности отдать все свои силы защите молодой Советской власти.

Клавдия Ивановна находится в Надеждинске. Здесь ее избрали председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов. В автобиографии, предназначенной для личного партийного дела, Клавдия Ивановна писала:

«Я была избрана председателем Совета, объединяющего шесть районов округа, и там мне пришлось повести всю работу по национализации этого округа, а впоследствии по организации особого отряда для защиты этого участка от развернувшегося чехословацкого фронта.

В 1918 году, будучи председателем местной парторганизации, получив распоряжение областного центра о выступлении на фронт, я встала во главе этой организации и, кроме того, была назначена председателем Военного совета Верхатурского округа.

Как начальнику отряда особого назначения мне пришлось быть на передовых позициях, поскольку события на фронте разгорались с такой быстротой, что нам пришлось держать подступы к главной железнодорожной магистрали, идущей от Гора-благодатской на Пермь».

Здесь нет подробностей, не сказано даже о том, что на передовых позициях Клавдия Ивановна не просто была, а в качестве пулеметчика защищала эти позиции.

В своей биографии Клавдия Ивановна даже не упомянула, что была членом Военной коллегии, а с этим постом было сопряжено очень сложное и ответственное задание, возложенное на нее Комиссариатом Сводной уральской дивизии 3-й армии Восточного фронта.

Вот что было написано об этом в ее документе:

«Как член Военной Коллегии, тов. Клавдия Кирсанова имеет неограниченные права в Богословском Горном округе, а именно: ликвидировать неработоспособные учреждения и учреждать новые; смещать и назначать должностных лиц; по борьбе с контрреволюцией тов. Кирсанова имеет право организовать отряды, вооружать их и вести самую беспощадную борьбу с контрреволюционерами означенного округа.

Тов. Клавдия Кирсанова имеет право разговоров по прямому проводу, телефону, подачи телеграмм с надписью «военная», бесплатного и беспрепятственного проезда во всех поездах всех жел. дор. линий, а также

требовать паровозы и целые составы, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Эти высокие полномочия не раз, конечно, были использованы обладательницей мандата.

С Урала Клавдия Ивановна была отозвана в Москву, где стала секретарем Хамовнического (теперь Фрунзенского) районного комитета партии. Одновременно Кирсанова была привлечена в женскую комиссию Центрального Комитета РКП(б), откуда и ведет начало ее долголетняя работа среди женщин, закономерно связавшая ее потом с международным женским движением.

В Москве в это время работал и Емельян Ярославский. Они взяли к себе детей, и хотя Клавдия Ивановна не могла уделить им достаточного внимания, все же, пусть урывками, пользовалась радостями полноценной семейной жизни. Однако она была по-прежнему готова в любое время сняться с места и поехать туда, где была нужнее.

В июле 1919 года Урал был освобожден от Колчака. Опустошенный хозяйничаньем белогвардейцев, обессиленный их зверствами один из центров русской промышленности ждал настоящих хозяев, которые помогли бы ему воспрянуть после кровопролитных событий. Клавдия Ивановна едет на Урал. Она отправляется в обычном для того времени товарном поезде, в общей «теплушке», места в которой на всех станциях брались с бою. На этот раз она взяла с собой старшую дочь: видимо, расстаться с обоими детьми она была не в силах. Через два месяца по приезде в Екатеринбург (Свердловск) Клавдия Ивановна становится матерью третьего ребенка.

Старшей дочери уже пять лет, она может помочь в уходе за братом. Помогают соседи и друзья.

Когда же была объявлена партийная мобилизация в Сибирь «для укрепления органов власти и партийных организаций», ребенок не помешал Клавдии Ивановне подняться с места. В автобиографии Кирсановой сказано: «партийная мобилизация коснулась и меня, и я была направлена в Омск, где была секретарем Омского городского комитета партии». Кроме того, в этом городе Кирсанова стала первым ректором областной партийной школы и реорганизовала ее в рабоче-крестьянский коммунистический университет. Это была ее первая работа

на поприще воспитания кадров, в деле, которому она отдала много лет жизни.

В Омске у Клавдии Ивановны случилось большое несчастье. Она потеряла сына. Он тяжело заболел, а условия жизни были очень суровыми, и спасти ребенка не удалось.

Мучительно переживала Клавдия Ивановна смерть ребенка. Ярославский звал ее в Москву:

«Клавдичка,— писал он,— приезжай обязательно, тебе здесь будет хорошо. Работы здесь невероятно много. Надо поднять настроение, оно очень тяжелое, здесь есть где развернуть силы, и ты сразу оживешь от этой работы. Обстановка совсем другая, на некоторых заводах враждебность, коммунистам говорить не дают. Надо проделать огромную работу, и здесь как раз нужны работники такие, как ты».

Задание, полученное по партийной мобилизации, к этому времени было уже выполнено, и Клавдия Ивановна смогла уехать.

На следующем этапе своей работы Клавдия Ивановна как бы наследовала дело, начатое Яковом Михайловичем Свердловым — ее руководителем и учителем еще в пермском подполье. Свердлов основал при ВЦИКе двухнедельные курсы: тогда еще нельзя было оторвать коммунистов для учебы долее, чем на этот срок. Теперь курсы разворачивались в Коммунистический университет. В 1922 году Кирсанову назначили ректором Коммунистического университета имени Свердлова.

Через два года, когда дело в университете было уже налажено, Клавдии Ивановне было поручено организовать курсы уездных партийных работников при ЦК РКП(б). Она стала во главе этих курсов.

Тяжелое военное время отходило в прошлое. Рубцевались раны, нанесенные интервенцией и гражданской войной. Молодое Советское государство побеждало экономические и хозяйственные трудности. Условия жизни становились легче. Казалось, можно было немного передохнуть.

Семья Кирсановой была, наконец, вся в сборе, и в ней появились на свет один за другим два сына: они росли уже в лучших условиях, чем старшие дети,

Работать стало спокойнее, но работы было не меньше.

Все эти годы Кирсанова руководит школами марксистско-ленинского образования и одновременно ведет большую работу среди женщин. В 1933 году за эту работу она была награждена орденом Ленина.

* *
*

Клавдия Ивановна Кирсанова была прекрасным пропагандистом. Она всегда умела найти общий язык с аудиторией, к которой она обращалась. Ее речь отличалась ясностью, простотой и убедительностью. Ее понимали все — и солдаты царской армии, и красногвардейцы, и только постигающие грамоту работницы и крестьянки, и вступающая в жизнь молодежь.

Клавдия Ивановна любила агитационную и пропагандистскую работу и придавала ей огромное значение.

За несколько лет до начала Великой Отечественной войны она перешла на работу в Отдел агитации и пропаганды ЦК партии. Ее нисколько не смущала необходимость частых разъездов, хоть к этому времени она была уже не молода.

Для нее была радостью каждая встреча со слушателями. Их записки она бережно хранила, потому что видела в них свидетельство того, что ее слово дошло до народа, пробудило верную мысль. Она ощущала свою слитность с массами, к которым всегда принадлежала.

Когда началась Великая Отечественная война, Клавдии Ивановне уже было за пятьдесят лет, но работала она как в двадцать: выезжала и в далекий тыл и на передовые позиции; под вражеским обстрелом пробиралась в солдатские окопы.

Одно из писем Клавдии Ивановны домой дает полную картину того, как она жила и действовала в те дни:

«Ну, как говорится, «ни в воде не тонет, ни в огне не горит» ваша Кирсанова, и даже при такой катастрофе, когда один мотор отскочил от самолета, мне только ободрало локоть и остались на память два синяка.

Пилоту переломило руку. Бортмеханику раздробило ноги. Штурману сломало несколько ребер. Остальные отделались ушибами.

Авария произошла километров за двадцать до Краснодара. Загорелся мотор, второй мотор отказал тотчас же, и пилот, сбивая пламя, бросил самолет на речку, которая не могла быть глубокой, и приказал нам прыгать в воду. Кабина самолета повисла, как мост над речкой, и мы спаслись, выбравшись в приятную холодную воду.

Пришлось организовывать помощь для тяжело пострадавших бортмеханика и штурмана, извлекать их из-под обломков.

Сбежались колхозники. Пилот уехал с докладом к краснодарскому начальству, а я организовала отправку раненых в ближайшую больницу. Потом собралась со всех колхозных полей колхозная молодежь — человек четыреста. Явным образом мы срывали своей аварией работу на полях. Я провела три беседы на тему «как мы упали, как мы спаслись и что при этом главное — не растеряться ни при какой опасности, быть организованными, стойкими, не впадать в панику». Рассказала, как даже дети защищали Москву, как тушили «зажигалки», как побеждают бойцы на фронте, и после беседы просила расходиться — идти работать. Таким образом уговорила три группы человек по 60. Но к вечеру собрались новых человек пятьсот поглядеть, «подывиться на таку птыцю».

К вечеру колхозники понатащили молока, вишен, меду, соленых огурцов, мягкого душистого хлеба и кормили нас как самых дорогих гостей. Я обещала приехать к ним с докладами. Обязательно съездить придется. Очень просили. Завтра приступаю к работе.

Желаю здоровья, успехов в работе. Ваша Кирсанова».

К этому остается добавить, что если Кирсанова обещала, то, конечно, к краснодарским колхозникам она съездила.

Снова, как в давние времена гражданской войны, Ярославский ехал на один фронт, Кирсанова — на другой, и, встретившись ненадолго,— разъезжались вновь.

В 1943 году Емельян Ярославский тяжело заболел. Болезнь была крайне опасна. Кирсанова впервые в жизни взяла длительный отпуск, чтобы быть возле больного. Она ухаживала за ним и помогала ему в работе, которую он не оставлял до последнего дня жизни.

3-го декабря 1943 года он продиктовал статью для «Правды», а 4-го декабря его не стало.

«В первый раз он принес в дом горе»,— говорили тогда в этой дружной большой семье.

Клавдия Ивановна потеряла друга жизни, товарища в бою, отца своих детей. Но и в безутешном горе она не прекращает напряженного труда: делает доклады, ездит в командировки. При взгляде на толстую пачку путевок трудно представить себе, что все эти задания выполнены за короткий срок одним человеком. Мелькают даты, названия городов, республик. Опять Урал, Сибирь, остров Сахалин, потом Париж и снова дальние уголки нашей Родины.

Особенно деятельное участие Кирсанова принимала в международном женском движении. Еще до войны она была избрана в исполнительный комитет Международного конгресса женщин.

Но тогда работу этой организации не удалось широко развернуть из-за напряженной предвоенной обстановки и затем разразившейся войны.

После победы над фашизмом, в 1945 году, Международный конгресс женщин собрался снова. Делегатки всего мира встретили советских женщин как представительниц народа-победителя. Открывались новые и широкие перспективы для деятельности Международной женской организации и Антифашистского Комитета советских женщин, в президиум которого вошла Кирсанова.

Весна 1945 года открыла перед ней новый, непочатый край работы. Советский народ занят восстановлением народного хозяйства и огромным созидательным трудом.

Клавдия Ивановна с жаром берется за дело. Она то в Маньчжурии, то на Камчатке, то на Сахалине.

Лето 1947 года застает ее в Якутии. Она совершает большую поездку по местам, где была впервые как ссыльная на вечное поселение. Теперь она видит тут поднятый к новой жизни богатый край и делает все, чтобы он стал еще богаче и лучше.

Никто не знал, что в это время Кирсанова была уже тяжело больна, превозмогала приступы смертельного недуга.

Вернувшись в Москву, она принялась за работу над отчетом о поездке, вернулась к обязанностям в Комитете советских женщин и продолжала изучать китайский язык, которым давно занималась.

Но не прошло и месяца, как она слегла, и оказалось, что болезнь уже зашла слишком далеко. 10 октября 1947 года Клавдия Ивановна ушла из жизни.

С портрета, напечатанного в день прощания в «Правде», на нас смотрит лицо одной из лучших женщин нашей эпохи. Гладко причесанные волосы, высокий лоб, открытый и немного строгий взгляд. Лицо простой русской женщины с большой судьбой, прожившей жизнь воина, борца, строителя, жены и матери, а прежде всего верной дочери своей партии, своего великого народа.

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА КНИПОВИЧ

ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА КНИПОВИЧ
(1857—1920)

«Дяденька» — так окрестил Лидию Михайловну Владимир Ильич, который в нелегальные времена придавал очень большое значение технике подпольных сношений. Он советовал давать мужчинам женские клички, а женщинам — мужские. П. Г. Смидович носил кличку «Матрена», Орловский — «Жозефина» и т. п.

«Дяденька» была активным работником в тот период рабочего движения, когда только еще закладывался фундамент нашего партийного здания и когда решающую роль в нашей партии играла группа самоотверженных революционеров-профессионалов. Это время ушло теперь в далекое прошлое, но можно с уверенностью сказать, что наша партия никогда не могла бы стать той закаленной, стойкой, выдержанной организацией, какой она была в революцию 1917 года, никогда не могла бы победить, если бы не прошла через период подполья.

Лидия — неповторимый тип революционерки. После нее не осталось никаких литературных произведений, за ней не числится никаких «ярких» дел, выступлений на процессах и т. п., а об ее громадной, важной, неустанной, самоотверженной работе знали только те, кто имел с ней непосредственно дело; даже самым близким людям не рассказывала она о своей работе: так того требовали условия тогдашней конспирации. И только перед теми, кто работал с ней, при имени «Дяденька» встает образ горячего, сильного, убежденного человека, «твердокаменной» большевички, человека, отдавшего себя всего, без остатка, партийной работе и в то же время как-то поособенному близкого товарища. Лидия требовала от това-

рищей принципиальной выдержки, строгой конспирации, неустанной работы, журила за всякий промах, высмеивала за неустойчивость: «Сегодня большевик, а завтра меньшевик»,— с насмешкой говорила она колеблющемуся между большевиками и меньшевиками товарищу. Но в трудную минуту именно к Лидии шли товарищи посоветоваться, рассказать о своих затруднениях, о своем горе. И Лидия вникала в каждую мелочь, у ней находили люди моральную поддержку. Лидия заботилась о товарищах, как никто, устраивала паспорта, ночевки партийным нелегальным, заботилась и об арестованном рабочем, и о девице, разносившей литературу, и о матери «влетевшего» большевика. Подпольная работа проходила в те времена в очень тяжелых условиях, вечный риск «влететь», часто отсутствие места, где можно приткнуться, вынужденное безделие, когда приходилось скрываться,— все это изнашивало людей. Каждый, кто имел дело с Лидией, чувствовал: раз ты примкнул к партии, ты не одинок, тебя поддержат в трудную минуту. Без этого трудно было бы работать. Вот почему светлеют лица старых большевиков при упоминании о «Дядепьке».

Лидия Михайловна родилась в 1857 г. в Финляндии; там же провела она свое детство и молодость. Она была дочерью врача, училась дома, потом посещала Гельсингфорсский университет. Лидия не была в гимназии, никто не ломал ее воли, никто не навязывал ей никаких старорежимных взглядов — она росла вольным человеком, шла своим путем. Она была очень самостоятельно и глубоко мыслящим человеком, продумавшим последовательно свое мировоззрение. Она росла у моря, под его влиянием, проводила вместе с братьями значительную часть времени в гребле, езде на парусных лодках и пр.

Кто влиял на нее? Больше всего, по ее рассказам, западали ей в душу беседы с рыбаками и рабочими имения, где она росла.

18 лет Лидия заболела, ее послали в деревню; она исполняла там всякую деревенскую работу: доила коров, работала на сенокосе, жала, работала в саду.

В то время в Свеаборге и в Гельсингфорсе существовала группа народовольцев с Сикорским и Рогачевым во

главе, вела работу среди военных. К этому кружку была близка семья Книповичей, и Лидия находилась под влиянием этого кружка. Народовольцы вообще обращали большое внимание на молодежь, давали ей разные поручения. Тут начала Лидия свою работу, получила первую свою революционную закалку. В 1881 году кружок провалился. У Книповичей также был обыск, но прошел безрезультатно. Наступили годы свирепой реакции. Лидия стала учительницей народной школы. В 1887 году был арестован брат Лидии, Николай Михайлович, он привлекался по делу Благоева. Это была первая социал-демократическая группа в России. Николай Михайлович — теперь[1] крупный ученый, естественник, специалист по рыбному делу — тогда только что кончил университет. Год просидел он в тюрьме, в Крестах. Лидия приехала из Финляндии и поселилась в Питере с семьей брата, которого очень любила, взяла на себя значительную часть хлопот по хозяйству и по уходу за детьми, которых всячески охаживала, особенно малыша Борю. Брат был социал-демократ, и они горячо и яростно спорили с Лидией, над которой были властны еще народовольческие переживания. В 1891 году Лидия ездила во время голода в Тамбовскую губернию устраивать столовки для голодающих. На нее произвели неизгладимое впечатление нищета крестьянская, а главное темнота, покорность своей судьбе. Никак не могли понять крестьяне, чего это Лидия старается: то предполагали они, что царем она послана, то, что душу свою спасает, но привязались к ней горячо. Вернувшись осенью из деревни, Лидия поступила учительницей в вечерне-воскресную школу за Невской заставой (в смоленские классы), где и проучительствовала вплоть до своего ареста весной 1896 года.

Лидия была очень талантливой учительницей и пропагандисткой, но, самое главное, она как-то так просто подходила к ученикам, что они сразу проникались к ней доверием, чувствовали в ней близкого человека. Ученики вообще относились к учительницам с доверием и любовью, но все же всегда чувствовалась в их отношении к ним известная доля почтительной отчужденности, но

[1] Статья Н. К. Крупской написана в 1932 г.

на Лидию смотрели совсем как на свою. Она была требовательна, часто ворчала, горячилась, спорила, но на нее не обижались, мнением ее дорожили. Ученики, не стесняясь, спорили с ней, выкладывали все свои задушевные мысли. Лидия умела прямо ответить на все вопросы, умела, исходя из их интересов, подводить их к большим принципиальным вопросам. Придешь к Лидии в класс, и сразу чувствуется какая-то особая атмосфера, какая-то спетость. И ученики окружали Лидию большой заботой. Был в ее группе пожилой рабочий, раз ей сочинение написал в защиту царя и церкви православной, и этот же рабочий предупреждал ее: «Вы с тем черным поосторожнее, он все в охранку шляется». Черный потом оказался провокатором «Ларионычем». Была у рабочих тогда своеобразная инстинктивная конспирация, которая выражалась в том, что каждый понимал, что лишку болтать не надо. И благодаря этому, несмотря на все полицейские рогатки, Лидия могла вести среди учеников революционную пропаганду. Стала она влиять и на учительниц. С ненавистью относилась она ко всякому либеральному фразерству, требовала от молодежи неустанной работы, выдержки. Помню раз такой эпизод. На Александровском заводе служил один знакомый инженер, с которым мы раньше были два года в одном марксистском кружке, вели вместе кое-какую работу и дружили. Он отошел от революционной работы и очень нервничал по этому поводу. Я заходила иногда перед школой к нему (он жил при заводе) и рассказами о школе, работе старалась не дать ему отойти от рабочего движения. Раз мы пошли с ним вместе в театр, который был за Невской заставой. На другой день Лидия налетела на меня: «Когда работаете вместе, довольно глупо вместе ходить в театр». С Лидией мы были тогда еще мало знакомы. Я вспылила: «какое ей дело», а потом, подумав, увидала, насколько она права. Эта прямота Лидии, резкая постановка вопросов, когда дело касалось принципов, касалось революционной работы, ее целеустремленность увлекали. Скоро я горячо привязалась к Лидии. Не я одна. Потянулись к ней и другие: Аполлинария Александровна Якубова, с которой мы работали вместе в начавшей формироваться организации; Прас-

ковья Францевна Куделли, начавшая склоняться уже к марксизму; Марья Вильямовна Бернштам, Екатерина Александровна Дьяконова и др. Мне с Якубовой чрезвычайно хотелось, чтобы Лидия стала социал-демократкой, но убежденного человека не всегда легко переубедить. В это время на Лидию сильно влиял Натансон. Я помню, как потом, в 1904 году, когда мы познакомились с Натансоном, он произвел сильнейшее впечатление на Владимира Ильича своим знанием людей и пониманием, как их надо использовать в интересах дела. Но Натансон был организатором отходящего в прошлое типа замкнутой, конспиративной организации, организации по преимуществу интеллигентской. Навыки конспиративной работы были еще нужны, но поднимающееся рабочее движение требовало уже новых, гораздо более широких массовых форм организации.

Наконец Лидия стала социал-демократкой. Не потому, что мы с Апполинарией так старались, а потому, что вечерне-воскресная школа давала возможность широкого общения с рабочей массой, и это живое общение в момент нараставшего рабочего движения убеждало лучше, чем какие бы то ни было книжки или доводы. Стали социал-демократами и Куделли и Николай Леонидович Мещеряков, потянулись к социал-демократии и другие. В организацию в то время Лидия еще не входила, но стала ей всячески помогать. Помню, однажды мы устроили на квартире Книпович свидание нашей группы (Владимира Ильича, Кржижановского, Старкова и др.) с рядом склонившихся к социал-демократии учительниц, где договаривались об увязке работы и характере ее.

Лидия жила с братом и сестрой. В семье было четверо ребят. Лидия дома проворачивала большую работу: вела все хозяйство, стирала, нянчила младших ребят, занималась со старшим, который под ее влиянием рос очень своеобразным и самостоятельным парнишкой. В ней и следа не было обывательщины, но не было и интеллигентской безрукости, показной нигилистичины, толстовской терпимости. От старо-нигилистических привычек осталась лишь привычка курить без памяти, палить папироску за папироской. Была она нервняга большая.

Летом 1895 года мы с матерью поселились на Валдайке, где жили обычно Книповичи. Так же просто, как к рабочим, умела Лидия подходить и к крестьянам. Ей приходилось много хозяйничать, и она по дому работала на кухне; пекла хлебы, заготовляла на зиму овощи, закупала у крестьян масло, всякую всячину. Я любила сидеть на окне и слушать ее разговоры с крестьянами, которые также видели в ней своего человека и охотно начинали говорить о своей жизни, высказываться, а Лидия умелыми вопросами направляла эти беседы в определенное русло. В кухне у нее образовывался настоящий агитпункт. Мы втроем, Лидия, я и Катя Дьяконова, которая тоже жила это лето на Валдайке, много ходили по окрестностям. Раз ходили за 40 верст в Боровичи, другой раз — в Валдай, тоже за 40 верст. Останавливались на ночевку и пить чай у крестьян, и Лидия тоже заводила разговоры с крестьянами на разные темы. Хорошо она знала деревню.

Став социал-демократкой, Лидия начала использовать свои связи для социал-демократической организации. Группа народовольцев — Иергины, Прейс, Катанская и другие — имела в своем распоряжении нелегальную типографию на Лахте. Она согласилась печатать в массовом масштабе брошюры для социал-демократов. В лахтинской типографии был напечатан ряд социал-демократических брошюр: «Рабочий день», «Кто чем живет» Дикштейна, ряд других, готовилась к печати брошюра Ильича «О штрафах». Лидия взяла на себя роль посредницы.

Она сдавала в лахтинскую типографию большевистские рукописи, разыскивала адреса, куда из типографии отвозили корзины с напечатанными брошюрами, которые потом передавала по частям в нашу организацию. Теперь молодежь и не представляет себе, каких трудов стоило в то время разыскать надежный адрес, т. е. адрес человека, вполне благонадежного, стоящего вне подозрения и в то же время соглашавшегося на такое опасное дело, как хранение нелегальной литературы.

Летом 1896 года провалилась лахтинская типография. Там оказались и адрес Книповичей и те одиннадцать адресов, по которым были развезены корзины с социал-

демократической литературой. Лидия была в это время на нижегородской выставке; ее там арестовали и привезли в Питер в дом предварительного заключения. Арестовали одновременно брата Лидии, Николая Михайловича, и сестру Зинаиду Михайловну. Семья Николая Михайловича — жена с детишками — жила тогда на Валдайке на даче. Я в это время ездила в Полтаву в связи с подготовкой первого партсъезда. Вернувшись из Полтавы, я узнала о случившемся, помчалась на Валдайку и застала там такую картину. Знакомые Книповичей, у которых сохранилась еще одна корзина с нелегальщиной, соседи по даче, не нашли ничего лучшего, как притащить эту корзину на дачу к Книповичам, хотя дача была обставлена шпиками. В корзине оказались ящик со шрифтом, рукопись Владимира Ильича и масса новеньких брошюр. Был Петров день. Отправили мы двух домашних работниц, дав им рублевку, в соседнее село, где был храмовой праздник, а сами растопили русскую печь, замесили тесто, будто пироги печь хотим, и стали литературу жечь. Жалко было до крайности, сколько труда в нее вложено было. Надо бы было сжечь и рукопись Владимира Ильича, да не хватало духа. Решили спрятать. Жила в это время на Валдайке у Книповичей молоденькая ученица акушерских курсов Христофорова; надели мы с ней клеенчатые плащи — накрапывал дождь — она взяла в руки под плащ лопату, я — ящик со шрифтом, куда всунула и рукопись Владимира Ильича, и на виду у шпиков, которые торчали на перроне станции и насмехались над барышнями, гуляющими по дождю, пропутешествовали в лес, где и зарыли благополучно ящик в землю.

Вернувшись в Питер, я отправилась в жандармское управление добиваться свидания с Лидией, сказав, что я ее двоюродная сестра. Так как Лидия в это время тяжело заболела психически, то свидание мне разрешили, и я ходила к ней вплоть до своего ареста в августе по делу «Союза борьбы». В связи с лахтинской типографией были арестованы также учительницы смоленских классов Родэ и Катанская.

Когда Лидию выпустили, она вскоре поправилась и стала работать по-прежнему. Весной 1897 года выпустили

и меня, и мы вновь поселились с Лидией на Валдайке. Но нагрянула полиция, Лидию арестовали, на этот раз по социал-демократическому делу, что было гораздо лучше, ибо жандармы в то время к социал-демократам относились гораздо снисходительнее, чем к народовольцам. Жандармы не придавали в то время особого значения рабочему движению, не отдавали себе отчета в том, какая это сила. В народовольцах же они видели партию, убившую Александра II, готовившую ряд дальнейших покушений. Поэтому приговоры по социал-демократическим делам в то время были куда мягче, чем по делам народовольческим. Я опять стала ходить к Лидии на свидания и уехала в Сибирь, когда Лидия еще сидела. Ее отправили на три года в Астраханскую губернию. Лидия перепрашивалась в Уфимскую губернию, куда еще раньше была направлена я, но ей отказали, да и я в конце концов поехала не сразу в Уфимскую губернию, а сначала в Сибирь, в село Шушенское к Владимиру Ильичу.

В ссылку Лидия пошла уже вполне сложившейся, убежденнейшей социал-демократкой. Она пользовалась в ссылке громадным авторитетом и любовью со стороны ссыльных. Там были ссыльные всех направлений. Лидия горячо отстаивала свои социал-демократические взгляды, яро спорила с противниками, занималась с ссыльными рабочими, читала вместе с ними Маркса. Она заботилась о товарищах, особенно о молодежи, ухаживала за больными. В ссылке умерла молодая социал-демократка Цивилева, умер рабочий Ювеналий Мельников, о семье которого она очень заботилась. В астраханской ссылке тогда были Дубровинский (Иннокентий), виднейший член нашей партии, Л. Е. Гальперин (Коняга), после II партсъезда шедший с большевиками; входивший в совет партии А. А. Самойлов (впоследствии муж Конкордии Николаевны Самойловой, активный член нашей партии), О. А. Варенцова, видный иваново-вознесенский работник, А. Л. Катанская, активная народоволка, одна из организаторов лахтинской типографии, потом ставшая социал-демократкой, Е. И. Бирюкова (Широких), А. М. Рунина (Вржосек), также социал-демократы, и другие.

Лидия принимала участие в работе среди рабочих рыбных промыслов, рабочих пристани, мастерских и складов Нобеля.

Когда кончилась ссылка Владимира Ильича и я поселилась в Уфе, чтобы дожить там свой срок ссылки, осенью 1900 года неожиданно приехала ко мне в Уфу на пару дней Лидия, тайно уехавшая из Астрахани. Потолковали мы с ней обо всем, условились о шифре и пр.

Когда стала выходить «Искра», Лидия стала агентом «Искры», вела с нами конспиративную переписку, налаживала заграничный транспорт, который шел на Батум, где принимался Енукидзе и переправлялся по Кавказу через бакинского представителя «Искры» Никитича (Л. Б. Красина) и дальше с Лидией и Анной Михайловной Руниной рассылался по Волге в Саратов — Н. И. Соловьеву, в Самару — Кржижановским и пр. Делала Лидия все это так конспиративно, что никто из колонии и не подозревал этой ее деятельности. С. К. Вржосек был юрисконсультом Восточного общества. Когда Лидии надо было ехать в Баку, он достал ей и Анне Михайловне бесплатные билеты, по которым им отвели директорскую каюту на пароходе, состоявшую из маленького салона и спальни с двумя кроватями. Лидию очень забавлял этот комфорт, предоставленный нелегальным экскурсантам.

После окончания ссылки в 1902 году Лидия ездила в Тверь, где принимала некоторое время участие в работе, потом в Самару, завязывала связи, активно работала по подготовке II съезда партии. На II съезде она была делегатом от «Северного союза» под кличкой «Дедов».

После съезда Лидия стала ярой большевичкой, в конце 1904 года поселилась в Одессе, с 1905 года стала секретарем Одесского комитета.

Работать приходилось в условиях острой внутрипартийной борьбы. Как эта внутрипартийная борьба в тот период многими переживалась, рисует, например, самоубийство в Одессе в конце 1904 года одного партийного товарища, приезжавшего к нам в Лондон перед партийным съездом, очень славного, но сильно нервного человека. Звали его Доливо-Добровольский, кличка была

«Дно», «Дяденька» с ним много возилась, но это не помогло, его напугала внутрипартийная борьба, неясна ему была связь этой борьбы с могуче поднимавшимся рабочим движением. Вначале дело в Одессе у Лидии плохо ладилось. Лидия написала мне 5/I 1905 года очень мрачное письмо. Оно шло очень долго. Дошло лишь в конце февраля.

«Твое письмо от 5. I.,— писала я ей 26/II,— страшно запоздало. Оно очень пессимистично. Ты, конечно, преуменьшаешь свои силы. Когда старик (Владимир Ильич) прочитал это письмо, он велел тебе написать, что когда ты устанешь очень, чтобы ехала сюда. У нас тут уймища организаторской и всякой другой работы. Народу тут много, но все либо молодежь, либо отдыхать приезжают. Меньшевики страшно выигрывают оттого, что у них есть более или менее опытный народ, у нас же все делается наспех, совсем почти нет народа, с молодежью и рабочим поговорить даже некому, одно горе. «Минога» (я) сначала удивлялась этому проекту старика, сама она не решилась бы ни о чем подобном и подумать, не доверяя своей беспристрастности, но, обдумав этот проект, она по совести находит, что старик прав. Больше она ничего не пишет. Вот».

Пока письмо шло, положение изменилось. Лидия вовсю уже вошла в работу. Ее письмо от 10/II полно энергии, видно, что работа закипела. Одесский комитет тесно связался с Екатеринославским и Николаевским. От имени южных комитетов обратился он в только что образовавшееся бюро комитетов большинства, настаивая на скорейшем созыве съезда. Об этом писала Лидия. Там же она писала: «Получили литературу с оказией, и у всех дух стал бодрее. Литература эта имеет большое влияние во всех слоях. Листок № 4 «Вперед» (статья Ленина «Начало революции» в связи с событиями 9 января) напечатали и распространили в 8 тысячах экземпляров, и он очень нравится рабочим, говорят: «хорошо написано». № 4 «Вперед» рабочие уговаривают переиздать листовкой — «чтобы каждому попало» — они в восторге от него».

У Лидии в Одессе были большие связи с рабочими, которые к ней хорошо относились. Она вела пропаган-

дистскую работу, товарищи вспоминают о ее докладе в каменоломнях, которым рабочие остались очень довольны. Лидия была несгибаема в принципиальных вопросах, яро отстаивала в Одесском комитете линию большевиков. Через нее вели мы из-за границы переписку с комитетом. Как интенсивна была эта переписка, видно из того, что за один февраль 1905 года от Лидии — она в письмах подписывалась «Чухна» — было получено 12 писем. В этих письмах отражалась та большая работа, которую проводил комитет, и в частности Лидия, по укреплению большевистской линии и по подготовке к III съезду. Одесский комитет дал мандат на III съезд Ильичу. Уехала из Одессы Лидия лишь после потемкинских дней, поехала в Питер, где приняла активное участие в организации железнодорожной забастовки и во всей работе Петербургского комитета и стала секретарем комитета.

Когда мы с Ильичем вернулись в 1905 году в Петербург, мы часто видались с Лидией. Одно время — я жила тогда одна нелегально по паспорту Прасковьи Евгеньевны Онегиной — мы с Лидией устроились так, что поселились на одной лестнице, что облегчало свидания. Лидия работала за Невской заставой, которую хорошо знала по прежней своей работе. Невская застава в 1905 году имела уже другой вид, чем десять лет назад. Смоленские классы были центром революционной пропаганды, пропаганда велась открыто. Я была там как-то вечером. В прежних классах сидели плечо к плечу рабочие и работницы и внимательно слушали, партийные пропагандисты делали им доклады, излагая учение Маркса.

Но бросалась в глаза пассивность рабочей массы: никто не задавал никаких вопросов, не высказывался.

Это было характерно для 1905 года. Масса была революционно настроена, увлечена борьбой, но теоретически мало подготовлена. Пропагандисты не всегда умели подойти к массе. В такое время такие люди, как Лидия, были особенно ценны. Надо сказать, что за Невской заставой тогда было сильно влияние меньшевиков, старавшихся всячески удержать массы от выступлений. С ними боролась вовсю Лидия, опираясь на рабочих. Она

проводила в районе большую организационную работу, знала каждого работника, заботилась о снабжении рабочих литературой, докладчиками и пр.

Лидия принимала активное участие в Таммерфорсской конференции, много сделала для ее подготовки. Она знала хорошо финский и шведский языки, и поэтому на нее пала большая забота о материальном устройстве нашей публики, об ее кормежке, устройстве на ночлег и пр. Таммерфорсская конференция, как известно, прошла с громадным подъемом — это был декабрь 1905 года, момент самого разгара революции.

Еще больше хозяйственных забот пало на Лидию по устройству стокгольмского съезда. В то время наша партийная публика плохо укладывалась в рамки «культурного» шведского режима: проливала воду на паркетные полы, бросала окурки папирос на пол и на окна, хлопала дверями, громко разговаривала, когда соседи, шведские рабочие, привыкли, чтобы в квартире царила мертвая тишина, и пр. Приходилось улаживать целый ряд конфликтов. Лидия — крупный партийный работник — не считала ниже своего достоинства заниматься такими мелочами. Всякая работа, как бы она ни была проста, скучна, раз она была нужна для партии, делалась Лидией со всей тщательностью: опаснейшая подпольная работа, нелегальная и легальная пропаганда в рабочей среде, непримиримая борьба за правильность партийной линии, забота о товарищах — все это переплеталось в деятельности Лидии.

Партийные собрания собирались иногда и на квартире Книповичей. Помню одно большое собрание с районными партийными работниками, помню меткие характеристики партийных работников, с которыми Ильич беседовал по аграрному вопросу, со стороны Лидии, которая великолепно разбиралась в людях. Не раз Ильич ночевал у Книповичей. Семья Книповичей всячески помогала движению. Сын Николая Михайловича, Боря, любимец Лидии, был тогда гимназистом старших классов, председателем ученического комитета, целый день толкались у него товарищи.

В конце 1905 и начале 1906 года охранка была порядком дезорганизована, партийная работа приняла та-

кой размах, что шпики теряли все следы. Этим вероятно объясняется и то, что, когда после свеаборгского и кронштадтского восстания 23 июля (ст. стиля) 1906 года на ст. Удельной был арестован Петербургский комитет, полиция не обратила никакого внимания на Лидию Михайловну, приняв ее за домашнюю работницу. Лидия держала себя во время обыска так, точно это к ней не относилось, подкладывала дрова в печь, вязала чулок, ворчала на делавших обыск за то, что они разбрасывают вещи, и пр.

Когда начала свирепствовать реакция, Лидия скрывалась у Книповичей на даче в Финляндии, в Стирсудене, на маяке партийных работников. После Лондонского съезда Ильич приехал летом 1907 года совсем больной, и вот Лидия предложила нам поселиться у них. Мы прожили там больше месяца — Ильич, я и моя мать. Лидия окружала Ильича такой заботой, что он великолепно там отдохнул, набрался сил. Там жила в 1909 году тяжело больная Апполинария Александровна Якубова-Тахтарева, которую Лидия очень любила и жалела, что личная жизнь Апполинарии сложилась так, что она не смогла принять того участия в жизни партии, которого хотела бы, к которому рвалась все время.

В годы реакции, когда так трудно было вновь уходить в подполье, когда пышным цветом стала расцветать провокация, Лидия оставалась на посту, и тут ее знание людей, ее конспиративная выдержка были особенно ценны.

В 1910 году она работала по партийной технике, имела постоянные сношения с думской фракцией, с Полетаевым. 9 февраля 1911 года Лидия была арестована вместе с целым рядом лиц, работавших около думской фракции: Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, Турутиным, М. Вайнштейном, Цыперовичем и др. Охранное отделение так характеризовало деятельность Лидии Михайловны: «Уполномоченная от ЦК партии, ведет переписку с ЦК и большевистской группой. Хранит деньги, присылаемые от ЦК партии для профессиональных работников партии. Крайне активный работник партии. Исполняет все крайне конспиративные поручения. Явки ЦК партии, переписка с заграницей. Центральное лицо

распавшегося большевистского центра (партийная кличка «Дяденька», в наблюдении «Железная»)». Доказать, однако, всех этих преступлений департамент полиции не смог, и Лидия была просто выслана в Гадяч, в Полтавскую губернию, под надзор полиции, где прожила до осени 1913 года.

Силы Лидии были надорваны. Базедова болезнь, которой Лидия хворала, приняла очень острые формы. Сохранилось письмо Владимира Ильича, который писал Лидии из-за границы, уговаривая ее поехать в Швейцарию к Кохеру сделать операцию. Лидия не поехала. Наряду с базедовой болезнью у нее с каждым годом усиливалась глухота. Ей пришлось отойти от работы. Она поселилась в Крыму, в Симферополе, с Анной Михайловной Вржосек, с которой была в ссылке в Астрахани, работала вместе с ней в Одессе, потом в Питере; в Питере у Анны Михайловны родился сынишка Лодик, и Лидия горячо привязалась к нему. В 1917 году Лидия приезжала к родным в Петроград, на дачу. Мы мало виделись с ней, но раз мы целую ночь просидели насквозь и проговорили о делах. Меня поразило, как Лидия, живя в Крыму, будучи оторвана от непосредственной работы, хорошо разбиралась в положении дел, какой правильной линии держалась, как по-большевистски подходила она ко всем вопросам. Больше мы с Лидией не видались. Я к ней собиралась все время. Ильич настаивал, чтобы я непременно к ней поехала, планировал поселить нас на самой высокой горе Крыма (базедку лечат горами), но дела прилипали, как тесто к рукам; так и не выбралась я. Крым заняли белые. Анна Михайловна Вржосек, которая горячо любила Лидию, писала мне после ее смерти:

«Л. М. страшно интересовалась в это время, «что станут делать большевики, что будет разделывать Ильич». Это говорилось ею с любовью, с гордостью, с уверенностью в успех старых товарищей. Каждый день она нетерпеливо спрашивала «а где большевики» и старалась выяснить положение дел на фронте. Ей казалось в это время, что с появлением большевиков и болезнь ее моментально пройдет и разрешатся все трудности жизни. Эта надежда была единственным просветом в ее жизни».

О том же писал и тов. Леонтович: «Я ее (Лидию) вновь встретил уже в Симферополе в 1915 году, где я жил с нею на одном дворе до самой ее кончины (9 февраля 1920 года), встречаясь с нею по нескольку раз в день. Несмотря на свою болезнь и на тяжелые обстоятельства места и времени, она не теряла бодрости даже во время, казалось, непоколебимого владычества белых, даже на смертном одре. Своей верой она подбадривала окружающих.

Смертельная болезнь Лидии Михайловны (воспаление легких) совпала с теми днями, когда изо дня в день ждали прихода красных. Лидия Михайловна все последние дни своей жизни жила этими ожиданиями. Все ей чудились издалека выстрелы. Все время она посылала то того, то другого посмотреть, узнать, не идут ли большевики. В бреду она все время повторяла: «Надя должна взять меня в Москву. Идут наши? Какое уже число? Почему так долго? Идите посмотрите». Ее ожиданиям не суждено было тогда исполниться».

Хотя Лидия отошла последнее время от работы, но связь с большевистской организацией и с рабочими у нее сохранилась до последнего дня. В последние дни ее болезни у нее все время дежурили рабочие, они же по ее желанию отнесли ее останки на кладбище и предали их земле. Когда выносили ее гроб со двора, какая-то шальная черносотенка закричала: «Вот понесли проклятую большевичку», а другая женщина со слезами на глазах накинулась на нее со словами: «Утка ты проклятая, глупая, толстая, и ты смеешь крякать на такого человека». И долго еще горько рыдала, сидя на камне и глядя вслед гробу.

А рабочие несли гроб Лидии и пели: «Вы жертвою пали».

При последних днях жизни Лидии присутствовал знавший ее питерский большевик-рабочий т. Аллилуев.

От него впервые узнала я о смерти Лидии. Его рассказ о последних днях Лидии сходен с рассказом т. Леонтовича.

Ильич говорил, что подлинный революционер должен быть готов на все: надо вести незаметную, будничную работу, надо бороться за престиж, за честь партии,

надо, если придется, рисковать жизнью. Лидия была именно таким революционером. Весь свой талант, всю энергию отдала она партии. Без таких людей, как Лидия, наша партия никогда не могла бы победить, стать тем, чем она есть.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ

Д. УТКЕС

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ

> Води за собою массы с горящим факелом веры в правоту своей идеи.
>
> *А. М. Коллонтай*

На пороге своего 80-летия, когда смерть уже стояла за плечами, Александра Михайловна Коллонтай, одна из замечательных женщин нашей страны, целиком посвятивших себя борьбе за коммунизм, писала своему другу актрисе Вере Юреневой:

«С сердцем довольно серьезно, но я еще далеко не закончила своих дел на этой планете и поэтому не собираюсь лететь в межпланетном пространстве в виде атома, в котором собрана вся суть моего я».

Это письмо Александра Михайловна написала 26 февраля 1952 года, т. е. за 12 дней до своей смерти [1]. Оно показывает, какой большой, жизнеутверждающей силой, неиссякаемой волей и энергией обладала эта женщина.

Александра Михайловна Коллонтай родилась 1 апреля 1872 года в Петербурге, в семье генерала Домонтовича. Ее отец — сын украинского дворянина, окончил полтавский корпус. Мать — уроженка Финляндии, была дочерью простого скупщика и продавца леса.

Обладая сильным характером и властной натурой, мать Александры Михайловны руководила всем домом. Она постоянно напоминала детям, что в мире есть много людей, которые недоедают и живут в нищете. «Ваш дед был простой крестьянин и очень бедный человек,— говорила она детям,— и вы этого никогда не забывайте».

Шура была самой младшей. Кроме нее, в семье были еще две сестры от первого брака матери. Одна из них — Евгения Мравина (по фамилии ее отца Мравинского) —

[1] А. М. Коллонтай умерла 9 марта 1952 г.

впоследствии солистка Петербургского оперного театра — привила младшей сестре любовь к искусству.

Когда Шуре было девять лет, народовольцами был убит Александр II. Царизм ответил на убийство свирепым полицейским террором. Желябов, Перовская, Кибальчич, Гельфман, Михайлов и Рысаков были приговорены к смертной казни. Весть об этом оставила неизгладимый след в душе девочки.

Пришло время поступать в гимназию. Родители, боясь влияния «нигилистов» и других нежелательных элементов, решили дать дочери домашнее образование.

Были наняты учителя, среди которых выделялась Мария Ивановна Страхова, человек передовых взглядов и большой благородной души. Она оказала сильное и благотворное влияние на свою ученицу. И 12—13-летней девочкой А. М. Коллонтай уже мечтала о подвиге на благо народа.

В те годы подвигом считалось быть сельской учительницей, «служить народу», как тогда говорили. «Но мне,— писала А. М. Коллонтай,— хотелось чего-то большего, не подвижничества, а большого подвига, чтобы его след остался в истории. Цель дальняя, но о ней было интересно мечтать уже с 12, 13 лет».

В 16 лет Александра Михайловна сдала экзамен на аттестат зрелости и получила диплом учительницы. Поступить на Высшие женские (Бестужевские) курсы ей не было разрешено все по той же причине — боязнь революционной заразы. И Александра Михайловна стала посещать частные курсы, слушать лекции по естествознанию, истории и литературе. Большое влияние на духовное развитие Александры Михайловны оказал крупный в то время историк Виктор Петрович Острогорский. Он способствовал пробуждению в ней вкуса к литературной и журналистской работе, которая впоследствии заняла большое место в ее многообразной общественной деятельности.

К 18 годам Александра Михайловна была развитой, хорошо образованной и к тому же очень красивой девушкой. Весной 1890 г. она вышла замуж за инженера Владимира Михайловича Коллонтай, но бездеятельная жизнь в буржуазной семье не могла удовлетворять ее.

Спустя три года она развелась с мужем и с маленьким сыном уехала от него. Свое раннее замужество А. М. Коллонтай объясняла тогда «актом протеста против воли родителей» и разводом решила исправить свою ошибку.

Именно с этого времени и открывается новая страница биографии А. М. Коллонтай — начало ее политической деятельности, сложный и трудный путь формирования ее революционного мировоззрения.

С середины 90-х годов А. М. Коллонтай начала принимать участие в работе различного рода культурно-просветительных учреждений, которые использовались социал-демократами для политической работы. Она давала уроки в рабочих общеобразовательных кружках, где близко познакомилась с передовыми рабочими петербургских заводов, с жизнью и чаяниями пролетариата. В «Подвижном музее учебных пособий» она устанавливает связь с шлиссельбуржцами.

Все это имело большое значение в жизни Александры Михайловны, помогло ей войти в круг революционеров.

Весною 1896 года ей пришлось побывать в Нарве, на известной Кренгольмской мануфактуре. «Закабаленность 12 000 ткачей и ткачих,— писала она позднее,— произвела на меня ошеломляющее впечатление. Тогда я еще не была марксисткой и скорее склонялась к народничеству и терроризму. После посещения Нарвы занялась изучением марксизма и экономики».

Определению взглядов А. М. Коллонтай способствовала грандиозная стачка текстильщиков, происшедшая в том же году в Петербурге, в которой участвовало до 36 тысяч рабочих и работниц. К этому времени относится знакомство Коллонтай с Еленой Дмитриевной Стасовой, которая приблизила ее к практической революционной работе. Александра Михайловна стала собирать средства для стачечного фонда, участвовать в организации благотворительных вечеров, сборы от которых передавались политическому «Красному кресту». Ее поражала высокая сознательность и мужество рабочих, вступавших в неравную борьбу с капиталистами.

В 1898 году Александра Михайловна написала свою первую статью: «Основы воспитания по взглядам Добро-

любова». Она была напечатана в легальном марксистском органе «Образование».

Александра Михайловна прекрасно сознает недостаточность своих экономических и философских знаний и, стремясь пополнить их, едет в Цюрих (Швейцария). Чем глубже она вникает в сущность и сложность социальных проблем, тем решительнее становится на позиции революционного марксизма.

Это был период, когда в германской партии с легкой руки Бернштейна появилась тенденция к ревизионизму. «Но я решительно стала на сторону «левых»»,— писала А. М. Коллонтай.

В Англии, куда Коллонтай отправилась в 1899 году для изучения рабочего движения, она еще в большей степени убедилась в несостоятельности реформизма, направленного на укрепление капиталистической системы.

Александра Михайловна вернулась в Россию осенью 1899 года, в разгар острой борьбы революционных марксистов во главе с Ильиным (Лениным) против представителей бернштейнианского ревизионизма, возглавляемых Струве и Туган-Барановским.

Вскоре Александра Михайловна получила боевое крещение в схватке с одним из этих представителей ревизионизма. Об этом она вспоминает в своей автобиографии.

Это было на вечере, устроенном в пользу политического «Красного креста», в квартире родителей Е. Д. Стасовой. Здесь собралась «избранная публика» на «чашку чая» по приглашению Поликсены Степановны и Дмитрия Васильевича Стасовых. Струве прочитал доклад, в котором излагал взгляды немецкого ревизиониста Бернштейна, доказывавшего, что капиталистическое общество с помощью социальных реформ автоматически превратится в социалистическое.

Улучив минуту, Коллонтай выступила против этой точки зрения с горячей и смелой защитой марксизма. Большинство собравшихся встретило это выступление недружелюбно.

В период ожесточенной борьбы против ревизионизма Александра Михайловна пишет в духе революционного марксизма статью о роли классовой борьбы, организует в угнетенной самодержавием Финляндии первый ста-

чечный фонд, пишет статьи о Финляндии, которые печатаются в немецкой экономической прессе и русских журналах «Научное Обозрение», «Образование» и «Русское богатство». Она изучает экономические проблемы и собирает материал для задуманного большого исследования об экономическом положении финнов, которое в 1903 году было издано под названием «Жизнь финляндских рабочих». Наряду с научно-исследовательской работой Александра Михайловна руководит рабочими кружками за Невской заставой в Петербурге, составляет революционные воззвания, хранит и распространяет подпольную литературу.

В эти годы (1901—1903) А. М. Коллонтай неоднократно ездит за границу. Там она выступает в социалистической печати, ведет агитационную работу среди рабочих, участвует в работе социал-демократических кружков, где после II съезда РСДРП разгорались острые споры между сторонниками двух течений, сложившихся в Российском социал-демократическом движении,— меньшевиков и большевиков.

По возвращении из-за границы на родину А. М. Коллонтай не примкнула ни к одному из течений партии. Накануне революции 1905 года она участвует по преимуществу в нелегальной большевистской прессе, пишет прокламации, выступает как пламенный агитатор и пропагандист.

А. М. Коллонтай была одной из замечательных социалисток России, положивших начало организации трудящихся женщин. Еще на заре своей сознательной жизни она задумывалась над рабским положением русской женщины, страдавшей от политического бесправия и жестокой эксплуатации.

Александра Михайловна восхищалась мужеством русской женщины. С большой взволнованностью читала она в кругу своих сверстниц проникновенные строки Некрасовской поэмы «Русские женщины»:

Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!
Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами...

Вступив на путь активной революционной борьбы, А. М. Коллонтай все больше задумывается над судьбами женщин, все больше понимает необходимость связать борьбу за раскрепощение женщины с освободительной борьбой рабочего класса.

«Женщины, их судьба,— писала Александра Михайловна,— занимала меня всю жизнь, и их участь толкнула меня к социализму». Заветной мечтой ее стало перевернуть все устои и дать женщинам все права.

Буржуазия стремилась использовать движение за раскрепощение женщин в своих интересах. Ее намерениям отвечало возникшее в начале 90-х годов в кругах буржуазной интеллигенции Запада движение суфражисток, феминисток, или, как их называли в России, «равноправок».

Организаторы этого движения вовсе не ставили целью уничтожение классового общества, породившего неравенство между мужчиной и женщиной. Требования «равноправок» сводились к некоторым реформам, например: снятие барьеров, мешавших культурному развитию женщин; вовлечение их в общественную жизнь; предоставление им избирательных прав.

В России движением «равноправок» руководили почтенные дамы из «высшего» общества. Созданный ими в 1905 году «союз равноправия женщин» по существу выражал требования либеральной буржуазии, добивавшейся ограничения власти самодержавия и расширения своих политических прав.

«Равноправки» заигрывали с работницами, пытались подчинить их своему влиянию, втянуть в свои организации. Для этого они создали клуб, организовали в нем кружки кройки и шитья, устраивали вечеринки с бесплатным чаем, лекции и т. п.

А. М. Коллонтай к тому времени была молодым, но уже теоретически зрелым человеком, активной революционеркой. Ею был написан ряд статей по женскому вопросу, а также брошюра «Классовая борьба», вышедшая в 1906 году. Она работала над книгой «Социальные основы женского вопроса», вышедшей в 1908 году. В эмиграции Коллонтай общалась с такими видными деятелями социализма, как Г. В. Плеханов,

Роза Люксембург, Клара Цеткин, Поль и Лаура Лафарги. Здесь окрепли ее представления о проблемах социального освобождения женщин.

Живя за границей, выступая на многочисленных рабочих и студенческих собраниях, А. М. Коллонтай резко критикует реакционные взгляды буржуазных философов на вопросы освобождения женщин, разоблачает фарисейские теории буржуазного женского движения. По возвращении в Россию она в противовес буржуазному «союзу равноправия женщин» выступает инициатором создания женской организации, которая отвечала бы интересам работниц. Такая организация и была создана под названием «Общество взаимопомощи работницам».

В этом обществе проводилась широкая просветительная работа. Здесь была организована вечерняя школа, в которой преподавала социал-демократическая студенческая молодежь. Работницы обучались русскому языку, арифметике, географии. Общество устраивало концерты, любительские спектакли и другие культурные развлечения. Но наряду с этими открытыми формами работы, не вызывавшими у полиции препятствий, велась нелегальная политическая работа, которой руководил Петербургский комитет РСДРП.

Активистки «Общества взаимопомощи работницам» собирали средства, часть которых передавали в партийную кассу. Они устраивали кружечные сборы, платные лекции и спектакли. Душой этой многообразной деятельности общества была Александра Михайловна Коллонтай.

В 1908 году царская юстиция затевает против А. М. Коллонтай два процесса. Ее обвиняют в противоправительственной организации женщин-текстильщиц и в призыве к вооруженному восстанию в брошюре «Финляндия и социализм». Коллонтай бежит за границу и находится там до Февральской революции 1917 года.

Годы эмиграции, проведенные в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии, Италии, Швеции, Дании, Норвегии, наконец в Соединенных Штатах Америки, Александра Михайловна посвящает литературной и агитационно-пропагандистской деятельности,

В 1914—1916 годах Коллонтай всю силу своего таланта пропагандиста, трибуна и публициста направляет на борьбу против империалистической войны.

В 1914 году А. М. Коллонтай за антимилитаристскую агитацию в Германии попала в тюрьму, откуда ей удалось вырваться с помощью Карла Либкнехта. Из Германии ее выслали, и она уехала в Швецию. Здесь Александра Михайловна сразу же связалась с левыми социалистами, выступавшими против империалистской бойни.

За антимилитаристские статьи и выступления шведское правительство арестовало Коллонтай, а затем выслало ее из Швеции. После высылки из Швеции А. М. Коллонтай едет в США и Канаду. Здесь она объезжает ряд городов и, как позже сама рассказывает, «проводит на огромных собраниях американских рабочих и в маленьких группах русских политических эмигрантов установку Владимира Ильича и большевиков в отношении империалистической войны».

Коллонтай, по ее собственному выражению, в 1915—1916 годах была «одержима» идеями Ленина, «без отдыха колесила по США и провела в течение 5 месяцев 82 митинга, часто с аудиторией в 10 тысяч человек».

В далекой Канаде Александра Михайловна также совершила агитационное турне. Она выступала в массовых аудиториях Торонто, Монреаля и других городов и находила горячее сочувствие слушателей.

6 лет спустя, когда решался вопрос о переходе Коллонтай на дипломатическую работу, то первым местом ее деятельности в качестве посла Советского Союза намечалась Канада; именно здесь должна была начаться работа первого советского дипломата-женщины. Однако Канадскому правительству не улыбалась перспектива возвращения в страну блестящего большевистского агитатора, пользовавшегося среди канадцев большой популярностью. Правительство Канады выразило недовольство кандидатурой Коллонтай, и Советскому правительству пришлось в обстановке того времени посчитаться с этим.

Ведя во время войны огромную антимилитаристскую работу, Коллонтай не оставляет той области своей деятельности, которой всю жизнь уделяла особое внимание,— работу среди женщин.

В 1915 году с помощью норвежских партийных товарищей ей удается организовать в Норвегии в день 8 марта массовую демонстрацию женщин против империалистической войны.

В марте того же года она собиралась поехать па Международную конференцию социалисток в Берне, но правительства воевавших с Германией стран не пропустили ее в Швейцарию. Тогда она отправила на конференцию письмо к делегаткам, в котором излагала и защищала ленинскую линию в вопросе об отношении к империалистической войне и о задачах социалистов.

Под сильным влиянием Владимира Ильича Ленина Александра Михайловна Коллонтай в годы войны твердо стала на большевистские позиции, окончательно порвав с меньшевизмом, который она поддерживала после 1906 года, разойдясь тогда с большевиками по вопросу об отношении к Государственной думе и профсоюзам.

С первых же дней войны А. М. Коллонтай осудила социал-шовинистическую линию руководителей зарубежных социалистических партий и русских меньшевиков и безоговорочно встала на ленинские позиции.

В 1916 году она пишет брошюру «Кому нужна война?», которая получила хорошую оценку Владимира Ильича. Коллонтай согласилась со всеми его поправками. Брошюра была издана огромным тиражом и появилась во многих странах.

С присущей ей революционной страстностью, организаторским талантом, Александра Михайловна с начала 1915 года выполняет ряд важнейших поручений большевистской партии и личных директив Ленина, направленных на собирание, сплочение левых революционных элементов.

По поручению Владимира Ильича она принимает активное участие в организации левых социал-демократических групп скандинавских стран — Норвегии, Швеции, Дании.

Как деятельный участник интернационального революционного движения, она являлась членом Международного Бюро социалисток.

О том, как важна была для партии деятельность Александры Михайловны Коллонтай в годы войны, свиде-

тельствуют сохранившиеся письма В. И. Ленина, адресованные ей в разные страны.

Вот одно из них, направленное в Америку. В этом письме В. И. Ленин писал:

«Мы издаем здесь на-днях... маленькую брошюрку от имени *Циммервальдской левой*... Надеемся на Вас, что Вы издадите это в Америке *и по-английски*... и, если можно, на других языках. Это должно быть первое выступление *ядра левых* социал-демократов *всех* стран, имеющих ясный, точный, полный *ответ* на вопрос, что делать и куда идти» [1].

Весть о Февральской революции 1917 года политическая эмиграция и в том числе А. М. Коллонтай встретили восторженно.

Александра Михайловна устремилась в Россию. Питерские товарищи добились внесения ее в список эмигрантов, которым Временное правительство разрешало приезд в Петроград. В разгар революционных событий она вернулась на родину и вскоре была введена в состав исполкома Петроградского совета от большевистской военной организации. А. М. Коллонтай было поручено вести агитационную работу среди солдат Петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота. Появление ее на митингах солдаты и матросы встречали бурными овациями. Это вызвало злобу и ненависть врагов против Коллонтай.

В июне 1917 года А. М. Коллонтай вместе с В. В. Воровским и др. была направлена на совещание левой Циммервальдской группы в Стокгольм. Но совещание сорвалось из-за того, что на него не явились многие представители. Фактически оно носило информационный характер.

Когда Коллонтай находилась еще в Стокгольме, произошли июльские события. Она немедленно вернулась в Петроград и включилась в партийную работу.

В Петрограде уже поднялась волна жестокого террора. Ряд партийных деятелей был брошен Временным правительством в тюрьму. Агенты Керенского упорно разыскивали Ленина, и он вынужден был уйти в глубокое подполье.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 35, стр. 164—165.

В день отъезда Коллонтай из Стокгольма в газете шведских левых социалистов появилась статья под названием: «Русские и шведы провожают Коллонтай в тюрьму Керенского». Это «пророчество» оправдалось. На границе Коллонтай была встречена князем Белосельским-Белозерским, которому правительство Керенского поручило арестовать Коллонтай.

Произошел следующий краткий диалог:

Коллонтай: «По чьему распоряжению? Я — член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Или — в России переворот, опять монархия?»

Князь Белосельский: «Что Вы? Ваш арест предписан по распоряжению Временного правительства».

В тот же день Коллонтай была водворена в женскую каторжную тюрьму, с лишением права на чтение газет, прогулки и свидания.

Несмотря на строжайший режим, морякам-балтийцам удалось организовать передачу для Александры Михайловны. При врученном пакете была записка:

«Моряки Балтийского флота приветствуют товарища Коллонтай».

Лишь благодаря большим усилиям Горького, Красина, Стасовой и других товарищей Александру Михайловну удалось освободить под значительный денежный залог. Керенский, узнав о том, что «большевичка Коллонтай» выпущена из тюрьмы, рассвирепел и предписал до особого распоряжения строгий домашний арест под усиленным надзором.

Состоявшийся в июле — августе 1917 года VI съезд партии заочно избрал Коллонтай, находившуюся еще под домашним арестом, в состав Центрального Комитета, а 12 сентября, в день открытия «Демократического совещания», созванного меньшевистско-эсеровским ВЦИК, специальным постановлением Петроградского Совета Коллонтай была освобождена из-под ареста.

Александра Михайловна сразу же окунулась в водоворот революционных событий. Она выполняла ряд важнейших поручений Центрального Комитета партии и являлась активным участником подготовки вооруженного

восстания, обеспечившего историческую победу пролетарской революции в России.

Сразу же после Октябрьского переворота Коллонтай была назначена народным комиссаром социального обеспечения РСФСР (тогда — Государственного призрения). А. М. Коллонтай была первой женщиной, вошедшей в состав революционного правительства Советской страны.

Одним из самых тяжелых последствий империалистической войны была принявшая большие размеры детская безнадзорность и беспризорность. Партия поставила перед Народным комиссариатом государственного призрения задачу всемерной заботы о беспризорных детях. В этом важном государственном мероприятии Коллонтай встретила горячую поддержку Владимира Ильича, принимавшего живейшее участие в заботе молодого советского правительства о детях. Пользуясь этой поддержкой, Коллонтай добилась издания ряда декретов, направленных к коренному улучшению положения детей и одиноких женщин-матерей. Правительственные декреты и ряд других мер, принятых по инициативе или при активном содействии Наркомата государственного призрения, как, например, организация детских коммун, трудовых мастерских, в большой степени способствовали уменьшению, а позже — и полной ликвидации детской беспризорности.

Одним из больших завоеваний революции, достижению которого Коллонтай посвятила много сил, была организация охраны материнства и младенчества. Начало этому делу было положено в первые дни Советской власти.

Еще задолго до Октябрьской революции Коллонтай глубоко изучала проблему охраны материнства, разработала систему социальных преобразований и мероприятий, которые следует осуществить в этой области немедленно после свержения капиталистического строя.

Результаты ее исследования изложены в ряде статей, опубликованных в зарубежной печати и в книге «Общество и материнство». Выдвинутые ею идеи сводились к необходимости создания для женщин таких условий, которые обеспечили бы воспитание физически крепкого поколения людей нового, социалистического общества и позволили бы женщине заниматься общественно полезным трудом. Эта идея легла в основу многих ме-

роприятий, осуществленных после Октябрьской революции.

Не легко было осуществить большую программу охраны матери и ребенка в обстановке гражданской войны, голода и разрухи. К тому же враги Советского народа, пособники буржуазии, пытались помешать Советскому государству в проведении социальных мероприятий. Они саботировали организацию детских учреждений, противодействовали занятию буржуазных особняков, разворовывали продукты, белье, предназначенное для детских домов, яслей, приютов.

Об одном характерном случае вспоминает в своих записках А. М. Коллонтай.

Для создания «Дома матери и ребенка» Наркомату социального обеспечения был предоставлен дворец, прежде принадлежавший некоей графине. Но едва заняли здание, как в нем возник пожар, причем пламя вспыхнуло сразу в нескольких местах.

Когда Коллонтай с отрядом матросов прибыла на место, весь дворец был объят пламенем. Няни едва могли спасти детей. Они тесным кольцом окружили наркома, и многие из них истерически кричали:

«Вот она, Коллонтай... Это по ее приказанию убрали иконы... Она — антихрист... Она хотела сжечь нас с малыми детьми, заживо, погубить христианских детей».

Вскоре поджигатели были найдены. Свое гнусное преступление они совершили по заданию бывшей владелицы дворца...

Но, несмотря на трудности, работа по организации социально-бытовых учреждений проходила успешно. Достаточно сказать, что уже к 1920 году в условиях исключительной хозяйственной разрухи в стране было открыто более 600 детских яслей, сотни домов матери и ребенка, консультаций, молочных кухонь.

Выполняя огромную работу народного комиссара социального обеспечения, А. М. Коллонтай не прекращает партийно-политической работы среди женщин.

В период гражданской войны она по поручению партии ведет политико-воспитательную работу среди работниц текстильных фабрик Иванова и подмосковных районов.

В ноябре 1918 года был созван Всероссийский съезд работниц и крестьянок.

Вот что рассказывает газетный очерк об открытии этого съезда:

«Красиво убранный зал Дома союзов. В этом зале собралась тысячная рать женщин-работниц со всей Советской России. Ораторов — тт. Инесу Арманд, Александру Михайловну Коллонтай, представительницу финских коммунисток и др. встречают и провожают горячо.

Особенным энтузиазмом сопровождается выступление т. Коллонтай. Буря аплодисментов переходит в продолжительную овацию. Весь зал встает. Руководительнице женского съезда подают цветы — букет хризантем, перевязанный красной лентой».

Съезд по докладу А. М. Коллонтай о задачах и методах работы партии среди работниц и крестьянок принял специальное решение. При Центральном, губернских и уездных комитетах партии были образованы вначале комиссии, а затем — отделы по работе среди женщин.

После смерти Инесы Арманд, первой руководительницы Отдела по работе среди женщин при ЦК партии, на этот пост была выдвинута А. М. Коллонтай.

При ее активном участии был разработан ряд декретов по улучшению положения женщины.

Особое значение имели такие декреты, как, например, о всех видах социального страхования вне зависимости от пола; установление пособия по беременности; о предоставлении женщинам работы, соответствующей их физическому состоянию; декрет о гражданском браке, определяющий полное гражданское и моральное равенство супругов; о ликвидации неравенства внебрачных детей с «законнорожденными». Все эти мероприятия Советского государства были направлены на то, чтобы уничтожить неравенство и рабскую зависимость женщины, создать для женщин такие условия, при которых они на деле могли бы активно участвовать в общественной жизни, постепенно приобщаться к управлению государством.

Этой же задаче служили и огромные усилия по ликвидации неграмотности среди женщин, создание разветвленной сети всевозможных курсов и школ для работниц и крестьянок.

Достаточно сказать, что в РСФСР из 17 миллионов человек, подлежавших в 1919 году обучению в школах ликвидации безграмотности, 14 миллионов составляли женщины.

Отдел по работе среди работниц и крестьянок при ЦК партии внес огромный вклад в дело подлинного раскрепощения женщин. А. М. Коллонтай постоянно активно участвовала в печатных органах для женщин. Наряду с Н. К. Крупской и другими видными деятелями она входила в состав редколлегии журнала «Коммунистка», ставшего руководящим органом политического просвещения трудящихся женщин. Одновременно Александра Михайловна принимала участие в журналах «Работница», «Крестьянка» и др.

В 1920 году А. М. Коллонтай накануне X съезда партии принадлежала к «рабочей оппозиции», являвшейся по существу антипартийной, анархо-синдикалистской группой. Но вскоре под влиянием В. И. Ленина, вскрывшего антипартийную сущность платформы «рабочей оппозиции», пересмотрела свою ошибочную позицию, подчинилась решениям X съезда и активно участвовала в их осуществлении.

В июне 1921 года в Москве состоялась Международная конференция коммунисток. Принципы работы нашей партии среди женщин были использованы Коммунистическим Интернационалом как руководство для других стран. После конференции А. М. Коллонтай была избрана заместителем Клары Цеткин в Международном женском секретариате Коммунистического Интернационала.

Выросшая общественно-политическая активность советских женщин оказывала огромное революционизирующее влияние на международное женское движение. Отмечая это, Клара Цеткин в 1920 году писала:

«Я была полна энтузиазма от всего совершенного русскими женщинами во время революции, от всего того, что они и сейчас делают для ее защиты и дальнейшего развития».

За 40 лет Советской власти женщины Страны советов сделали гигантский шаг вперед. В длительном и трудном процессе их коммунистического воспитания немалая заслуга принадлежит Александре Михайловне Коллонтай.

В 1933 году А. М. Коллонтай за успешную работу среди женщин была награждена орденом Ленина.

В октябре 1922 года по решению Центрального Комитета партии Коллонтай была выдвинута на дипломатическую работу. Правительство назначило ее послом в Норвегию. Она была первая женщина-дипломат.

Назначение женщины на высокий дипломатический пост по-разному было воспринято за рубежом, не все и у нас были уверены в правильности такого акта.

Между тем, работа Коллонтай на дипломатическом поприще принесла делу укрепления международных отношений СССР большую пользу.

Коллонтай начала свою дипломатическую деятельность тогда, когда Советская страна, победоносно окончив гражданскую войну, переходила на рельсы мирного строительства и восстановления народного хозяйства.

Но в империалистических кругах еще теплилась надежда на уничтожение Советской власти. С этой целью они сколачивали контрреволюционные блоки, организовывали различные провокации.

Требовалось большое дипломатическое искусство, выдержка, гибкость, чтобы в такой обстановке поддерживать нормальные отношения со странами капиталистического мира.

Будучи хорошо знакомой с жизнью стран Запада, владея в совершенстве многими иностранными языками, в том числе финским, шведским, норвежским, Коллонтай уже в течение первых лет своей работы добилась важных успехов в налаживании дипломатических и торговых отношений СССР со скандинавскими соседями — Норвегией, Швецией.

В Норвегии, где она сочетала функции полпреда и торгпреда, Коллонтай до 1926 года обеспечила заключение ряда конвенций и торговых соглашений, выгодных для обеих стран.

В 1926 году Коллонтай была переведена на дипломатическую работу в Мексику.

В этой стране Александру Михайловну ждали большие трудности из-за отрицательного отношения правительственных кругов Мексики к тому, что посланником к ним назначена женщина.

Однако первые же шаги Коллонтай на дипломатическом поприще в этой стране обеспечили ей прочный авторитет.

Ей удалось укрепить симпатии прогрессивных элементов страны к Советскому государству.

Но Коллонтай в Мексике проработала недолго. Из-за климатических условий, которые оказались вредными для ее здоровья, ей пришлось уехать. Ее снова назначили полпредом в Норвегию. На этот раз государственные деятели Норвегии встретили ее весьма дружелюбно. Они отдавали дань государственному уму и дипломатическим способностям Коллонтай.

С 1930 г. А. М. Коллонтай — полномочный представитель Советского Союза в Швеции.

Свой уже многолетний опыт она направляет на укрепление нормальных отношений СССР с Швецией.

В годы Отечественной войны, когда германский фашизм пытался нарушить нейтралитет Швеции и спровоцировать ее на вражеские действия против Советского Союза, мудрая внешняя политика Советского правительства сорвала планы фашистов. Умелым проводником советской внешней политики в этой стране была Александра Михайловна Коллонтай.

О том, как велик был авторитет А. М. Коллонтай в странах, где она выполняла обязанности советского дипломата, говорят многие факты.

Так, например, правительство Мексики в знак глубокого уважения и высокой оценки дипломатической деятельности Коллонтай наградило ее орденом Мексики — «Агуэлла ацтека».

Когда Коллонтай вследствие болезни в 1946 году была вынуждена оставить свою дипломатическую деятельность, норвежский посол в Москве от имени своего правительства преподнес ей высшую награду его страны — «Орден святого Олафа».

Шведское правительство также хотело выразить свою признательность А. М. Коллонтай, но не могло это сделать в той же форме, как Мексика или Норвегия. По обычаям этой страны женщин орденами не награждают. Однако, желая подчеркнуть свое уважение к А. М. Коллонтай, король Швеции Густав V прислал ей свою лич-

ную фотографию в драгоценной оправе с золотым гербом Швеции и своей личной подписью.

О большом уважении к Александре Михайловне Коллонтай в скандинавских странах говорит и тот факт, что не только рабочая, но и официальная печать этих стран выражала глубокое соболезнование по поводу ее смерти.

Коллонтай была верным проводником миролюбивой внешней политики Советского Союза, большую активность она проявила в этом направлении, состоя членом советской делегации в Лиге наций в Женеве в 1934—1938 годах. Ее талантливые выступления на заседаниях Лиги наций, проникнутые стремлением к миру, направленные против милитаристских тенденций империалистических держав, встречали горячий отклик среди мировой общественности.

О большой роли Коллонтай в борьбе за мир говорит и то, что в 1946 году общественность, ряд государственных деятелей и руководство рабочих партий скандинавских стран выдвинули Коллонтай кандидатом на Нобелевскую премию мира.

Таков путь пламенной революционерки Александры Михайловны Коллонтай.

«Разве можно быть счастливой, разве можно радоваться жизни, а в этом смысл жизни! — если кругом столько мук, несправедливостей, угнетения?..— Вот почему я пошла в революцию и стала коммунисткой».

Эта запись А. М. Коллонтай, сделанная в 1951 году, как нельзя лучше выражает то, что действительно было смыслом ее жизни.

Качества незаурядной, богато одаренной личности сочетались в Александре Михайловне со скромностью и простотой в повседневном общении с людьми, с большой отзывчивостью к окружающим. Она любила простых людей, жила ради их счастья, им она целиком посвятила себя. И память о ней навсегда сохранится в сердцах благодарного народа.

ПРАСКОВЬЯ ФРАНЦЕВНА КУДЕЛЛИ

М. ЭССЕН[1]

ПРАСКОВЬЯ ФРАНЦЕВНА КУДЕЛЛИ

Когда в ноябре 1934 года Ленинградская партийная организация чествовала Куделли в связи с ее семидесятипятилетием, Прасковья Францевна в ответной речи сказала:

«Я и не заметила, как пролетели эти 75 лет. Почему же я не заметила, как идет время? А потому, что, как только началась сознательная жизнь, я была занята не вопросами личными, а вопросами общественными, революционными. И я нахожу, что такая жизнь была счастьем для меня как человека». И действительно, весь жизненный путь т. Куделли — это жизнь профессионального революционера, беззаветно служившего интересам своей родины, своего народа.

Казалось бы, условия детства и юности Прасковьи Францевны меньше всего готовили ее к тому жизненному пути, который она для себя впоследствии избрала: дочь врача, воспитывавшаяся в семье отчима, дворянина-полковника, а затем в Керченском институте для благородных девиц, что могла знать она о великом горе и нужде народа? Но любимым писателем молодой Куделли был Некрасов, писавший:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

[1] Литературная запись произведена А. Разумовой незадолго до смерти М. Эссен

«Некрасов,— пишет Прасковья Францевна Куделли в своей автобиографии,— возбуждал у меня любовь и тягу к народу и ко всем униженным. Он был моей первой юношеской политграмотой».

Не сразу П. Ф. Куделли стала на правильный путь борьбы за лучшее будущее. Приехав в 1878 году девятнадцатилетней девушкой в Петербург и поступив на Высшие женские курсы, Прасковья Францевна включается, как говорила она сама, «в интересную захватывающую жизнь». Это не театры, не балы, а студенческие кружки, где зачитывались Чернышевским, журналом «Отечественные записки», произведениями прогрессивных иностранных писателей.

На эти кружки оказывали свое влияние народовольцы. В руки студентов попадают журналы «Народная воля» и «Вестник Народной воли», а также народовольческие прокламации. «Так создалось у меня,— вспоминает Прасковья Францевна об этом периоде,— недовольство существующим строем, с туманным представлением о грядущей революции и социализме».

Только в 1893—1895 годах она знакомится с марксистским учением, с захватывающим интересом слушает дискуссии марксистов с народниками, все более склоняясь на сторону марксистов, зачитывается ходившей тогда по рукам нелегальной брошюрой «Что такое «друзья народа»» неизвестного еще ей автора. К этим годам относится и ее активное выступление на литературном поприще. П. Ф. Куделли переводит на русский язык «Ткачи» Гауптмана, изданные в подпольной типографии народовольцев в 1895 году, сотрудничает в журналах «Жизнь», «Мир божий», в детских журналах, пишет главным образом рассказы.

В 1896 году происходит первое «знакомство» Прасковьи Францевны с полицией. Она привлекается к допросу в связи с провалом народовольческой типографии по «Лахтинскому делу». Но встреча с представителями царской власти на этот раз ограничилась лишь допросом.

В 1897 году юная народоволка М. Ф. Ветрова, заключенная в Петропавловской крепости, не выдержав гнусного произвола тюремной администрации, покончила жизнь самоубийством. Куделли написала по этому поводу

брошюру, которая вышла под названием: «Памяти М. Ф. Ветровой». Это произведение, полное справедливого гнева и революционной страсти, нашло глубокий отклик среди студенчества, решительно протестовавшего против очередного зверства царского самодержавия.

В этот период Прасковья Францевна уже начинает понимать, что не студенчество, не народовольческая интеллигенция является той основной силой, которой суждено возглавить борьбу за свержение царского самодержавия; в ее взглядах происходит серьезная ломка. «В результате начавшейся переоценки ценностей меня со всей силой потянуло заниматься с рабочими»,— вспоминает она об этом периоде.

Прасковья Францевна становится преподавателем в вечерне-воскресной школе за Невской заставой. В это дело она вкладывает энтузиазм, энергию и незаурядные педагогические способности. На ее занятиях в качестве слушателей не раз бывали такие прославившиеся впоследствии рабочие революционеры, как Бабушкин и Шелгунов.

Здесь в школе произошли первые встречи Прасковьи Францевны с Надеждой Константиновной Крупской и с Лидией Михайловной Книпович, работавшими там же. Однажды Надежда Константиновна Крупская предупредила Куделли о том, что ее занятия хочет посетить один товарищ, который намерен у нее «поучиться». Фамилию товарища Надежда Константиновна не назвала. И действительно, на занятия пришел какой-то человек среднего роста с лысиной. Он побыл минут двадцать. Позже Прасковья Францевна спросила Крупскую, какое мнение о ее занятиях вынес товарищ и кто он такой. Надежда Константиновна сказала ей, что это был Владимир Ильич Ульянов, а о занятиях ее он отозвался так: «начала правильно, экономика была, и классы были, а затем, как ударилась в эпизоды революции, то забыла о марксистском анализе событий». Эту оценку занятий, данную Владимиром Ильичем, П. Ф. Куделли запомнила на всю жизнь.

В 1901 году в связи с участием Прасковьи Францевны в студенческих демонстрациях, вызванных временными правилами об отдаче революционных студентов в солдаты, происходит первый арест Куделли. После месячного

заключения в предварительной тюрьме ее высылают из Петербурга в Псков. Прасковье Францевне повезло. Псков в тот период играл немалую роль в деятельности русских социал-демократов. Здесь находилась опорная группа «Искры» — Лепешинский, Стопани, Красиков и др., которая распространяла «Искру» и ее издания и собирала материал для газеты. Сюда из-за границы привозили литературу, и эта группа посылками отправляла ее в разные города России.

Тов. Куделли, установившая связь с опорной группой социал-демократов, впервые начинает посылать свои корреспонденции в центральный орган партии «Искру».

После того как срок высылки был отбыт, Прасковья Францевна получила разрешение на выезд за границу. Она побывала в Лондоне, Лозанне, Женеве, где посещала различного рода собрания, занятия марксистских кружков, лекции, доклады.

Через четыре месяца Прасковья Францевна вернулась в Петербург, значительно укрепившись в своем марксистском мировоззрении. Она горела желанием заняться пропагандой марксизма в рабочей массе.

И вот тогда, в 1902 году, я впервые встретилась с ней. Мы занимались организацией пропагандистской группы. В эту группу вошли братья Эссен (Бур и Барон), Куделли, Соколов, Никитин, Кузнецов, Плюснин, Бенуа, Шишкин и еще ряд товарищей, ставших потом профессиональными революционерами. Работали все с огромным увлечением и энтузиазмом. Здесь только, в этом кружке пропагандистов, как говорит Прасковья Францевна, она поняла, что требует от пропагандистов В. И. Ленин, начала овладевать методом марксистского анализа событий, что помогло ей впоследствии сделаться прекрасным пропагандистом.

Она берет на себя руководство марксистским кружком рабочих Монетного двора, и с этого времени начинается неутомимая, полная энтузиазма деятельность Прасковьи Францевны в области партийной пропаганды, длившаяся до конца ее жизни. Случайный арест (в связи с провалом психически больного товарища А. Доливо-Добровольского) прерывает ее пропагандистскую работу в Петербурге. После пятимесячного пребывания в «предварилке» Пра-

сковью Францевну высылают в Тверь. Здесь, связавшись с местным комитетом социал-демократов, она активно включается в партийную работу и вскоре становится членом Тверского комитета, который занимал твердые большевистские позиции. После II съезда РСДРП весь комитет единодушно присоединился к резолюциям съезда и осудил дезорганизаторскую деятельность меньшевиков. Прасковья Францевна пишет листовки и ведет свою любимую пропагандистскую работу. Глубокая, вдумчивая подготовка к занятиям, революционный пафос ее лекций, простое доходчивое изложение самых сложных вопросов делают Куделли желанным пропагандистом в рабочих кружках. Однажды, когда вместо нее занятия кружка по какой-то причине пришел проводить другой товарищ, члены кружка попросили его передать комитету, что желают заниматься с той «тетенькой», которая ведет занятие без шпаргалок. Эта кличка «тетенька» сохранилась за т. Куделли во всей ее последующей нелегальной работе.

1903 год — знаменательная веха в жизни Прасковьи Францевны Куделли: это год ее вступления в большевистскую партию. К этому времени она была уже вполне зрелым человеком с большим опытом революционной работы, с твердыми убеждениями, с ясным пониманием цели и путей ее достижения. В Твери Прасковья Францевна проработала до сентября 1904 года, когда произошел очередной ее арест, и после четырехмесячного пребывания в тюрьме следует запрещение проживать в Петербурге, Твери и во многих других городах. Перед Прасковьей Францевной встает вопрос, куда направиться для продолжения партийной работы, и она останавливается на крупном промышленном металлургическом центре тогдашней России — Туле. Она быстро устанавливает связи с Тульским комитетом и включается в работу. Вскоре ее вводят в состав Тульского комитета РСДРП. Перед Тульской партийной организацией в то время стояла задача — подготовить рабочих к открытому выступлению. Пропагандистская работа занимает большое место, и Прасковья Францевна берется за эту работу.

Она пишет листовки, руководит кружком по подготовке рабочих агитаторов и пропагандистов. Куделли

держит связь с заграничным центром нашей партии, ведет систематическую переписку с ним под псевдонимом «Олд френд» («Старый друг»).

Весь 1905 год Прасковья Францевна работает в Туле. Она завоевывает такой авторитет в тульской организации, что ее посылают делегатом на Таммерфорсскую конференцию.

Как известно, Таммерфорсская конференция происходила в момент декабрьского вооруженного восстания в Москве, и участники ее поспешили вернуться на места для руководства вооруженной борьбой рабочих. Но Прасковья Францевна вернуться в Тулу не могла. Тульские товарищи сообщили, что у нее на квартире был произведен обыск и если она вернется, будет арестована. Прасковья Францевна остается в Петербурге. Она работает за Невской заставой пропагандистом и организатором фабричного подрайона, затем ее направляют организатором на Петербургскую сторону. Здесь П. Ф. Куделли вводят в состав районного комитета и вскоре избирают членом Петербургского комитета большевиков. По заданию Петербургского комитета в 1906 году Прасковья Францевна руководит кампанией выборов в Государственную думу на Петербургской стороне.

Отгремели бои первой русской революции, наступила полоса мрачной реакции. Начинается бегство из рядов партии тех попутчиков, которые примкнули к революции в дни ее победоносного шествия. Но твердо стояла на большевистских, ленинских позициях в эти тяжелые для партии годы Прасковья Францевна Куделли. Она использует малейшую возможность для связи с рабочими массами, для пропаганды среди них идей большевизма. Одним из наиболее подходящих легальных учреждений того времени, дававших возможность вести революционную пропаганду, являлось «Сампсониевское общество просвещения», имевшее несколько общеобразовательных школ и курсов в различных районах Петербурга. Прасковья Францевна Куделли идет преподавательницей в Охтенскую школу этого общества. Она преподавала географию Европы, но строила свои занятия так, что знакомила рабочих с вопросами революционного движения в России и других странах, с вопросами политэкономии, беседовала

с ними по вопросам заработной платы и штрафов. Революционное содержание занятий, яркая, доходчивая форма изложения вскоре сделали Прасковью Францевну одной из любимых и самых авторитетных преподавательниц рабочей школы.

В 1910 году, когда большевики завоевали руководство правлением Сампсониевского общества, бывшего до этого под влиянием меньшевиков и эсеров, Прасковья Францевна Куделли была избрана в члены правления Общества.

Владимир Ильич Ленин придавал большое значение сочетанию легальных и нелегальных возможностей, использованию различных общественных организаций, созываемых ими собраний, как трибуны для пропаганды большевистских идей.

В 1908 году ЦК партии решил использовать в этих целях женский съезд, организованный в Петербурге представительницами буржуазных женских комитетов (Комитет по оказанию помощи курсисткам Высших женских курсов, Комитет по оказанию помощи бывшим курсисткам и Комитет по оказанию помощи слушательницам-медичкам), возглавлявшихся феминистками. В порядке дня съезда должен был стоять вопрос об едином фронте борьбы всех женщин за свои права.

Петербургский комитет поручил П. Ф. Куделли организовать рабочую группу для участия в этом съезде, подготовить ораторов из женщин-работниц и резолюции о правовом и экономическом положении женщин-работниц. Эта задача была выполнена ею блестяще. На предварительных собраниях работниц было избрано 50 делегаток, из их среды 4 докладчика. Буржуазной платформе объединения всех женщин делегатки-работницы противопоставили свою, классовую точку зрения. «Не объединяться с вами нам надо, а бороться, голодные и холодные пролетарки не будут плестись за рысаками буржуек»,— говорила в своем выступлении одна из работниц. Конечно, большевистская резолюция не была принята съездом, но впечатление от выступлений работниц было огромное. После съезда делегатки отчитывались перед работницами фабрик и заводов, приобщив, таким образом, широкие массы трудящихся женщин к большевистским позициям.

Подготовкой к участию работниц в первом женском съезде и активным участием в его работе Прасковья Францевна Куделли включается в работу среди женщин, которой посвящает потом многие годы своей жизни.

Деятельность Прасковьи Францевны в период реакции и в годы подъема не ограничивается пропагандистской работой и работой среди женщин. Она выполняет самые разнообразные поручения Петербургского комитета. Работать ей было очень трудно, так как она все время находится под неусыпным вниманием полиции. Особенно усилилась слежка за Куделли после ее участия в товарищеском суде над одним из проникших в партию провокаторов царской охранки. У нее проводят обыски, неоднократно арестовывают, но ей удается отделаться небольшим сроком заключения.

В 1912 году Прасковья Францевна Куделли становится постоянным сотрудником газеты «Правда».

В 1913 году она вместе с К. Самойловой и другими большевиками включается в подготовку к празднованию впервые в России Международного женского дня. На женском собрании в Петрограде Прасковья Францевна выступает с речью и резолюцией «о значении Международного женского дня и о задачах русских работниц». Полиция не прошла мимо этого выступления Куделли, и вслед за ним последовал ее очередной арест.

В 1914 году П. Ф. Куделли руководит женским кружком, ставившим своей целью подготовить женщин-активисток к проведению во второй раз Международного женского дня в России. К февралю 1914 года Прасковья Францевна подготовила несколько работниц-активисток к выступлению на «научном утреннике», посвященном «женскому вопросу». Однако полиция, разгадавшая истинный характер этого «научного» утренника, запретила его.

В начале 1914 года по инициативе Владимира Ильича Ленина в России решено было создать первый женский журнал «Работница». В организации его по поручению Петербургского комитета наряду с другими товарищами участвует Прасковья Францевна Куделли. С присущей ей энергией она участвует в подготовке первого номера этого

журнала, посвященного празднованию Международного женского дня в России. Сама подготовка первого номера «Работницы» явилась мощным толчком для организации и сплочения трудящихся женщин России. По всем легальным и нелегальным каналам редакция журнала обращается к трудящимся женщинам с просьбой о присылке материалов для журнала. Это обращение встретило горячий отклик. На фабриках и заводах проводятся собрания. Из Петербурга, Киева, Саратова и других городов в редакцию поступает множество писем, затрагивающих самые наболевшие вопросы работниц. Пишут о рабочем дне на фабриках, о неравной заработной плате, об издевательствах со стороны мастеров и о многом другом.

Несмотря на арест членов редколлегии, первый номер журнала «Работница» все же вышел. В нем было дано следующее обращение от редакции: «По независящим от нас причинам мы не имели возможности выпустить первый номер журнала «Работница» в таком виде, как было предположено».

После ареста накануне Женского дня Прасковья Францевна была на 3 года выслана в Новгородскую губернию и вернулась в Петроград лишь в дни Февральской революции 1917 года.

Здесь она одно время вместе с В. Д. Бонч-Бруевич работала в газете «Известия», но вместе с группой большевиков ушла оттуда в связи с обострившимися отношениями фракции большевиков с меньшевистско-эсеровским исполкомом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. После ухода из «Известий» Прасковья Францевна работает в секретариате большевистской «Правды» и возвращается в «Известия» уже после того, как они стали большевистскими.

Женские массы, активизировавшиеся в дни февраля, являлись огромной потенциальной силой, которую нужно было направить по правильному руслу. И Петроградский комитет большевиков возлагает эту задачу на группу товарищей, имеющих уже большой опыт в руководстве женским движением. Среди этих товарищей были Коллонтай, Куделли, Самойлова, Николаева и другие. Они выступали на митингах, писали листовки, работали в журнале «Работница». В одном из номеров этого журнала был напеча-

тан отчет о десятитысячном собрании рабочих и работниц на патронном заводе, где П. Ф. Куделли выступила с докладом «О наступлении», а К. Н. Самойлова — «О безработице». По обоим этим докладам были единодушно приняты большевистские резолюции. «Мы, рабочие и работницы, признаем наступление русской армии на фронте губительным для дела свободы и революции»,— говорилось в решении по докладу Куделли.

Митинги охватывают весь Петроград, все заводские районы, все теснее сплачивая вокруг большевистских лозунгов трудящихся женщин.

Большую организационную и агитационно-массовую работу проводит Куделли по подготовке женщин к участию в выборах в Учредительное собрание.

Петроградские работницы любили П. Ф. Куделли. На митинги, где она выступала, стекалось много женщин, ее засыпали вопросами, и она умело разъясняла их, подводя женщин к осмысливанию большевистских позиций.

Прасковья Францевна всегда уделяла большое внимание работе среди женщин. Она являлась бессменным сотрудником и членом редколлегии журналов «Работница» и «Работница и крестьянка», принимала активное участие в организации ежегодных празднований Международного женского дня, была делегатом международного женского совещания, созванного в Москве после V конгресса Коминтерна.

В 1930 году Прасковья Францевна Куделли за активное участие в организации женского рабочего движения в России была награждена орденом Ленина.

В 1922 году Петроградский комитет партии поручает П. Ф. Куделли организацию отдела Петроградского Истпарта. Прасковья Францевна, всегда строившая свою работу на привлечении широких масс, и теперь действует теми же методами. Создается актив для сбора материалов и документов по истории Петроградской организации; созываются совещания старых большевиков, рабочих, участников трех революций; создаются комиссии по сбору дореволюционных листовок, прокламаций, писем; организуются районные отделы Истпарта. Все это дало возможность собрать огромный материал о дореволюционной дея-

тельности Петроградской организации, о революционной истории крупнейших ленинградских заводов, таких, как Путиловский и Балтийский заводы, Красный треугольник и другие. Прасковья Францевна написала ряд брошюр, как например: «Борьба за женский день», «Петербургская организация накануне второго съезда», «Петербургская организация в 1904 г.» и другие.

В редактируемом Куделли журнале «Красная летопись» за ее подписью впервые публикуется ряд документов, связанных с жизнью и работой Владимира Ильича Ленина: статьи «Об аресте Ленина в 1900 г.»; «Разрешение Владимиру Ульянову держать экзамен экстерном при Петербургском Университете»; «Неопубликованная речь Ленина на Всероссийском крестьянском съезде 2(15) декабря 1917 г.» и т. д.

Прасковья Францевна собирает материалы не только по истории Петроградской организации, но и Тульской, Тверской, Псковской, в которых ей приходилось работать в период подполья. Так долгие годы Прасковья Францевна настойчиво, внимательно, добросовестно собирает страницы славной истории нашей партии.

Прасковья Францевна в течение многих лет была связана теплыми, дружескими отношениями с сестрами Владимира Ильича Ленина — Анной Ильиничной Елизаровой и Марией Ильиничной Ульяновой, а также с Надеждой Константиновной Крупской. Их долголетняя переписка посвящена не только обсуждению деловых вопросов (оценке статей, брошюр, политических событий), но и наполнена теплотой и заботами друг о друге, глубокими дружескими признаниями. В одном из писем в 1924 г. Анна Ильинична пишет Прасковье Францевне: «Сборник об Ильиче я просмотрела мельком. Ваши воспоминания мне очень понравились, так хорошо сквозь них выступает его облик».

«По поручению московских пионеров написала брошюру о детстве Ильича. Посылаю ее Вам на суд»,— пишет она в 1925 году.

«Вчера была я в Горках, и Маня дала мне прочесть Вашу статейку о брате Саше,— читаем мы в одном из писем Анны Ильиничны.— Мне было очень приятно прочесть ее, так глубоко и так сердечно у Вас вышло!»

Почти в каждом письме Анна Ильинична приглашает Прасковью Францевну приехать к ней в Москву провести вместе отпуск. Большой теплотой проникнуто письмо Анны Ильиничны, написанное Прасковье Францевне в 1925 году.

«Что это Вы только хвораете? Очевидно Вы чересчур налегаете на работу и чересчур отодвигаете отпуск? Вот возьмите отпуск пораньше. Пожить с Вами хотя бы часть его я бы очень хотела, а то ведь рассудите! — нам с Вами не так уж долго осталось жить, чтобы не постараться использовать хотя отдых, чтобы пожить вместе».

Такой же теплотой и дружбой пронизаны имеющиеся в архиве Прасковьи Францевны письма к ней от Марии Ильиничны Ульяновой. В этих письмах Мария Ильинична советуется с Прасковьей Францевной об издании сборника, посвященного Анне Ильиничне в связи с годовщиной со дня ее смерти, зовет Прасковью Францевну приехать погостить в Москву, подчеркивает свою неизменную дружбу.

«Если я приеду в Ленинград, то никогда не миную тебя, в этом ты можешь быть уверена, ибо у меня близких людей почти что не осталось, а тебя я очень и очень люблю»,— читаем мы в письме от 2 марта 1937 года.

Через все письма Анны Ильиничны и Марии Ильиничны к Куделли красной нитью проходит высокая оценка ее как стойкого принципиального большевика, как активного, преданного работника партии.

«Надеюсь, Вы не заразились ленинградскими идеями оппозиции? По-моему, Вы всегда от оппозиций разных далеко были, а от самой неосновательной еще дальше, наверное. Ведь есть некоторые люди, у которых самая натура оппозиционная. Вы не из их числа»,— пишет ей Анна Ильинична 26 февраля 1926 года.

А приветственное письмо от Анны Ильиничны ко дню 70-летия Прасковьи Францевны гласит:

«С днем рождения Вас, со знаменательной датой, с которой есть на что оглянуться, датой, в которой есть много, чем Вы можете гордиться!»

Высоко ценила Прасковью Францевну и Надежда Константиновна Крупская:

«У Прасковьи Францевны незаурядный пропагандистский талант. Я мало видела таких талантливых руководителей занятий»,— пишет она [1].

В период, когда собирались материалы о деятельности среди рабочих дореволюционных просветительных обществ и рабочих школ, Надежда Константиновна предостерегает Прасковью Францевну от неправильной характеристики этих школ.

«Дело в том, что Вы ведь знаете, что школы не были чисто культурным центром. Это ясно из воспоминаний, но не ясна та борьба, которая шла в школе между учительством за направление. В мои времена шла борьба с толстовством, а еще в гораздо большей мере с либерализмом...»

В 1939 году Прасковья Францевна Куделли в связи со смертью Надежды Константиновны Крупской пишет в газете «Ленинские искры» глубоко прочувствованную статью «Невозвратимая утрата», где вспоминает начало своего знакомства с 20-летней Надеждой Крупской, свои встречи с ней в бурные дни революции 1905 года, свою долголетнюю нелегальную и легальную переписку с Надеждой Константиновной.

Дружба Прасковьи Францевны с семьей Владимира Ильича Ленина — это дружба глубоко идейных людей, связанных единой целью, единым высоким стремлением, осуществлению которых они посвятили всю свою жизнь.

Прасковья Францевна Куделли пользовалась заслуженной любовью и признанием со стороны Ленинградской партийной организации, в рядах которой она провела большую часть своей жизни, и широких трудящихся масс Ленинграда. В день 75-летия Прасковьи Францевны, 24 ноября 1934 года, ленинградцы чествовали свою любимую пропагандистку, неутомимого партийного работника. На чествование собрались представители районных организаций Ленинграда, бывшие ученики Прасковьи Францевны, представители старой большевистской гвардии, молодежи, пионеры. Адреса, преподнесенные П. Ф. Куделли множеством различных организаций, полны глубокой благодарности к старейшей большевичке, всю свою жизнь посвятившей служению народу.

[1] *Н. К. Крупская,* Политпросветработа, Госпедиздат, 1932, стр. 30.

До последних дней своей жизни Прасковья Францевна Куделли была неутомимым пропагандистом идей марксизма-ленинизма, борцом за светлое будущее человечества. В дни тяжелых испытаний Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда Прасковья Францевна выступает с докладами в госпиталях, школах, поддерживает связь с пионерскими отрядами, над которыми постоянно шефствует. При свете коптилки, в нетопленной комнате она пишет порученную ей статью «Ленин и рабочий класс», статью, так и оставшуюся незаконченной. Пригвожденная в 1944 году к больничной койке, Прасковья Францевна собирает вокруг себя ходячих больных и делится с ними воспоминаниями о Ленине. Она живет жизнью страны, ее интересует все, что в ней происходит. За два месяца до ее смерти я получила от нее письмо, в котором она спрашивает: «Ты, вероятно, по-прежнему работаешь в издательстве? На что теперь обращено Ваше внимание... От кого-то я слышала, что Вы заняты составлением сборников выдержек из русских классиков о любви к родине и патриотизме. Так ли это? Вообще интересно, над чем Вы теперь работаете? Какова теперь жизнь в Москве?»

У меня с Прасковьей Францевной была большая дружба, тянувшаяся на протяжении почти всей нашей жизни. Она была неизменно верным товарищем, чутким другом с открытой нежной душой.

Прасковья Францевна Куделли умерла 26 мая 1944 года на 85 году жизни.

На Коммунистической площадке Серафимовского кладбища в Новой деревне в Ленинграде на могиле Прасковьи Францевны Куделли — обелиск из розового мрамора с надписью:

Старейшему члену ВКП(б)

ПРАСКОВЬЕ ФРАНЦЕВНЕ КУДЕЛЛИ

20.X 1859—26.V 1944 г.

За этой лаконичной надписью кроется большая, полноценная жизнь, прожитая для народа.

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА НИКОЛАЕВА

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА НИКОЛАЕВА

Старый царский Петербург.

Недалеко от Невского проспекта, в Лештуковом переулке, в подвале дома № 10 жила прачка Николаева. В 1893 году у нее родилась дочь Клавдия.

С утра до темной ночи мать стирала на людей, но прокормить семью не могла. Отец — чернорабочий, часто был без заработка. Четверо детей — сын и три дочери жили в постоянных лишениях. Восьми лет Клавдия стала зарабатывать деньги, мать устроила ее в няньки за пятьдесят копеек в месяц.

Зимой Клавдия выпросилась у матери в школу, которую посещала четыре зимы, младшая сестра Анна училась и того меньше. Жить было не на что, и мать устроила дочерей на работу в типографию, где они получали по тридцать копеек в день.

9 января 1905 года Клавдия с работницами ходила на площадь Зимнего дворца и видела, как стреляли в рабочих, слышала их стоны.

Старшие рабочие привлекали Клавдию на собрания, где она внимательно прислушивалась к тому, что говорилось там о борьбе с хозяевами.

С каждым днем Клавдия все больше и больше читала. Особый интерес у нее вызывали брошюры, которые царская охранка конфисковывала при налетах на типографию. Огромное впечатление произвела на девушку брошюра В. Либкнехта «Пауки и мухи». Постепенно Клавдия начала помогать рабочим прятать недозволенную литературу, участвовала в распространении листовок. Девушка

гордилась такими поручениями и всячески старалась хорошо их выполнить.

Старшая сестра Клавдии Мария была замужем за рабочим типографии Алексеем Ермолаевым. Это был старый подпольщик. Он втягивал Клавдию в партийную работу и как-то взял ее на конспиративное собрание большевиков. Возвращаясь домой, они заметили, что за ними следят. Пошли в разные стороны. Алексей сумел запутать следы и скрылся. Клавдия же поспешила домой, чтобы скорее спрятать пачку прокламаций, которую она получила для распространения.

Только она спрятала листовки, как нагрянула полиция. Начался обыск, листовок, как и вообще ничего запрещенного, полицейские не обнаружили, однако Клавдию арестовали и вместе с другими товарищами, арестованными в ту же ночь, отправили в Литовский замок. Это было в 1908 году.

Забрали и Алексея Ермолаева. Его посадили в Кресты, где он через три недели умер от горловой чахотки.

В общей камере тюремного замка Клавдия твердо решила, что ее путь — это борьба против царского самодержавия и капитализма. В тюрьме она сразу как-то повзрослела и, выйдя из нее, более активно взялась за подпольную работу.

В 1909 году она вступила в партию и вскоре стала организатором работниц и агитатором-массовиком. Ее любили за прямоту и смелость, за простоту и задушевность.

Чтобы сгруппировать работниц, в Питере была создана легальная организация под названием «Общество взаимопомощи работницам». В этой организации активное участие приняла Клавдия Николаева. Вместе с другими большевиками она вела здесь нелегальную партийную работу, втягивала работниц в профсоюзы, а наиболее передовых — и в партию.

Деятельное участие принимала Клавдия и в общекультурных мероприятиях общества. Обладая приятным, грудным голосом, Клавдия пела в хоре, любила она петь и одна.

Клавдию Николаеву хорошо знали питерские работницы. Она умела горячо и просто рассказать им о рабочей доле, пробудить в них ненависть к капиталистам. Не

по годам серьезная, эта девушка во время забастовок была стойка и непреклонна.

Решительную борьбу Клавдия Николаева вела против феминисток (равноправок), разъясняя работницам буржуазную сущность этого движения. Борьбу против «равноправок» она начала в ранней юности.

«Помню, я еще была девчонкой,— говорила К. Николаева,— «равноправки» старались внушать нам свое представление о свободе и равноправии. Оно было нам чуждо, нам было не по дороге с буржуазными дамами, мы, работницы, боролись за улучшение своего экономического и политического положения, боролись против капитализма. Борьба работниц была тесно связана с борьбой всего рабочего класса».

В декабре 1908 года, когда феминистки созвали Всероссийский женский съезд, Клавдия Николаева вместе с другими работницами была выбрана на этот съезд и по поручению Петроградского комитета выступала по вопросу о положении женского труда на фабриках, в типографиях и мелкоремесленной промышленности.

Когда съезд перешел к вопросу о создании «общеженской», якобы «внеклассовой», а по существу буржуазной организации, группа работниц, в том числе и Клавдия Николаева, внесла свое заявление и покинула «дамский съезд», подчеркнув абсолютную неприемлемость организации работниц в блоке с буржуазными равноправками.

В 1911 году Клавдия Николаева, будучи секретарем рабочего клуба, активно участвовала в забастовках, которые волной прокатились по предприятиям Питера. Начались репрессии. Клавдию арестовали и выслали в Вологодскую губернию, город Великий Устюг. В метели и сильные морозы до Вологды она шла по этапу через пересыльные тюрьмы. В Вологде ей дали подводу и в санях-розвальнях доставили в полицейское управление Великого Устюга. Здесь ей указали квартиру. Хозяин отвел для нее маленькую комнату под самой крышей дома. В это время Клавдии Ивановне Николаевой было всего 18 лет.

На следующий день она познакомилась с ссыльным, который жил в том же доме. Это был П. А. Джапаридзе — один из руководителей бакинских большевиков. Образо-

ванный марксист, он оказал большое влияние на формирование марксистского мировоззрения молодой революционерки.

Клавдию неудержимо тянуло в рабочий коллектив. В городе была Красавинская льняная фабрика, но работать политическим ссыльным запрещалось. Однако ей удалось установить связь с передовыми работницами этой фабрики, и она каждую беседу с ними использовала для пробуждения их классового сознания.

Ссыльные помогали друг другу, учились друг у друга. Не забывали Клавдию и питерские товарищи, которые присылали ей то письмо, то коллективную посылку.

Во время ссылки Клавдия упорно училась. Елена Алексеевна Леонтьева, одновременно с Клавдией отбывавшая ссылку, рассказывала:

«За три года ссылки наша Клавдия закончила программу средней школы, изучала французский язык. Она была очень способной, и один ссыльный студент, изгнанный из Питерского университета, говорил тогда, что она настолько упорна в достижении намеченной цели, что может здесь закончить университетскую программу. В кругу ссыльных она стала выступать, как заправский оратор, в спорах с меньшевиками проявляла широкий кругозор».

В 1913 году кончился срок ссылки Клавдии Николаевой, и полиция разрешила ей из Великого Устюга Вологодской губернии возвратиться в Петербург. В ссылке у нее родился сын. И она вернулась с полугодовалым ребенком.

Проездом Клавдия Ивановна остановилась в Вологде, где в то время находилась Мария Ильинична Ульянова, и получила от нее письмо к Анне Ильиничне.

В Петербурге Клавдия Ивановна работала в Выборгском районе в больничной кассе на заводе Барановского.

Жила она с сестрой на Васильевском острове. С момента приезда Клавдии жандармы следили за их квартирой. За Клавдией шпики следовали по пятам. Это стало невыносимым, и сестры сменили квартиру. Они уехали в пригород — Новую деревню.

8 марта 1914 года Петербургский комитет назначил Клавдию Ивановну докладчиком в обществе «Культура

и жизнь», но об этом узнала полиция, и ее арестовали. Не дождавшись докладчицы, собравшиеся работницы демонстративно вышли из зала и с песней «Отречемся от старого мира...» отправились по Невскому. Кто-то привязал на тросточку красный газовый шарф и поднял его как знамя.

А Клавдия Ивановна в это время сидела в тюрьме. Из соседней камеры постукивали. Но она не знала еще тюремной азбуки. Звуки рассыпались мелкой дробью по каменным стенам и вызывали в ней раздражение и тревожную тоску. Стучала ей старая большевичка Федосия Ильинична Драбкина, сидевшая в соседней камере.

В тюрьме Клавдия Ивановна просидела три месяца и после освобождения вновь включилась в партийную работу. Она организовывала сбор денег на партийную печать, собирала заметки из рабочей жизни.

Вскоре началась война, и Клавдия ведет большую агитационную работу по разъяснению ее хищнического, империалистического характера.

В 1915 году Клавдия Ивановна снова была арестована. Ее выслали в далекую Сибирь — село Казачинское, Енисейской губернии, куда она пошла с двухлетним сыном.

Здесь Клавдия Ивановна продолжала революционную пропаганду и за это была отправлена по этапу в Енисейскую тюрьму.

С ребенком она оказалась в очень тяжелых условиях. Зимой в камере стоял страшный холод, стены покрывались слоем льда. Питание было скверное. Люди мерзли, умирали от недоедания и цынги.

Только Февральская революция спасла ее с сыном от этой кошмарной обстановки. В родной Питер она возвращалась с группой ссыльных, проделавших огромный путь по льду готового вскрыться Енисея. В Петербурге она сразу связалась с большевистской организацией и включилась в агитационную и пропагандистскую работу. Ленина в Питере еще не было, и все ждали его возвращения из эмиграции.

3 апреля Клавдия Ивановна была на Финляндском вокзале и участвовала во встрече Ленина, слышала его историческую речь, в которой он призвал народ к социалистической революции.

Вскоре после Февральской революции Центральный Комитет большевистской партии возобновил выход журнала «Работница». Редактором его стала Клавдия Николаева. Журнал становился подлинно коллективным организатором трудящихся женщин, объединяя вокруг себя с каждым днем все больше и больше работниц.

В июльские дни в журнале «Работница» была опубликована знаменитая статья Ленина «Три кризиса».

В дни Октябрьского восстания Николаева работала во 2-м городском районе. Она всегда была тесно связана с народными массами, являясь выдающимся организатором и агитатором.

Несколько раз Клавдия Ивановна встречалась с В. И. Лениным. И эти встречи на всю жизнь остались в ее памяти.

Одна из таких встреч состоялась в ноябре 1917 г., когда Клавдия Николаева вместе с другими делегатами I конференции работниц Петрограда была на приеме у В. И. Ленина и передала ему заверение петроградских работниц о беззаветной поддержке молодой Советской власти.

После Октябрьской революции способности Клавдии Николаевой развернулись во всю ширь. Она вела неустанную работу в самой гуще пролетариата. Выступая на рабочих собраниях, Клавдия Ивановна преображалась. Энергия, непреклонная воля, скрытая в самобытной натуре этой русской женщины, передавалась окружающим. Нередко бывало, что после ее выступления все участники собрания шли рыть окопы, рубить дрова для заводов и фабрик, строить узкоколейки.

Когда красному Питеру угрожали банды Юденича, Клавдия Николаева работала во 2-м городском районе в штабе ревтрибунала. При ее участии был создан боевой отряд из сотен работниц. Часть из них, пройдя военное обучение, отправилась на фронт. Оставшиеся несли службу по охране государственных учреждений, рыли окопы, строили баррикады, оплетали Питер колючей проволокой.

В 1918 году К. Николаева была одним из руководителей первого Всероссийского съезда работниц и кре-

стьянок, на котором присутствовало 1147 делегаток от фабрик, заводов, деревенской бедноты.

Участницы съезда робко входили в Колонный зал Дома союзов. К. Николаева ласково встречала их, стараясь прибывших из отдаленных мест усадить поближе к президиуму. Делегация петроградских работниц прибыла организованно, с красным знаменем, их встретили радостно и тепло. На второй день съезда из президиума сообщили, что через несколько минут на съезд прибудет В. И. Ленин. Куда девалась застенчивость прибывших из отдаленных мест! Они моментально двинулись к самому президиуму. К. И. Николаева сказала, что не все знают Владимира Ильича, и поэтому, как только он войдет, она поднимет вверх букет цветов, который положила на стол президиума А. М. Коллонтай. Но ничего этого сделать не удалось. Пока она уговаривалась об этом с делегатками, вошел Владимир Ильич.

Зал молниеносно разразился аплодисментами и горячими возгласами: «Да здравствует товарищ Ленин!» Женщины обступили трибуну, протягивали к Ленину руки, что-то кричали. Все встали. Клавдия Ивановна запела Интернационал. Делегатки подхватили, и, как волна прибоя, в стенах зала раздались слова пролетарского гимна.

Владимир Ильич говорил о том, что из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины, что не может быть социалистического переворота, если они не примут в нем участия, что Советская власть делает все для освобождения женщин.

Делегатки, затаив дыхание, слушали Ленина, указывавшего им путь к новой жизни, открывавшего перед ними чудесные перспективы.

Большую общественную и партийную работу Клавдия Николаева совмещала с работой на производстве. Она работала у станка на заводе «Треугольник» и одновременно заведовала агитпропом Петербургского комитета партии.

Значительное место в ее общественной деятельности занимала организация социального обеспечения и детских учреждений в Петрограде.

Партия высоко ценила партийную и общественную деятельность Клавдии Ивановны, и на XIII съезде она была избрана членом Центрального Комитета. В составе ЦК Клавдия Ивановна оставалась до конца своей жизни. После XIII съезда она была поставлена во главе отдела по работе среди женщин при ЦК партии. В связи с этим ей пришлось переехать из Ленинграда в Москву.

В 1924 году К. И. Николаева участвовала на третьей Международной конференции коммунисток в Берлине и делала доклад от делегации Советского Союза. По возвращении она написала об этой конференции несколько статей.

Николаева часто выступала в газетах и журналах с горячими политическими статьями, бичующими недостатки и призывающими бороться с ними. Немало ею написано и брошюр. Темы их были самые разнообразные, но злободневные — о культуре, о профсоюзах, о работе среди женщин и пр. Дома на ее письменном столе всегда лежали то гранки статей, то корректуры ее брошюр, то верстка журнала «Работница», с которым она была связана до конца жизни.

На протяжении всей своей жизни Клавдия Ивановна оставалась принципиальной, прямой, правдивой. Подчас она была резка, но ради большевистской правды и честности она никогда не кривила душой. Когда ошибалась, она умела признать свою ошибку и быстро исправить ее. Так К. И. Николаева решительно порвала после XIV съезда партии с ленинградской антипартийной оппозицией, которую некоторое время поддерживала. Она тяжело переживала допущенную ею политическую ошибку.

После XIV съезда К. И. Николаева попросила ЦК командировать ее на курсы марксизма-ленинизма, ее просьбу удовлетворили. По окончании курсов в 1928 году партия направила К. И. Николаеву на работу в Северо-Кавказский краевой комитет партии, где она провела большую работу по подготовке коллективизации деревни, по борьбе с кулачеством. Здесь с особой силой проявился ее волевой характер и партийный опыт.

На XVI партийном съезде Клавдия Ивановна выступала как секретарь Северо-Кавказского краевого комитета партии. Она говорила о перспективах социалистического

строительства и о борьбе за непоколебимость ленинских основ и принципов в партийной работе.

Позже К. И. Николаева была заведующей агитационно-массовым отделом Центрального Комитета партии. Она часто ездила по районам, областям, краям и республикам, вплотную занимаясь вопросами социалистического строительства.

За самоотверженную работу К. И. Николаева в 1933 году была награждена орденом Ленина.

На XVII партийном съезде К. И. Николаева выступала как второй секретарь Западно-Сибирского краевого комитета партии. В своем выступлении она говорила о новых, молодых кадрах рабочего класса, которые пришли в промышленность, в угольные шахты Кузнецкого бассейна, в цеха Кемеровского химического комбината, говорила о Сталинском металлургическом заводе, где выросли замечательные люди, дающие превосходные образцы производственной и общественно-политической работы.

Особо она остановилась на росте женских кадров и их выдвижении на руководящую работу, подчеркивая, что работницы на производстве в массе своей уже не подсобные, а самостоятельные квалифицированные рабочие, что они выросли в большую силу и должны занять подобающее место как в промышленности, так и сельском хозяйстве.

После XVII съезда партии Центральный Комитет направил К. И. Николаеву в Ивановскую промышленную область, где она работала вторым секретарем Обкома. Здесь она развернула большую работу среди текстильщиков, основная масса которых — женщины.

С 1936 года К. И. Николаева — секретарь ВЦСПС.

Строгая и требовательная к себе и другим, она ко всякому делу относилась по-партийному, была тверда и непреклонна, когда дело шло об интересах трудящихся. Мне не раз приходилось видеть и слышать, как она умела метким и острым словом разить шкурников и бюрократов, бездельников и подхалимов. Она никогда не боялась испортить отношения и, невзирая на лица, открыто называла в своих выступлениях фамилии, должности тех, кого критиковала, приводила факты недостойного поведения и виновных бичевала беспощадно.

И как же доставалось тому, кто пытался свою вину свалить на других или опорочить честного человека,— в таких случаях она буквально бушевала.

Николаева глубоко ценила коллективную мысль и при разработке того или иного документа привлекала компетентных людей, охотно выслушивала их замечания, умело обобщала предложения.

Клавдия Ивановна жила просто и скромно. Труд, служение народу составляли основу ее жизни. Работала она самозабвенно, не жалея ни сил, ни времени. Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью. И личная жизнь обогащается, когда общее дело становится как бы личной жизнью, говорила она.

Прирожденный агитатор, Клавдия Ивановна говорила просто, но речи ее всегда дышали страстным наступательным духом, призывным огнем.

Она была тесно связана с народом. Постоянно посещала рабочие собрания, бывала в общежитиях рабочих, клубах и дворцах культуры при заводах, в детских учреждениях. Ее знали не только рабочие и работницы, но жены рабочих и их дети.

Избранная депутатом Верховного Совета СССР, она стала членом Президиума Верховного Совета и возглавила бюджетную комиссию.

В годы Великой Отечественной войны она часто выступала перед бойцами и командирами. Ее яркие, замечательные речи вдохновляли их на боевые подвиги. Она не раз бывала на передовой линии, беседовала с воинами, передавала им подарки от профсоюзов, письма от работниц и рабочих, от пионеров и школьников.

Систематически бывала она на предприятиях. Часто выступала перед рабочими, призывая их к самоотверженному труду во имя победы над врагом. С теплым искренним чувством встречали ее рабочие и работницы, охотно делились с ней своими сокровенными мыслями и чувствами.

Держалась она просто, по-товарищески, никогда не фальшивила, не приукрашивала положения, не скрывала трудностей. И эту правдивость и прямоту рабочие особенно ценили в ней.

Когда Клавдия Ивановна приезжала на фабрику или завод, она нередко часами бродила по цехам, она не ограничивалась встречей с руководителями предприятия или выступлением на собрании. Она разговаривала с рабочими, заглядывала в столовую, баню, общежитие. Если обнаруживался какой-нибудь безобразный факт, она как вихрь врывалась в кабинет секретаря парткома или директора завода. И виновный знал, что ему не поздоровится.

— Чем ты нынче кормишь фабзайчат, товарищ директор? — вопрошала она.

— Можно попробовать, Клавдия Ивановна, сейчас позвоню в столовую, чтобы принесли обед.

— Не звони, пробовала я. А вот ты когда-нибудь пробовал? И начиналась основательная трепка за плохо приготовленный обед.

Как-то на заседании секретариата ВЦСПС обсуждался вопрос о выполнении коллективных договоров, докладывал председатель завкома крупного завода. На заседание был приглашен директор предприятия, представители министерства, приехал и министр. В прениях выступила Клавдия Ивановна. Она резко критиковала руководство завода за халатное отношение к бытовым нуждам рабочих.

— Я не посмотрю ни на чины, ни на заслуги и буду ставить вопрос о тех, кто не выполняет, как надо, указаний партии и правительства,— горячо говорила она.

И все знали, что Николаева на ветер слов не бросает: сделает так, как сказала.

Когда враг угрожал Москве, К. И. Николаева участвовала в работе по эвакуации предприятий в восточные районы страны, руководила работой профсоюзов по отправке детей в глубокий тыл.

Клавдия Ивановна была инициатором отправки на фронт банно-прачечного и дезинфекционного поезда, сформированного на средства профсоюзов. Этот поезд был снабжен библиотекой-читальней, комнатой отдыха, парикмахерской, механической прачечной. Пропускная способность его была до двух тысяч человек в день. Это был ценный подарок фронту от профсоюзов.

Немало сделала Клавдия Ивановна во время войны для детей, которых очень любила и к которым была

внимательной и заботливой. Она помогала восстанавливать связи детей с родителями, принимала участие в организации детских столовых, интернатов, шефства над детскими учреждениями. При ее участии были созданы фонды помощи детям, обездоленным войной, и помощи семьям защитников Родины.

А как она умела разговаривать с детьми! У нее был особый дар педагога-воспитателя.

Клавдия Ивановна принимала живейшее участие в организации детских новогодних елок. Даже в тяжелое военное время под новый год зажигались огни новогодних елок для детей рабочих и служащих в профсоюзных клубах необъятной Советской страны.

В 1942 году К. Николаева ездила с первой делегацией советских профсоюзов в Англию, где побывала на предприятиях в ряде городов, и по приезде в Москву делилась на рабочих собраниях своими впечатлениями о поездке.

О пребывании советской профсоюзной делегации в Англии и о посещении одного из заводов английский журнал опубликовал статью и снимки, посвященные этому визиту. Вот несколько характерных строк:

«Самым ярким членом русской делегации является женщина — Николаева... Это типичная русская женщина, среднего роста, крепкая, круглолицая, со скрученными жгутом волосами... Бросив на нее случайный, беглый взгляд, вы бы никогда не подумали, что эта простая женщина в скромном платье является одним из руководителей советского профдвижения, насчитывающего 28 миллионов членов. Вы бы никогда не смогли себе представить, что она является Депутатом Верховного Совета (русский парламент) и членом Государственной Бюджетной Комиссии, ведающей всеми финансовыми делами Советского Союза. До тех пор, пока вы не увидите ее просветленное лицо, когда она наблюдает за работой квалифицированного рабочего-машиностроителя, пока вы не услышите одной из ее электризующих речей с верхушки танка, ее голос, покрывающий грохот молота и сверл,— до тех пор вы не сможете осознать, что вы находитесь в присутствии сильной личности, одного из руководителей рабочего движения нашего времени... На улице вы приняли бы ее за обыкновенную домашнюю хозяйку. Когда

она начинает говорить, она совершенно преображается... Английские рабочие чугунно-литейного завода восторженно приветствуют Николаеву...»

Полная энергии, К. Николаева часто выступала зачинателем таких дел, которые далеки были от ее прямых обязанностей.

Так, например, в дни войны по ее инициативе была создана выставка на тему: «Советская женщина в Отечественной войне».

«По залам Дома Союзов пройдут сотни тысяч женщин,— говорила она,— и наша выставка будет иметь большое политическое значение».

Выставка «Советская женщина в Отечественной войне» открылась в мае 1944 года. Она занимала три громадных зала, в которых исторические документы, фотографии, красочные панно, монтажи со светящимися эффектами, картины видных художников и скульптурные работы ярко раскрывали ратные подвиги и самоотверженный труд женщин страны социализма. Выставку посетили сотни тысяч мужчин и женщин, которые оставили много трогательных записей в книге отзывов.

Очень многие женщины писали Клавдии Ивановне письма, заходили к ней не только на работу, но и на квартиру. Они видели в ней близкого человека, с которым можно посоветоваться или просто отвести душу. Она любила жизнь, любила энергичных людей и среди них становилась совсем молодой.

Клавдия Ивановна мечтала выпустить серию брошюр о женщинах, но удалось выпустить их немного. Она задумала написать большую книгу о профсоюзах в Отечественной войне и уже вчерне эту работу подготовила, но закончить не успела. Тяжелая болезнь приковала ее к постели. Во время болезни, чувствуя близость смерти, она написала письмо сыну и его семье. В нем выражены самые глубокие чувства Клавдии Ивановны, которые она пронесла через всю свою жизнь.

«Милые, родные Катя, Юруся, Наташенька!

Трудно измерить, кого люблю больше. Думаю, что Наташу, потому что она маленькая. От вас зависит ее будущее. Стало быть, вам обоим надо создать такую жизнь, которая прежде всего была бы полезна для нашего

Советского государства. А для этого нужно крепко и больше всего на свете любить партию большевиков...

Сила страны, сила человека состоит в том, что люди объединены идеями и борются за них, а эти идеи дает им учение марксизма-ленинизма...

Учитесь и учите других. Постоянно работайте над собой. Изучайте труды Ленина, историю нашей большевистской партии. Шагайте всегда вместе с партией в ее славных рядах.

Берегите и любите Наташеньку, мою маленькую голубку. Будьте во всем верными делу своей Родины. Честно трудитесь.

Никогда не обманывайте других и не давайте обманывать себя. Любите друг друга. Любите и берегите Наташу.

Крепко, крепко целую и обнимаю вас троих — Юрусю, Катюшу и Наташу.

мама»

28 декабря 1944 года К. И. Николаевой не стало.

На 51 году сильной и прекрасной жизни перестало биться сердце Клавдии Ивановны Николаевой, «видного деятеля Советского государства, старого члена Коммунистической партии, крупного деятеля профессионального движения, которую знала вся страна»,— писала о ней газета «Правда».

30 декабря трудящиеся Москвы шли нескончаемым потоком на Красную площадь отдать последний долг Клавдии Николаевой, жизнь которой — яркий и благородный пример беззаветного служения Родине.

КОНКОРДИЯ НИКОЛАЕВНА САМОЙЛОВА

КОНКОРДИЯ НИКОЛАЕВНА САМОЙЛОВА

В 1897 году петербургское студенчество было глубоко взволновано трагическим событием: в Петропавловской крепости политическая заключенная М. Ф. Ветрова облилась керосином, подожгла себя и умерла в нечеловеческих муках.

Весть о случившемся особенно потрясла курсисток Высших женских курсов, где до ареста училась М. Ф. Ветрова. Они решили обратиться ко всему петербургскому студенчеству с предложением устроить демонстрацию протеста.

В одной из аудиторий с этой целью была устроена студенческая сходка. Взволнованные речи, споры. После того как одна из студенток высказалась против демонстрации, на кафедру поднялась высокая, скромная девушка, которую раньше мало кто знал.

На щеках ее горел яркий румянец, карие глаза смотрели прямо и решительно. Громким, взволнованным голосом она произнесла страстную речь за демонстрацию, в которой слились воедино гнев, благородное возмущение и ненависть к тирании. Речь ее произвела сильное впечатление. Курсистки решили устроить демонстрацию.

Эта девушка была Конкордия Громова, ставшая впоследствии крупным партийным работником, одним из организаторов и руководителей революционного движения трудящихся женщин — известная Конкордия Николаевна Самойлова.

Конкордия Николаевна прожила недолгую жизнь, она умерла сорока пяти лет от роду, в расцвете своих сил. Но жизнь ее была насыщена до предела кипучей деятельностью, смысл и цель которой было служение народу.

Конкордия Николаевна прошла путь, полный опасностей, невзгод, лишений. Она пять раз подвергалась арестам, была в царской ссылке, неоднократно жила под надзором полиции.

Конкордия Николаевна — активный участник трех революций в России. Ее хорошо знали большевики подпольных организаций Твери, Екатеринослава, Николаева, Одессы, Ростова-на-Дону, Луганска, Баку, Петрограда и Москвы, а после революции широкие массы рабочих, работниц и крестьянок всего Советского Союза.

К. Н. Самойлова всегда стремилась быть в гуще народа.

«Конкордия — массовик, она живет и свободно дышит только в условиях широкой массовой работы. Она не любила работу в центре. Она всегда рвалась в губернию, в уезд, ближе к рабочим кварталам, ближе к дымящимся трубам — там ее стихия.

Ее крепкая фигура, стальной блеск ее открытых глаз, уверенный твердый голос, ясность и четкость ума делали из нее массового оратора, горячо любимого всеми, кто ее знал».

Так характеризовала Конкордию Николаевну ее близкий друг, К. И. Николаева.

Образованный марксист, глубоко понимающий революционную сущность марксизма-ленинизма, Конкордия Николаевна умела самые сложные вопросы теории сделать ясными и доступными для малоподготовленных рабочих и работниц, всегда связывая сложные теоретические проблемы с практической жизнью.

В подпольных кружках, которыми она руководила, билась и горела живая мысль.

Ее речи, статьи и брошюры свидетельствуют о глубоком знании рабочей жизни.

Энергичная, целеустремленная «упорная сибирячка», как ее называли, глубоко принципиальная, она всегда твердо стояла на большевистских позициях. Неутомимой труженицей прошла она через всю жизнь.

Как человек кристальной чистоты, исключительной скромности и преданности делу партии, Конкордия Николаевна пользовалась заслуженной любовью трудящихся.

* *
*

Родилась Конкордия Николаевна в Иркутске в 1876 году, в семье местного священника Николая Громова. В 1894 году она окончила женскую гимназию.

Еще на ученической скамье Конкордия, от природы одаренная пытливым умом и чутким сердцем, гораздо более начитанная и способная, чем многие ее сверстницы, начала задумываться над противоречиями окружающей ее действительности.

Иркутск — экономический, административный и культурный центр Восточной Сибири в 90-х годах прошлого столетия был типичным купеческо-чиновничьим городом. Население его занималось главным образом торговлей, извозом, рыбным, лесным и дровяным промыслами, а также ремеслами. В городе было много правительственных учреждений, большое количество чиновников.

Жизнь предпринимателей, купечества и чиновников, подчиненная наживе, стяжательству и казнокрадству,— пьяная, разгульная, полудикая — была уродлива и отвратительна. А жизнь рабочих, крестьян, ремесленников безмерно тяжела. Все это видела Конкордия и не могла примириться с этой социальной несправедливостью.

В юной душе Конкордии, внешне столь сдержанной и спокойной, все протестовало против серой, замкнутой жизни, на которую ее хотели обречь родители.

Большое значение в формировании мировоззрения передовых людей Сибири сыграли политические ссыльные. Через Сибирь прошло множество борцов за свободу, начиная от Радищева и декабристов, кончая большевиками.

Под влиянием политических ссыльных возникли первые нелегальные кружки «самообразования» в Иркутске, которые носили революционный характер. До 90-х годов в политической ссылке господствующее положение занимали народники. В 90-е годы в Иркутск попадают в ссылку первые марксисты. Начинается острая идейная борьба между двумя противоположными течениями. Отголоски споров, дискуссий между марксистами и народниками доносятся и до ученических кружков «самообразования», с которыми была связана Громова.

В 1896 году Конкордия становится курсисткой высших женских Бестужевских курсов в Петербурге.

Как мы видели, именно здесь началась ее революционная деятельность с выступления на студенческой сходке.

Через несколько лет после этого первого выступления, 16 февраля 1901 года, она была арестована на делегатском собрании студентов, где обсуждался вопрос о продолжении студенческой забастовки протеста против правительственных «временных правил» об отдаче в солдаты студентов, замеченных в «беспорядках». На основании этих изуверских правил Министерство Народного Просвещения в январе 1901 года отдало в солдаты 183 студента Киевского университета.

Это вызвало глубокое брожение среди студенчества, начались студенческие забастовки.

В «Искре» в феврале 1901 года появилась статья В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов», которая призывала все сознательные элементы ответить на этот вызов, «если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов» [1].

Делегатское собрание студентов, на котором была арестована К. Громова, как раз и состояло из таких сознательных элементов, не желавших примириться с беззаконием и произволом царского правительства.

После ареста Конкордии Громовой у нее на квартире был произведен обыск, во время которого были изъяты револьвер и два запрещенных в то время романа: «Андрей Кожухов» Степняка-Кравчинского и «Что делать?» Чернышевского.

На допросах она держалась смело и проявляла большую находчивость. В отношении револьвера она говорила, что привезла его из Сибири и взяла с собой для того, чтобы обезопасить себя в далеком пути, который ей пришлось проделать от Иркутска до Петербурга. На сей раз находчивость спасла ее, дело было прекращено, и через 3 месяца она была освобождена. Но Бестужевские курсы ей пришлось оставить.

В 1902 году Конкордия Николаевна уехала в Париж. Она надеялась получить там необходимые знания для

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 4, стр. 391.

продолжения своей революционной деятельности, к которой страстно рвалась.

В Париже в это время профессорами либерального и буржуазно-демократического направления во главе с профессором М. М. Ковалевским была организована «Высшая русская школа общественных наук». Для чтения лекций в этой школе был приглашен также В. И. Ленин.

В лекциях по аграрному вопросу В. И. Ленин излагал свои смелые, тогда совершенно новые взгляды. Эти лекции читались В. И. Лениным уже после того, как из печати в марте 1899 года вышла его гениальная книга «Развитие капитализма в России», завершившая идейный разгром народничества.

Конкордия Николаевна с большим вниманием слушала лекции В. И. Ленина. Они произвели на нее огромное впечатление. Кроме этого, она усердно занималась на краткосрочных курсах, организованных в Париже для отъезжающих в Россию пропагандистов. Целые дни проводила Конкордия за книгами. Постоянно занята, постоянно сосредоточена.

Больше года провела она в Париже. Здесь окончательно определилось ее мировоззрение, она твердо стала на позиции Ленина, с которых никогда не сходила.

Она стала последовательным сторонником ленинской «Искры», заложившей основы боевой централизованной пролетарской партии в России.

В 1903 году Конкордия Николаевна возвращается на родину. Она едет в Тверь, взяв явку в Тверской комитет РСДРП. Тверь была избрана потому, что здесь жила ее старшая сестра, которая была замужем за смотрителем духовного училища. Конкордия Николаевна рассчитывала, что жизнь в доме сестры отвлечет от нее внимание полиции.

Приехав в Тверь, Конкордия Николаевна вскоре пришла к П. Ф. Куделли, которая в то время была членом Тверского комитета партии.

В Твери Самойлова под партийной кличкой «Вера» начала свою работу как пропагандист ленинской «Искры». Она организовывала рабочие кружки, принимала участие в составлении прокламаций и через некоторое время была введена в состав Тверского комитета РСДРП.

После II съезда партии она решительно встала на позиции большинства и активно боролась против меньшевиков.

Партийная работа Конкордии Николаевны в Твери прервалась потому, что в один из кружков, которым она руководила, пробрался провокатор. Об этом стало известно Тверскому комитету, и он дал указание «Вере» уехать.

В это время в Твери был убит разоблаченный провокатор, и жандармское управление решило, что исчезнувшая из Твери Конкордия Николаевна причастна к этому убийству. Начались розыски. Но Конкордия Николаевна была уже в Екатеринославе, где с головой окунулась в работу. Здесь она была пропагандистом и в то же время организатором нелегальной типографии. Жандармское управление Твери не переставало ее разыскивать, и ему удалось установить местонахождение Конкордии Николаевны. Весь материал на нее жандармское управление переслало в Екатеринослав. Охранка начала собирать сведения о Конкордии Громовой, как всегда, использовав для этого своих шпиков. Один из них донес, что должно состояться собрание социал-демократического кружка, на котором будет выступать кто-то из «серьезных противоправительственных деятелей». Когда в квартиру, где назначено было занятие кружка, ворвались полицейские, они застали там среди группы рабочих Конкордию Николаевну. Ее арестовали и препроводили в Тверь.

В губернской тверской тюрьме Конкордия Николаевна просидела 14 месяцев, но доказать ее причастность к убийству провокатора было невозможно. Под залог она была освобождена и вскоре уехала в Николаев, где жила под надзором полиции.

В стране в это время уже бушевала первая русская революция. Конкордия Громова уезжает из Николаева в Одессу, где волна революционного движения поднялась особенно высоко. Она приехала в Одессу тогда, когда мощное стачечное движение развернулось по всей стране. Рабочие Одессы готовились к всеобщей забастовке, они вооружались для выступления против царизма. Конкордия Николаевна оказывается в огне революционных собы-

тий. Она выступает с яркими революционными речами перед рабочими металлистами, каменотесами, портовыми рабочими.

В Одесской социал-демократической организации она борется за последовательное проведение большевистской линии и выступает с разоблачением позиций меньшевиков.

В 1906 году большевики, учитывая стремление рабочих установить единое руководство борьбой масс, готовились к объединительному съезду партии. Ленин готовил резолюции, в которых говорилось, на какой основе может быть достигнуто объединение большевиков с меньшевиками, подчеркивалось, что не всякое объединение полезно и нужно.

В Одесской организации большевики поспешили с объединением. Они пошли на объединение с меньшевиками, не ожидая решений съезда и без согласия Центрального Комитета партии. Конкордия Николаевна, считая такой шаг неправильным, заявила о своем выходе из Одесской организации.

Она переехала в Ростов-на-Дону, но здесь ее вскоре арестовали. Полицейские схватили ее прямо на улице и отправили в тюрьму, где она просидела около 3 месяцев.

В августе 1906 года Конкордия Николаевна была выслана в Вологду. Но вскоре она бежала в Москву, где принялась за работу в Московской окружной организации.

Трудно жилось Конкордии в этот период. Она не имела даже собственного жилья. Случалось, что ей негде было переночевать.

В Москве она вскоре оказалась под усиленным наблюдением полиции, и для того, чтобы не попасть в лапы жандармского управления, она по указанию партийной организации уезжает в Луганск, один из важнейших рабочих центров Донбасса.

В Луганске Конкордия Николаевна соединила свою судьбу с Аркадием Александровичем Самойловым. По профессии — присяжный поверенный, он был активным партийным работником и литератором. Глубокие чувства любви связывали их, и неутешным было горе Конкордии Николаевны, когда его не стало.

Большевистская организация Луганска готовилась к V партийному съезду, который состоялся в апреле — мае 1907 года в Лондоне. Делегатами на съезд от Луганска были избраны К. Е. Ворошилов, тогда рабочий Луганского завода, и К. Н. Самойлова. На съезде они участвовали под фамилиями Антимеков и Большевикова. По всем вопросам съезда оба они поддерживали линию Ленина. Для того, чтобы сразу после съезда не попасть в руки полиции, Конкордия Николаевна едет не в Луганск, а в Харьков.

Ей очень хочется вернуться в Луганск, чтобы отчитаться о работе съезда перед луганскими рабочими, но К. Е. Ворошилов в письме к ней сообщает, что полиция продолжает интересоваться ею и приезжать в Луганск опасно.

Тогда Конкордия Николаевна написала луганцам следующее письмо:

«Посоветовавшись с товарищами, Володя [1] отсоветовал мне ехать в Луганск, потому доклад о съезде он уже сделал сам, и мне там нельзя показаться. Об этом передайте всем товарищам из района, а также пусть не падают духом: работали бы дружнее, а я постараюсь вместо себя послать к Вам нового работника.

Наташа».

Добрую память сохранили о Конкордии Николаевне бакинские рабочие, среди которых она работала с 1907 года.

Начался период реакции. Работать становилось все труднее. Чтобы попасть на занятия кружка, состоящего из пяти — десяти человек, ей приходилось отправляться в далекий путь по нефтяным промыслам, постоянно подвергаясь опасности быть схваченной полицейскими жандармами. Вскоре сыщики выследили ее, и пришлось снова куда-то двигаться. Ей достали паспорт на имя Екатерины Васильевны Никологорской, и она уехала в Петербург.

Товарищи с радостью встретили ее. Она быстро втянулась в работу и вскоре была избрана членом Петербург-

[1] Партийная кличка К. Е. Ворошилова.

ского комитета партии. Но деятельность Конкордии Николаевны продолжалась здесь недолго.

1 марта 1909 года она была арестована. Это произошло в Психо-неврологическом институте, где должно было состояться заседание Петербургского комитета партии. Об этом заседании полиции стало известно от провокатора Серовой.

При аресте Конкордии Николаевне пришлось назвать себя, чтобы избавить Екатерину Васильевну Никологорскую, мирно проживавшую на Петербургской стороне, от неприятностей. Конкордия Николаевна заявила, что паспорт Никологорской попал к ней случайно и она воспользовалась им, чтобы прописаться в Петербурге, так как намеревалась поступить в Психо-неврологический институт.

После 10 месяцев заключения в Литовском замке Самойлова была освобождена, так как прямых улик против нее не было.

С конца 1912 г. Конкордия Николаевна была секретарем «Правды». Скромное помещение редакции, находившееся на Ямской улице, походило на кипящий котел. Здесь постоянно теснились представители бастующих рабочих, работники больничных касс, легальных культурно-просветительных обществ, профсоюзов. Они приносили собранные на заводах пятаки в фонд «Правды». Рабочие приходили в редакцию «Правды» со своими жалобами на администрацию, за советом, приносили свои заметки о рабочей жизни.

Все они проходили через небольшую секретарскую комнату Самойловой. «Она хлопотала как заботливая нянька около каждого»,— вспоминает о ней член редакционной коллегии «Правды» К. Еремеев.

В 1913 году в России впервые проводится Международный женский день. В связи с подготовкой к нему на страницах «Правды» под руководством К. Н. Самойловой ведется специальный отдел «Женский день и работница», в котором публикуются письма и заметки работниц, статьи о положении работниц в России.

В Международный женский день в Петербурге в Калашниковской бирже было устроено собрание работниц, прошедшее с большим подъемом. Депутаты Государствен-

ной думы, члены большевистской фракции, обратились с приветствием к трудящимся женщинам.

Удачный опыт открытого празднования Международного женского дня в 1913 году решено было повторить в 1914 году, придав ему еще более широкий характер.

Митинг в Калашниковской бирже в 1913 году был устроен легально, с разрешения петербургского градоначальника. Поэтому и в 1914 году группа большевичек обратилась к градоначальнику за разрешением устроить собрания в наиболее крупных районах Петербурга и выпустить специальный журнал к этому дню. Это разрешение было получено. Никому и в голову не приходило, что готовится провокация, что царские чиновники затем и дали разрешение на празднование женского дня, чтобы арестовать руководителей женского рабочего движения.

За несколько дней до праздника члены редколлегии журнала «Работница», имея разрешение градоначальника на выпуск журнала, собрались, чтобы закончить подготовку его к печати. За этой работой все они были арестованы нагрянувшими полицейскими.

Целый день тянулась унизительная процедура обыска, ночью всех повели в участок и распределили по одиночным камерам тюрьмы. В этот день были арестованы не только члены редакционной коллегии журнала, но и работницы, принимавшие участие в подготовке Международного женского дня,— всего 30 человек.

Случайно избегла общей участи лишь А. И. Елизарова, которая не могла вовремя явиться на заседание редколлегии журнала, членом которой она была. На нее главным образом и легли все заботы по выпуску первого номера журнала «Работница».

Подготовка Международного женского дня 1914 года показала, что женщины-работницы все больше втягиваются в революционное движение. Это не могло не обеспокоить царское правительство, и оно усилило репрессии. Н. К. Крупская в то время писала: «Сейчас в связи с женским днем в Питере большие аресты, забрали секретаря «Работницы», письмоводительницу фракции и т. п., просто беда! Вообще с арестами просто зарез» [1].

[1] «Пролетарская революция» № 8 (43) за 1925 г., стр. 133.

Но несмотря на репрессии, в Международный женский день 1914 года в рабочих районах были проведены собрания. Вышел и журнал «Работница». Всего с февраля по июнь 1914 года было выпущено 7 номеров этого журнала. Он сыграл большую роль в организации и сплочении женских пролетарских масс.

Арест прервал работу Конкордии Николаевны в журнале «Работница» и в газете «Правда». После освобождения из тюрьмы она вынуждена была покинуть Петроград и поселилась в Любани, где вновь жила под надзором полиции. Но несмотря на это она поддерживала самую тесную связь с петербургскими большевиками.

Революция 1917 года дала возможность Конкордии Николаевне вырваться из-под надзора полиции и приехать в Петроград. Она вся ушла в работу, горела на ней, возможности теперь были широкие.

Вначале она была секретарем конференции фабрично-заводских комитетов артиллерийского ведомства, где шла усиленная борьба против соглашательских партий. Эта борьба закончилась победой большевиков, на чьей стороне оказалось большинство членов конференции.

Революция начала пробуждать к активной политической жизни новые и новые слои работниц. Остро ощущалась потребность в специальном журнале для работниц, и Самойлова вместе с Крупской, Коллонтай, Николаевой и другими участвует в возобновлении издания журнала «Работница».

Во время подготовки и проведения Октябрьской революции ярко проявилось ораторское дарование Конкордии Николаевны. Она выступала на многотысячных собраниях рабочих и работниц, призывая их к борьбе за власть Советов. В конце 1917 года Самойлова принимала горячее участие в подготовке первой конференции работниц Петрограда, которая открылась в ноябре 1917 года и прошла под знаком мобилизации женских пролетарских масс для защиты молодой Советской республики.

Труженицы фабрик и заводов активно поддержали все предложения большевистской партии, внесенные на этой конференции.

Организации трудящихся женщин Конкордия Николаевна всегда отдавала много сил, а в последние годы своей жизни целиком переключилась на эту работу. Она внесла много ценного в разработку основных принципов и методов работы партии среди женщин.

К. Н. Самойлова была одним из основных докладчиков на I Всероссийском съезде работниц и крестьянок, состоявшемся в 1918 году.

Она решительно боролась против феминистического сужения задач женского пролетарского движения, рассматривая его как часть общей борьбы пролетариата.

Самойлова считала, что специальные методы и формы работы среди трудящихся женщин, выдвинутые партией, являются исключительно важными и совершенно необходимыми, но в то же время она видела их временный, преходящий характер. Ее взору открывалась та счастливая пора, когда женщины по своему уровню развития сравняются с мужчинами и нужда в особых формах работы среди женщин отпадет.

А пока эта работа была совершенно необходима, и Конкордия Николаевна объезжала различные места Советской страны, организуя работу среди работниц и крестьянок, работала в комиссии по работе среди женщин Петербургского комитета партии, в бюро работниц Самарского комитета партии. В боевую пору борьбы с Деникиным она работала на Украине, подымая работниц и крестьянок против белогвардейских полчищ.

Конкордия Николаевна была постоянным сотрудником журнала «Коммунистка», органа отдела ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок, много сил вложила в составление «Странички работницы» в газете «Правда», «Листка работницы» в газете «Коммуна» — органе Самарского губкома партии и т. д.

Она написала много брошюр, которые пользовались широкой популярностью, среди них «Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская революция», «Современная безработица и борьба с нею» и другие.

Весной 1920 года Конкордия была назначена начальником политотдела агитационного парохода «Красная звезда». Пароход должен был совершить рейс по Волге.

Задача работников парохода состояла в том, чтобы помочь местным партийным организациям укрепить влияние партии на массы трудящихся приволжских городов, сел, рыбных промыслов.

Время было крайне тяжелое, хозяйство страны было разрушено, не хватало продовольствия. Партия ставила перед собой задачу возрождения промышленности и сельского хозяйства, она готовилась к широкому наступлению на хозяйственном фронте.

Всюду, где ни останавливался пароход, Конкордия Николаевна выступала перед трудящимися, мобилизуя их на борьбу с хозяйственной разрухой. Она редактировала газету парохода, выступала на широких конференциях рабочих и работниц.

В 1921 году Конкордия Николаевна участвует во втором рейсе этого парохода.

Покидая 28 апреля 1921 года Нижний Новгород, Конкордия Николаевна не подозревала, что это ее последний рейс, из которого она уже не вернется в Москву.

В день 1 мая Конкордия Николаевна выступала на Симбирском патронном заводе. А позже в Царицыне она выступала на организованной по ее инициативе беспартийной конференции женщин.

Всюду, где останавливался пароход, Конкордия Николаевна заглядывала в рабочие бараки, беседовала с рабочими и работницами, помогала на месте разрешать все неурядицы, ополчалась против бездеятельных и бездушных администраторов. В ряде мест она помогала организовать ясли и детские сады.

Немало энергии К. Н. Самойлова вложила в организацию культурно-просветительных учреждений, школ по ликвидации неграмотности. 20 мая 1921 года во время своего второго рейса она пишет статью «В знании — сила и залог нашей победы», в которой призывает к ликвидации безграмотности, к организации профессионально-технического образования. 31 мая К. Н. Самойлова написала еще одну статью, в которой вновь и вновь звала к просвещению, к культуре. Это была ее последняя статья. Вечером она почувствовала себя плохо, а через 3 дня ее не стало.

Конкордия Николаевна Самойлова умерла от холеры 2 июня 1921 года.

Ее труп был доставлен в Астрахань, где ее похоронили рядом с могилой ее мужа А. А. Самойлова.

Благородный труд мужественного пролетарского борца К. Н. Самойловой не пропал даром. Он живет в исторических победах Коммунистической партии, в завоеваниях Советского государства, в могучем движении советского народа к коммунизму.

ВЕРА СЛУЦКАЯ

ВЕРА СЛУЦКАЯ

В памяти народной сохранился незабвенный образ пламенной большевички Веры Слуцкой, героически погибшей на боевом посту в дни Великого Октября. С юных лет она посвятила себя борьбе за освобождение рабочего класса, и не раз царские жандармы томили ее в тюрьмах и ссылке. Все, кто знал Веру Слуцкую, помнят ее как человека кипучей, неиссякаемой энергии. Всегда бодрая, подтянутая, целеустремленная, она служила образцом для всех работавших с ней.

Мне пришлось работать с Верой Клементьевной в начале революции 1917 г. в Василеостровском райкоме партии Петрограда. Вера Слуцкая с раннего детства жила со своими родителями в черте оседлости, в обстановке нужды, горя и унижений. Она родилась в 1880 году на окраине Минска в крохотном полуразрушенном домишке, который занимала их семья. Как только Вера подросла, родители, работая с утра до ночи, все хозяйственные заботы переложили на ее плечи. Годы нужды и тяжелого труда закалили характер Веры, но не озлобили ее, а, наоборот, развили в ней доброе, заботливое отношение к людям. Сохранившаяся переписка с родителями свидетельствует о ее нежной любви и трогательной заботе о них.

Получив первоначальное образование в женской прогимназии (4-классное училище), Вера не удовлетворилась полученными знаниями и, самостоятельно подготовившись, сдала экстерном экзамены за курс гимназии.

После этого она уехала в Киев, где в результате непродолжительной учебы получила профессию зубного врача.

1898 год застает Веру Клементьевну в Минске, где она участвует в революционных кружках, разъясняет рабочим необходимость создания партии рабочего класса.

27 июня 1898 года Вера Слуцкая вместе со своим братом была арестована в связи с провалом подпольных типографий в Минске, Белостоке, Бресте и Гродно. Из Минска ее переправили в Москву, где она содержалась в пересыльной тюрьме. Тюремное заключение, длившееся около 9 месяцев и закончившееся высылкой на родину под надзор полиции, подорвало и без того слабое здоровье Веры Клементьевны, но не ослабило ее воли к борьбе с самодержавием.

После освобождения из тюрьмы Вера Клементьевна активно участвует в организации стачечной борьбы минских рабочих. 3 мая 1901 года она вновь была арестована и привлечена к следствию по обвинению «в принадлежности к социал-демократическому сообществу». На этот раз ее сослали в местечко Мир Новогрудского уезда, где она прожила год.

Едва дождавшись окончания срока ссылки, В. Слуцкая вопреки запрету полицейских властей едет в Москву. Но она не успела даже установить связи с подпольными организациями, как вновь была арестована. Ее выслали в Минск. Стремясь избавиться от преследования полиции, Вера Клементьевна 15 октября 1902 года уезжает в Германию, а оттуда в Швейцарию.

Там она встречается с партийными товарищами, много читает, изучает марксистскую литературу, участвует в дискуссиях политических эмигрантов. Но все это не удовлетворяло Веру Клементьевну. Ее тянет на родину, к работе, к борьбе, и 11 декабря 1902 года она возвращается в Минск. Здесь за ней немедленно был установлен тайный надзор. Шпики следовали по пятам, и ей вновь пришлось уехать за границу.

Живя в Швейцарии, она пристально следит за разрастающимися революционными событиями в России, переписывается с товарищами, получая от них информацию о работе партийных организаций, с которыми она была связана.

Осенью 1904 года Вера Слуцкая снова на родной земле. Она ведет энергичную агитационную и пропаган-

дистскую работу, но быть на свободе ей удалось недолго.

Полиция с первых дней ее возвращения установила секретное наблюдение за «опасной большевичкой» и спустя три с небольшим месяца арестовывает ее. Освобождение на этот раз пришло с началом революционных событий 1905 года. В бурные дни революции 1905 года она снова на боевом посту. Проводит в Минске массовки рабочих, выступает на митингах, ведет большую организационную работу.

Вера Слуцкая неоднократно выезжает за границу, участвует в конференциях, совещаниях социал-демократических организаций. В 1907 году принимает активное участие в работе Лондонского съезда партии. «Мне пришлось впервые встретиться с Верой на партийном съезде в Лондоне,— вспоминает К. Н. Самойлова,— на который она была делегирована от брянской соц. демократической организации. В течение целого месяца, пока продолжался съезд, я всегда поражалась той неутомимой энергией, которую проявляла Вера, проводя все свободное от заседаний время в беседе с товарищами, оживленно обсуждая с ними все вопросы, волновавшие съезд».

После Лондонского съезда Вера Слуцкая работает в Петербурге, где вместе с другими товарищами создает социал-демократические группы в союзе портных, работает в общегородском страховом центре и в Московском районе Петербурга. 15 ноября 1909 года она была вновь арестована и присуждена в административном порядке к высылке на три года в Архангельскую губернию. Но ей было разрешено ссылку заменить выездом за границу.

Три года Вера Клементьевна жила в Германии и Швейцарии. Здесь она не раз встречалась с В. И. Лениным. Вера Клементьевна говорила о нем с чувством большой любви и уважения. В. И. Ленин хорошо знал о революционной деятельности Слуцкой. Интересно отметить, что в письме в редакцию «Правды» от 8 сентября 1912 года он просит по 1 экземпляру «Правды» и «Невской звезды» посылать в Берлин в адрес В. Слуцкой.

В 1913 году В. К. Слуцкая возвращается в Петербург и немедленно включается в партийную работу. Член партии И. Шувалов вспоминает один интересный

эпизод, характеризующий партийную принципиальность Веры Слуцкой.

«В 1913 году мне довелось присутствовать на собрании рабочих-поэтов в буфете Народного дома графини Паниной. Там обсуждался вопрос об отношении рабочих поэтов к меньшевистской газете «Луч».

Обсуждение этого вопроса было вызвано тем, что отдельные рабочие-поэты, печатавшиеся в «Правде», пошли на приманку меньшевистской газеты, которая стала платить им по 25 коп. за строчку.

В ответ на требование председателя собрания объяснить свое поведение один из поэтов ответил: «Я поэт и, где хочу, там печатаюсь».

Тогда, стоявшая рядом со мной невысокого роста худенькая женщина, глядя в упор на выступившего, медленно и четко произнесла:

«За четвертак со строчки продаете свою совесть буржуазной содержанке? Где же ваше пролетарское достоинство?» Все оглянулись. Это была Вера Слуцкая».

В декабре 1913 года полиция вновь сажает Веру Слуцкую в тюрьму. Это был ее шестой арест. В. К. Слуцкой предъявляется обвинение в принадлежности к социал-демократической большевистской организации. Провокатор, пробравшийся на собрание, после которого она была арестована, доносил охранке: «Наиболее непримиримой во время дебатов... выказала себя, присутствовавшая на этом собрании, некая «Вера»...» В. Слуцкую выслали в Новгородскую губернию. Она поселилась в Любани.

Благодаря близости расстояния от столицы не раз она выбиралась в Питер, добывала там нелегальную литературу, поддерживала связи с партийной организацией.

К. Н. Самойлова, которая очутилась в ссылке вместе со Слуцкой, вспоминала: «Оторванная невольно от жизни, центра, Вера, как и прежде, продолжала жить интересами партийной жизни, уезжая время от времени тайком, контрабандой, от надзора полиции, с места своей ссылки в Питер, чтобы узнать, что делается в партии, как ведется партийная работа. Она продолжала чем могла поддерживать нашу организацию, загнанную тогда в подполье, посылая ей то денежные пожертвования, то какую-нибудь статью в рабочую печать».

По воспоминаниям П. Ф. Куделли, которая в 1914 году была арестована за участие в проведении женского дня и тоже сослана в Любань, Вера Клементьевна была вся порыв к действию, к борьбе. Очутившись в ссылке и обреченная на длительное бездействие, она тосковала. Но настроение резко менялось, стоило только получить весточку из Питера.

Е. В. Осьминская вспоминает, как в 1916 году она, 17-летняя петербургская студентка, получила задание большевика-подпольщика Э. Э. Эссена отвезти на станцию Любань аптечку с медикаментами и передать ее по соответствующему адресу.

«На станцию Любань,— рассказывает Е. Осьминская,— я приехала через 3—4 часа. Любань в то время была заштатным городишком. Огромные сугробы снега, у вокзала 3—4 извозчика и клячи, дома преимущественно одноэтажные, деревянные, вывески свидетельствовали, что здесь продаются крендели, а тут живет парикмахер Жан...

Найдя нужный адрес, я постучала, и когда дверь открыли, произнесла условную фразу: «Вы обещали поставить мне пломбу, если я принесу вам фарфор»».

В комнате, где Осьминская дожидалась, когда зубной врач освободится (Вера Клементьевна занималась зубоврачебной практикой), стоял шкаф с книгами русских, немецких, английских авторов. На стенах висели портреты Некрасова, Чернышевского, Белинского, Добролюбова.

Освободившись, хозяйка вышла к гостье, распечатала аптечку, вынула из нее записку, прочитала.

«Показавшаяся мне вначале очень суровой, сосредоточенной, думающей о чем-то далеком,— говорит Осьминская,— Вера Клементьевна теперь смотрела на меня потеплевшим взором своих темных глаз.

«Спасибо, товарищ,— сказала она уже совсем ласково, обняла и крепко поцеловала,— скажите дяде Эде (Э. Э. Эссену), что мы ждем Вас с хорошими вестями еще раз».

«Спасибо, товарищ». Эта фраза поразила меня. Я поняла, что выполнила какое-то важное партийное поручение, за что Вера Клементьевна поблагодарила, назвав меня «товарищем»».

Едва до Слуцкой дошли первые вести о февральской революции, как она вновь примчалась в Петроград.

10 марта Слуцкая уже участвует в заседании Петроградского комитета партии большевиков.

Прекрасно понимая, какое значение имеет вовлечение женщин в революционное движение, Вера Клементьевна в своей работе уделяет большое внимание активизации женщин, развертыванию воспитательной работы среди них.

Исполнительная комиссия Петроградского комитета поручает ей организацию работы среди работниц. И уже спустя три дня Вера Слуцкая в своем выступлении на заседании ПК говорит о тех мероприятиях, которые необходимо осуществить, чтобы возглавить растущую общественную активность женщин и направить ее в русло политической борьбы.

На созванном большевиками женском митинге Выборгской стороны работницы требуют всеобщего избирательного права, введения законодательства об охране материнства и страховании работниц, введения выборного института фабричных инспекторов с участием представителей от работниц.

Докладывая об этом, Слуцкая вносит предложение создать при ПК бюро работниц, возобновить издание журнала «Работница», издать серию листовок и брошюр. Спустя два дня она разработала проект решения ПК о работе среди женщин. На заседании ПК при утверждении проекта решения Слуцкая присутствовать не могла, будучи занята неотложным делом, и поэтому она в конце проекта делает следующую приписку:

«Товарищи, если вы одобрите.., немедленно отправьте в «Правду» заметку, что бюро существует. Укажите, что также и для провинции.

Прошу на собрании ПК передать всем товарищам, чтобы они проводили выборы в своих районных комитетах для бюро. Пусть *пекисты* возьмут на себя инициативу созыва широких женских собраний, т. е. митингов по районам. Адрес, вечер, час этих митингов должны быть напечатаны в «Правде»».

Проект решения, разработанный В. Слуцкой, был принят ПК.

В. К. Слуцкая, прикрепленная Петроградским комитетом к Василеостровскому району, вскоре стала секретарем райкома. Большую часть своего времени она проводила па заводах, фабриках, в солдатских казармах, на кораблях флота. Это был настоящий большевик, живший с массами и для масс. Среди рабочих и работниц она чувствовала себя в своей стихии. Очень многие в районе знали ее лично, останавливали на улице, радостно приветствовали.

Я иногда поражался, как обширен круг знакомых Веры Клементьевны в нашем районе, как много людей она помнит, знает их имена, их нужды.

Она была очень требовательна. Но она искренне любила людей, и люди отвечали ей тем же.

Мягкая, душевная, чуткая, она была непримирима к врагам. Дралась она с ними беспощадно, но всегда была выдержанна и тактична.

Враги люто ненавидели Веру Слуцкую, друзья горячо любили ее.

Живую работу с людьми Вера всегда предпочитала всяким заседаниям, хотя никогда ими не пренебрегала. Она постоянно была на фабриках, заводах, в казармах и в то же время поспевала на все важные заседания райсовета, райкома, ПК. Всем своим существом она понимала значение непосредственного общения, связи с массами.

В том, что нам па Васильевском острове в период между Февралем и Октябрем удалось прочно завоевать рабочие и солдатские массы, вырвав их из-под влияния меньшевиков и эсеров, большая заслуга принадлежала Вере Слуцкой.

Бывший рабочий завода Сименс-Гальске Г. Ф. Петров называет Веру Слуцкую другом молодежи. Он рассказывает, как она организовывала молодежь на Васильевском острове.

«Опыта у нас, молодых рабочих, не было никакого. Она часто бывала у нас, учила нас, что надо делать, чтобы укрепить влияние партии среди молодежи».

Роль Веры Слуцкой в сплочении рабочей молодежи и усилении большевистского влияния на нее не ограничивалась Василеостровским районом. Как делегат II общегородской конференции большевиков в июле 1917 года

и VI съезда партии она принимала активное участие в обсуждении вопроса о работе среди молодежи, рассказывала о работе молодежных организаций за рубежом.

Вера Клементьевна была горячим сторонником создания социалистического союза молодежи, который работал бы под идейным руководством партии.

3 апреля 1917 года Вера Клементьевна участвует в организации встречи Владимира Ильича на Финляндском вокзале. Она была избрана делегаткой от Петроградской организации на Апрельскую партийную конференцию. Вера Клементьевна была в числе тех, кто вел энергичную борьбу за исторические Апрельские тезисы Ленина, ориентировавшие партию на переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, на переход всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов.

Вера Слуцкая присутствовала и выступала на историческом заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 16 октября 1917 года, когда решался вопрос о вооруженном восстании.

Руководимый В. К. Слуцкой Василеостровский район в предоктябрьские дни был одним из наиболее сплоченных, большевистски настроенных районов столицы и организованно принял участие в вооруженном восстании.

Когда войска контрреволюции, возглавляемые Керенским и Красновым, начали наступление на революционный Петроград и стали угрожать существованию только что завоеванной власти Советов, Вера Слуцкая целиком отдается работе, направленной на разгром керенщины.

Она выезжает на фронт, организует снабжение солдат продовольствием; пламенными речами воодушевляет бойцов на героические подвиги.

30 октября ранним утром Вера Слуцкая в сопровождении двух товарищей отправилась на передовые позиции, находившиеся в районе Пулково.

На обратном пути автомашина попала под огонь блиндированного белогвардейского поезда. Вера Клементьевна была убита прямым попаданием снаряда.

Я был в Петрограде в день ее смерти. Известие о ее гибели моментально облетело весь город и вызвало глубокую скорбь трудящихся.

Рабочие и работницы различных заводов возложили много венков на ее могилу. Вот надписи на некоторых из них:

«Дорогому товарищу Вере Клементьевне, павшей в бою за свободу 30 октября» — от Трубочного завода;

«Безумству храбрых поем мы песню» — от Василеостровского районного С.Р. и С.Д.;

«Вечная память борцу, оставшимся — вечный пример» — от Василеостровского районного комитета РСДРП (большевиков);

«Долгая и светлая память Вере Слуцкой» — от Военноподковного завода;

«Ты смерть геройскую приняла за лозунги и права бедноты» — от Балтийского судостроительного завода.

В статье «Правды», посвященной памяти Веры Слуцкой, говорилось:

«Пусть перельется в Вас ее не знавшая покоя энергия, и пусть той же верой, верой в торжество великих свободолюбивых идеалов человечества, загорятся ваши глаза».

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА СМИДОВИЧ

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА СМИДОВИЧ

Небольшая, пожелтевшая от времени фотография. Молодое лицо, обрамленное пушистыми волосами. Яркие, лучистые глаза — от них трудно оторваться,— какая-то чистота и доброта во взгляде. Весь обаятельный облик напоминает девушек тургеневских романов. Это Софья Николаевна Смидович в юности. Старинная фотография хранится в небольшом семейном альбоме ее детей — Сони и Глеба.

В памяти тех, кому приходилось встречаться с Софьей Николаевной, воскресает образ замечательного большевика, человека большой души и светлого ума. Простая, улыбчивая, с неистощимой энергией, всегда в работе, всегда окруженная людьми. Отзывчивость и мягкость сочетались у нее с большой принципиальностью. Старые друзья и товарищи по партии, с которыми Софья Николаевна прошла большую жизнь, называли ее «неповторимая».

* *
*

В семье мелкопоместного тульского дворянина Николая Петровича Черносвитова 8 мая 1872 года родилась дочь Соня. Черносвитов был известный в Туле адвокат. С большим трудом он пробил себе дорогу в жизнь и «вышел в люди». Крестьяне говорили о нем: «Мальчиком в лапотках бегал, а сейчас адвокатом стал».

Мать Сони — Александра Ивановна Пушкина в юности была учительницей. Женщина умная, самобытная, она не чужда была освободительных идей 40—60-х годов, но после замужества замкнулась в своей усадьбе — четверо

детей и хозяйство заполнили ее жизнь. Соня унаследовала черты сильного характера отца: крепкую волю и удивительную работоспособность.

Недалеко от Тулы, в селе Щучье, Веневского района, у Черносвитовых было небольшое имение. Оно по наследству перешло от семьи Пушкиных. На лето вся семья приезжала в Щучье. Просторный двухэтажный дом был окружен тенистым парком. В широких липовых аллеях много цветов, а дальше, за парком, фруктовый сад. С балкона чудесный вид на луга и обрывы, а внизу, под горой, река Осетр. Любимым местом гулянья молодежи была дорога к обрывам и каменная гора. Соня с братьями любила ходить «в каменную гору к святым колодцам» — так называли это место крестьяне.

В эти светлые годы юности Соня мечтала стать сельской учительницей. В селе Щучье школы не было, детей учил дьячок в крестьянской избе. Когда Соня окончила гимназию и в семье Черносвитовых заговорили о приданом для дочери, как водилось в те времена, она уговорила отца вместо приданого выстроить в селе Щучье школу. Это было не просто: земство запрещало строить школу, пока в селе не выстроена церковь. Но все же Черносвитову удалось выполнить желание своей любимой дочери, и в Щучье была открыта трехклассная школа. Задолго до начала занятий Соня обходила избы, уговаривала крестьян послать учиться не только всех мальчиков, но и девочек, которых заставляли сидеть за прялкой.

В семье Черносвитовых часто бывали революционно настроенные студенты, товарищи старшего брата Софьи Николаевны Николая; изредка появлялся дальний родственник отца, который за революционную деятельность был сослан в Якутскую губернию. Пример его мужественной жизни, революционные идеи увлекали девушку.

По окончании гимназии Соня переехала в Москву и поступила на педагогические курсы. Отец ежегодно присылал ей со своей сестрой Пашей полное «приданое» — белье, платье, обувь. А когда через год тетя Паша опять появлялась в Москве, у Сони уже ничего не оставалось — она все раздавала товарищам.

В частном пансионе, где жила Софья Николаевна, она познакомилась с врачом-хирургом Платоном Васильеви-

чем Луначарским (старшим братом А. В. Луначарского) и вышла за него замуж. Луначарский был социал-демократ, позднее он стал членом первого Московского комитета РСДРП. Так Софья Николаевна вошла в среду революционеров.

Мечта стать учительницей не осуществилась, место в школе получить не удалось, и Софья Николаевна с мужем вернулась в родные места. Она стала учить детей в селе Щучьем. Анисья Павловна Шпряева, которой сейчас уже 77 лет, была первой ученицей в этой школе. Она вспоминает, как Соня сама покупала для ребят учебники, как наиболее способным помогала учиться дальше (многие из ее учеников стали потом учителями), как знакомила крестьянскую молодежь с запрещенной литературой.

В 1894 году Софья Николаевна с больным мужем уехала за границу. У Платона Васильевича было тяжелое заболевание, и в Париже ему делали сложную операцию.

За границей Софья Николаевна познакомилась с работой группы «Освобождение труда», с ее деятелями Г. В. Плехановым и В. И. Засулич, встречалась с социал-демократами, бывшими в эмиграции, изучала положение рабочих Франции. Это ей давалось легко, так как она знала французский язык не хуже русского.

Осенью 1898 года Софья Николаевна с мужем и дочкой Таней, которая родилась в Париже, приехала в Москву.

Жизнь за границей помогла Софье Николаевне определить свои взгляды. В Россию она вернулась убежденной социал-демократкой и в том же году вступила в партию. В анкете, которую она заполняла при вступлении в общество старых большевиков в 1922 году, на вопрос, что ее побудило вступить в партию, Смидович ответила: «Недовольство существующим строем, изучение Маркса, знакомство с деятельностью группы «Освобождение труда» за границей».

От группы «Освобождение труда» Софья Николаевна получила явку в Москву к сестре В. И. Ленина Анне Ильиничне Елизаровой. С этого первого знакомства началась большая дружба Софьи Николаевны со всей семьей Ульяновых. С увлечением взялась Софья Николаевна за партийную работу, принимала участие в организации

первого Московского комитета партии, куда вошли А. И. Ульянова, П. В. Луначарский и М. Ф. Владимирский. Она создавала кружки, налаживала связь с передовыми рабочими, знакомила их с нелегальной литературой, рассказывала о рабочем движении в Западной Европе. Об этой трудной кропотливой работе Софья Николаевна пишет в своих воспоминаниях, помещенных в сборнике «На заре рабочего движения».

«После больших арестов в 1896—1897 годах, казалось, в Москве не осталось ничего живого,— вспоминает она.— Все попытки что-то организовать оканчивались провалом» [1].

Но, несмотря на трудности, Московский комитет создал группу пропагандистов. Среди них была и Софья Николаевна. Она связалась с рабочими через Пречистенские вечерние курсы, но оттуда ее быстро удалили — начальство не утвердило учительницу с фамилией Луначарская, хорошо известной полиции.

В феврале 1901 года Московский комитет решил устроить демонстрацию в поддержку демонстрации студентов. Софья Николаевна приняла горячее участие в ее подготовке.

«Никогда не забуду подъема, который сопровождал приготовления к этому неудавшемуся выступлению,— пишет С. Н. Смидович.— Знамена розданы, день, час и сборный пункт намечены. В ночь на первое марта 1901 года мы все были арестованы». Виновником провала, как стало известно позже, была некая А. Е. Серебрякова, оказавшаяся провокатором [2].

Маленькая Таня, которую не с кем было оставить, вместе с матерью попала в тюрьму. Вскоре из Тулы за ней приехал дед Н. П. Черносвитов, но девочка не хотела уходить от матери. Никакие уговоры не помогли, и пришлось пойти на хитрость: была открыта дверь камеры, и Таня, увидев в коридоре дедушку, бросилась к нему.

[1] «На заре рабочего движения», Госиздат, 1919, стр. 131.

[2] А. Е. Серебрякова по кличке охранки «Дама Туз» в течение 25 лет служила в секретной полиции как штатный осведомитель. В 1925 году ее дело рассматривал Московский губсуд. Свидетелями выступали А. В. Луначарский, С. Н. Смидович и другие старые большевики.

А в этот момент захлопнулась дверь. На всю жизнь запомнила Таня, как ее, несмотря на слезы и крик, уносили из тюрьмы.

В тюрьме с Платоном Васильевичем случился удар. Его жизни грозила опасность, поэтому его выпустили раньше Софьи Николаевны. Начались хлопоты об ее освобождении в связи с тяжелым заболеванием мужа. В ноябре 1901 года Софью Николаевну выпустили из тюрьмы, и она уехала в Тулу, где под особым надзором полиции находился больной Платон Васильевич.

В Туле работала сильная социал-демократическая организация. Софья Николаевна установила с ней связь и начала пропагандистскую работу. В конце 1902 года она снова была арестована. Дома оставались больной муж и маленькая дочка. Через полгода Софья Николаевна была освобождена и вновь включилась в партийную работу.

14 сентября 1903 года в Туле состоялась демонстрация в связи с годовщиной ростовской стачки — этого крупнейшего выступления рабочих накануне первой русской революции. Вслед за демонстрацией по заводам и фабрикам прокатилась волна забастовок. Начались массовые аресты, Софья Николаевна опять попала в тюрьму. Вырваться на свободу на этот раз удалось только через год. Софья Николаевна с тяжело больным мужем — у него были парализованы рука и нога — и с дочерью выехала в Киев, где ей предписано было жить под гласным надзором полиции.

В 1903—1904 годах в Киеве жили большевики — Г. М. Кржижановский с женой Зинаидой Павловной, Мария и Анна Ульяновы, А. Г. Шлихтер, П. Г. Смидович, работавший в Южбюро ЦК, а также писатель В. В. Вересаев, двоюродный брат П. Г. Смидовича.

Старая большевичка А. С. Карпова (ныне директор Исторического музея) рассказывает, как она узнала о том, что в Киев приехали Луначарские.

«Под новый год 31 декабря 1903 года в Киевскую тюрьму привезли сестер Владимира Ильича — Анну и Марию Ульяновых — и Зинаиду Кржижановскую. Весть об этом сразу облетела Лукьяновку. После II съезда партии шли массовые аресты. Моя камера находилась в одном коридоре с камерой, где сидели Ульяновы. От них

я и узнала о приезде Софьи Николаевны, но познакомилась с ней только через год, когда вышла из тюрьмы. Софья Николаевна была похожа на курсистку. Выразительное лицо, живые карие глаза, небольшой прямой нос, гладко причесанные каштановые волосы. Она тогда очень беспокоилась о больном муже, на руках у нее была маленькая Таня, но она живо интересовалась жизнью партии, вела рабочие кружки на Подоле, выполняла поручения областного бюро ЦК».

В декабре 1904 года Платону Васильевичу стало хуже, после сильного приступа болезни и неудачной операции он скончался. Тяжело пережила Софья Николаевна смерть мужа. Она вышла замуж совсем юной. Платон Васильевич был значительно старше ее, много болел. Последние годы его жизни она почти не отходила от больного, возила в коляске, старалась облегчить его страдания.

В начале 1905 года правительство объявило амнистию. Софья Николаевна решила вернуться в Москву. По дороге она заехала в Тулу и задержалась там.

Январские события 1905 года в Петербурге — расстрел рабочих у Зимнего Дворца — вызвали массовые стачки. На заводах Тулы бастовало до 40 тысяч рабочих. Революционными выступлениями руководила большевистская организация.

«В Туле шла открытая борьба рабочих с реакционными силами. Происходили вооруженные столкновения и уличная борьба с черной сотней. Среди рабочих было много жертв. Наши собрания проходили под вооруженной охраной рабочих. Настроение было тревожное»,— вспоминает Софья Николаевна.

В те дни погиб ее брат Алексей Черносвитов. Он утонул, спасаясь от черносотенцев, после выступления на митинге.

Секретарем Тульского комитета партии была П. Ф. Куделли. Она должна была ехать на Таммерфорсскую партийную конференцию, и обязанности секретаря Комитета были возложены на Софью Николаевну.

После разгрома революции в Туле начались массовые аресты. Полиция хватала то одного, то другого.

«Несколько ночей я уже не ночевала в своей квартире,— пишет Софья Николаевна.— Ясно было: вот-вот

меня арестуют. Оставшиеся товарищи разъехались кто куда. Я выехала в Москву и немедленно начала пропагандистскую работу в Хамовниках, в Бутырском и Рогожско-Симоновском районах, на заводе «Гужон»».

С возвращением в Москву началась новая полоса в жизни Софьи Николаевны. Она поселилась в небольшой квартире на Страстной. Работать было трудно. Нужна была умелая конспирация.

Просто одетая, худенькая, небольшого роста, скромная женщина, безраздельно отдававшая себя революционной деятельности, Софья Николаевна пользовалась большой любовью среди товарищей по партии, среди рабочих.

В 1906 году Софья Николаевна вышла замуж за Петра Гермогеновича Смидовича. Их связывала многолетняя дружба, которая началась еще за границей.

В апреле 1910 года у нее родился сын. Петр Гермогенович в это время находился в ссылке в селе Верховажье, Вологодской губернии, и Софья Николаевна с двухмесячным сыном выехала к нему. К осени она вернулась в Москву и немедленно включилась в партийную работу: выполняла поручения партии по связи с заграницей и работала в финансовой комиссии МК партии.

В декабре 1910 года Софья Николаевна была арестована на нелегальной квартире, где полиция устроила засаду. Положение создалось трудное: она не могла сказать, где живет, так как у нее на квартире могли найти партийную литературу и корректуру нелегальной брошюры, которую в этот день должны были ей принести. А дома был грудной ребенок и малолетняя дочь, не понимавшая, куда девалась мать.

Три дня Софья Николаевна скрывала свой адрес. За это время товарищи, узнавшие об аресте Софьи Николаевны, спрятали все нелегальное и приютили детей. Когда на квартиру пришли с обыском, то там уже ничего не нашли. Узнав об аресте Софьи Николаевны, Владимир Ильич в январе 1911 года в письме к матери, жившей в Саратове, сообщает:

«В Москве заболела Танина мать».

«Заболела» — это значило арестована.

Вскоре из ссылки вернулся Петр Гермогенович. Он

забрал детей и уехал к брату в имение Зыбино. Софья Николаевна вернулась из тюрьмы только осенью.

Полиция не разрешила ей жить в Москве, и семья Смидовичей поселилась в Калуге. Петр Гермогенович поступил рабочим на строительство электростанции. Прошло два года. Это было тяжелое время в жизни Софьи Николаевны, она была оторвана от партийной организации, от работы и литературы.

В 1912 году у Софьи Николаевны родилась дочь Соня. Семья, дети требовали все больше времени и внимания. Софье Николаевне приходилось делить свое время между партийной работой и детьми.

Тюрьма и ссылки часто заставляли Софью Николаевну бросать детей на попечение бабушек, тетушек или няни.

«Недоласканные, недовоспитанные» — с болью называла Софья Николаевна своих детей.

Шел 1914 год. Срок ссылки окончился. Софья Николаевна возвращается в Москву. Петр Гермогенович в это время работал на московской электростанции «общества 1886 года» и руководил здесь подпольной организацией большевиков. Началась империалистическая война. Софья Николаевна твердо стоит на ленинских позициях пораженчества, считая, что поражение в войне неминуемо ускорит революцию.

Вместе с товарищами В. А. Обух, В. П. Ногиным, И. И. Скворцовым, В. П. Милютиным Софья Николаевна вела большую пропагандистскую работу в рабочих районах.

После Февральской революции, когда партия вышла из подполья, Софья Николаевна начала работать секретарем Московского областного бюро ЦК и в комиссии по работе среди женщин при областном бюро, которая в эти дни была создана.

Наступили горячие дни Октября. Софья Николаевна связывается с заводами, организовывает продовольственное дело в Хамовниках, дежурит в райкоме партии.

После победы Октябрьской революции она в 1917 году была секретарем Президиума Моссовета, заведовала его информационным бюро.

В 1918 году Софья Николаевна работает в Московском отделе народного образования (МОНО). Это было

трудное дело. Нужно было нащупать новые пути и формы работы, широко развернуть воспитательную работу не только среди учащихся, но и среди учителей.

Софья Николаевна умела угадывать, отыскивать людей, растить и выдвигать их. Сколько учителей и работников народного образования обязаны ей советами и помощью в работе.

Вот что рассказывает об этом старый деятель в области народного образования Р. Орлова, которая в первые годы революции заведовала дошкольным отделом Москвы.

Осень 1919 года. Деникин под Тулой. В Москве голодно, нет топлива. Кое-кто предлагал закрыть детские сады, так как их нечем было отапливать.

Помогла Софья Николаевна. Она посоветовала обратиться к делегаткам-работницам. Она всегда говорила: «Вы не знаете, что делать? Идите к рабочим, они вам подскажут и научат». Созвали совещание делегаток и дошкольниц, и они нашли выход: решили разобрать ветхие, непригодные для жилья дома. Это и было сделано.

Софья Николаевна была тесно связана с массами, была перед ними искренна и правдива.

Был такой случай.

В тяжелое для революции время, в 1918 году, на одной из фабрик Сокольнического района забастовали работницы. Они требовали хлеба. Софья Николаевна приехала на фабрику. Она ничего не скрывала от женщин и ничего не обещала. «Да, нет хлеба, нет продуктов. Мы окружены, Советскую власть надо защищать от интервентов». Она звала работниц поддержать фронт, иначе Советской власти не устоять. Ее откровенные, прямые слова убедили работниц, и они прекратили забастовку.

Война лишила многих детей их родителей. Станции, вокзалы, поезда кишели беспризорными. Надо было собрать и приютить ребят. В 1920 году Софья Николаевна организовала агитвагон, который шел по пятам отступающего Деникина от Москвы до Краснодара. С агитвагоном была послана Ивановская ткачиха Мария Федоровна Икрянистова (партийная кличка Труба).

«Поезжай Трубушка,— говорила Софья Николаевна,— надо спасать ребят».

С Украины, из самого бандитского пекла — Богодухова, где тогда гулял Махно, приехала в Москву на совещание женотделов Екатерина Филатова.

«Я была больная, голодная, холодная,— рассказывает она.— Софья Николаевна взяла меня к себе домой, обмыла, перевязала, накормила. Я помню маленькие, низкие комнатки где-то в Шубинском переулке, пузатый самовар, керосиновую лампу, и много людей за столом. Разговоры шли далеко за полночь. Была и Надежда Константиновна Крупская, она рассказывала в этот вечер о съезде политпросветов, где делал доклад Владимир Ильич».

С. Т. Любимова рассказывает, как Софья Николаевна спасла ей жизнь. Дело было так. Ее как инструктора отдела работниц ЦК партии послали в Оренбург. Командировка оказалась трудной. После голодного 1921 года пассажирское движение в Поволжье было прекращено, шли маршруты с хлебом, приходилось с одного маршрута перебираться на другой. В Самаре Любимова пересела на пароход. Всю палубу забили крестьяне, возвращавшиеся в свои деревни. В Симбирске ее сняли с парохода, она заболела сыпным тифом. Об этом сообщили Софье Николаевне, и в тот же день губком партии получил телеграмму за подписью В. В. Куйбышева с просьбой оказать Любимовой помощь. Софья Николаевна вызвала из Самары мать Любимовой для того, чтобы она ухаживала за больной.

«Не вылезла бы я из сыпняка, если бы не помощь Софьи Николаевны»,— говорит т. Любимова.

Забота о людях, помощь всем, кто нуждался в ней, как бы освещали всю жизнь Софьи Николаевны. Потому так тянулись к ней люди, потому дом Смидовичей всегда был открыт для друзей и знакомых.

Все хозяйство в семье Смидовичей вела Мария Ивановна, многие годы жившая у них. Она полностью освобождала Софью Николаевну от домашних забот. В большой семье Смидовичей, кроме своих трех детей и дочки Марии Ивановны, воспитывались два племянника и подруга их младшей дочери — Галя Некрасова, которая жила у них с четырнадцати лет до замужества.

Наиболее яркая полоса жизни Софьи Николаевны связана с работой среди женщин. Шесть лет отдала она

этому трудному делу: с 1919 года до 1922 года она заведовала женотделом Московского комитета, а с 1922 по 1924 год — женотделом ЦК партии. За работу среди женщин С. Н. Смидович была награждена орденом Ленина. В большую, сложную работу с широкими слоями работниц и крестьянок Софья Николаевна вкладывала много сил, знаний и душевного тепла.

С неистощимой энергией боролась Софья Николаевна за бытовое раскрепощение женщин. Она добивалась создания возможно большего количества детских яслей, детсадов, столовых и прачечных.

Большое внимание Софья Николаевна уделяла делегатским собраниям, через которые в первые годы Советской власти партия была связана с массой трудящихся женщин. Делегаток выбирали из передовых работниц и крестьянок, и они являлись надежными помощниками партии во всех областях жизни. «Все для фронта»,— призывала партия, и делегатки собирали теплые вещи, шили белье для бойцов Красной Армии.

Старый член партии, бывшая ивановская ткачиха Пелагея Яковлевна Воронова, которая заведовала женотделом в Иваново-Вознесенске, вспоминает, как по просьбе Софьи Николаевны она организовала пошив белья для красноармейцев: «Получили мы три миллиона метров ткани, надо было пошить белье для бойцов. Мы всю ткань быстро раздали работницам, а адреса я не догадалась записать. Меня начали ругать: «Как теперь ты соберешь белье? Три миллиона метров — это не шутка». Я дала объявление через нашу газету «Рабочий край», и с утра у женотдела уже выстроилась очередь, работницы принесли белье. А когда проверили, оказалось, что нам сдали даже лишку, разные теплые вещи, шапки, что у кого было».

М. Ф. Икрянистова вспоминает, как из женотдела, от Софьи Николаевны, пришла просьба помочь больным и раненым красноармейцам. Эшелоны прибывали за эшелонами, а разгружать некому. Делегатки на себе вытаскивали раненых из вагонов, отправляли в госпитали, мыли, стригли, ухаживали за ними.

Женотдел ЦК партии в 1922 году находился на Воздвиженке в доме № 5. Здесь же на первом этаже помеща-

лась редакция журнала «Работница». Редактором была Софья Николаевна. Она заказывала статьи, просматривала рукописи, привлекала к участию в журнале работниц, писателей и поэтов.

Аппарат женотдела ЦК был небольшой. Всего несколько инструкторов, которые почти постоянно были в разъездах. Софья Николаевна всегда с нетерпением ждала их возвращения из командировок.

«Когда вы приезжаете,— любила говорить она,— у нас в отделе словно форточка открывается».

Равнодушной Софья Николаевна никогда не была. Сдвинет очки на лоб, и внимательно слушает, а потом начинает неторопливо расспрашивать.

Большую радость доставляли Софье Николаевне поездки на заводы и фабрики. Здесь она вникала во все мелочи жизни работниц. Старый член партии Александра Васильевна Артюхина, которая в первые годы революции была председателем фабкома на текстильной фабрике «Пролетарка» в Твери, рассказывает, что, когда Софья Николаевна приехала однажды к ним на фабрику, она дней шесть ходила по цехам и казармам. «Она хотела знать все: как живут работницы, как работают, есть ли столовые, ясли. На фабрике было 15 тысяч рабочих, и жили в те годы еще плохо. Мы открывали тогда новый клуб в помещении бывшего женского монастыря, а то собираться негде было, рабочим приходилось на собраниях «дубом» стоять. Замучили мы Софью Николаевну, а ведь она уж пожилая была. Проводила беседы, выступала на собраниях, в казармах».

На 24 января 1924 года женотделом ЦК партии было созвано в Москве пятое совещание работников среди женщин. Это совпало с траурными днями, когда тяжелое горе потрясло весь мир — умер В. И. Ленин. Совещание открылось похоронным маршем. Все было подчинено одной цели — как лучше выполнить заветы Ленина.

Отчет о работе среди женщин делала С. Н. Смидович. Она подводила итоги за два года и, как всегда, смело и четко намечала пути дальнейшей работы партии среди женщин. Говорила просто, без особых ораторских приемов.

В докладе много говорилось о положении работниц, так как женщины, как менее квалифицированные, чаще

подвергались сокращению. Вопрос стоял о сохранении кадров работниц, о повышении их квалификации.

Кроме основной работы в ЦК партии и в журналах «Работница» и «Коммунистка», Софья Николаевна всегда была загружена докладами, статьями, брошюрами. Отказываться от работы она не умела, хотя уставала и чувствовала себя нездоровой.

Характерно в этом отношении письмо ее сына Глеба к отцу.

«У нас все хорошо, за исключением того, что мама ведет себя на 2—. Тебе следует сделать ей внушение».

25 июня 1922 года он снова пишет: «Мама уже целую неделю не заглядывает к нам в Серебряный Бор, а отпуск возьмет не раньше 1 июля».

7 июля Глеб пишет: «Мама, конечно, не исполнила своего обещания, отпуска не взяла».

Свой отпуск Софья Николаевна проводила с детьми на даче в Серебряном Бору. Это место любила вся семья и особенно Софья Николаевна. Дача, арендованная у Моссовета, была очень скромная, в ее вкусе. Весной в саду бело-розовым цветом покрывалась аллея вишен, расцветала белая акация — подарок Мичурина. П. Г. Смидович был страстным любителем цветов.

Бытовой уклад семьи Смидовичей был очень простой. Софья Николаевна не выносила никаких излишеств. Она любила простоту во всем: и в отношениях с людьми и в быту — простая одежда, простая мебель, простая посуда, простая еда. В ее комнате все было по-студенчески просто: кровать, письменный стол у кровати и книжная полка.

В доме Смидовичей часто звучала музыка. До сих пор в квартире детей стоит пианино, на котором любил играть отец. Часто в доме устраивались семейные концерты. Больше всего здесь любили Бетховена.

В большой семье Смидовичей всегда поддерживался шутливый тон. Софья Николаевна не умела сердиться.

«Мама никогда не пилила, не ворчала, не упрекала, она скорее могла посмеяться над нашими промахами или серьезно поговорить, причем всегда говорила тихо, спокойно, но очень твердо»,— рассказывает ее младшая дочь Софья Петровна.

Бюджет семьи был ограничен, а семья была большая.

Восьмого марта в семье Софьи Николаевны всегда был большой праздник. В этот день собиралось много женщин, старые друзья Софьи Николаевны: Н. К. Крупская, Анна Ильинична Елизарова и Мария Ильинична Ульянова. Бывала и Клара Цеткин. Велась задушевная, оживленная беседа, споры, смех и шутки, разговоры обо всем, чем жила страна.

На XIV съезде партии в 1925 году Софья Николаевна была избрана в члены Центральной контрольной комиссии.

Предельная честность и принципиальность помогли ей успешно справиться с новыми обязанностями. Она решала вопросы независимо от чинов и рангов, проявляла товарищескую чуткость и внимание к людям и этим завоевала большой авторитет. В ЦКК у нее обычно бывало много посетителей. Софья Николаевна умела терпеливо выслушать каждого, умела спокойно выяснить самый запутанный вопрос.

В последние годы Софье Николаевне много приходилось заниматься вопросами быта. Она делала доклады для молодежи, писала статьи, участвовала в диспутах. На страницах «Правды» 24 марта 1925 года была помещена ее статья «О любви». Статья была посвящена девушкам и призывала их к борьбе за здоровый быт, за коммунистическую мораль.

Софья Николаевна, несмотря на упадок сил, работала много и напряженно, вечерами, когда в доме все затихало, долго еще горел свет в ее комнате. Вставала она раньше всех — в пять утра и задолго до того, как в доме начиналась жизнь, сидела за письменным столом.

После XVI съезда партии в 1930 году Софья Николаевна перешла на более спокойную работу — заместителем председателя Комитета по улучшению труда и быта работниц при Президиуме ВЦИК СССР. Наряду с этим она много внимания уделяет литературной работе.

С 1927 по 1931 год вышло несколько книжек С. Н. Смидович: «ВКП(б) и крестьянка», «Работница и крестьянка в Октябрьской революции»; к десятилетию первого съезда работниц и крестьянок под ее редакцией вышел сборник «Путь нашего роста», затем книги «Для чего нужна

смычка работниц и крестьянок», «Работница и быт», сборник статей «О культуре и быте» и другие. По заданию ЦК партии Софья Николаевна написала в это время учебник по обществоведению «Социализм побеждает» для фабрично-заводских школ.

Софья Николаевна любила литературную работу. С 1931 года она работала в Обществе старых большевиков, где заведовала литературно-издательским отделом. Как и всюду, тепло и внимательно относилась здесь Софья Николаевна к товарищам по работе. И они с любовью вспоминают о ней.

В канун Октябрьского праздника, 6 ноября 1934 года, Софья Николаевна была в 132-й школе. Пионеры этой школы пригласили ее на праздничный костер. Это было ее последнее выступление, последние горячие слова к молодежи об Октябре, о нашей стране.

7 ноября Софья Николаевна была на Красной площади. Вечером за столом в семье Смидовичей собрались, как обычно, старые друзья. Софья Николаевна весело и остроумно шутила. Глаза были полны жизни, только лицо как-то осунулось, похудело.

К ночи ей стало плохо, а через 20 дней ее не стало. Сердце отказалось служить.

27 ноября на страницах «Правды» в траурной скорбной рамке было напечатано:

«ЦК ВКП(б) с прискорбием извещает о смерти старого члена большевистской партии, организатора трудящихся женщин и неутомимого борца за коммунизм тов. Смидович Софьи Николаевны.

ЦК ВКП(б)».

Софья Николаевна Смидович принадлежала к старой большевистской гвардии крепкой ленинской закалки. Она стала на путь революционной борьбы в юные годы и отдала борьбе за коммунизм всю свою жизнь.

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА СТАЛЬ

Л. БОГУЦКАЯ

ЛЮДМИЛА СТАЛЬ

Людмила Николаевна Сталь принадлежала к числу тех большевиков, чья жизнь была тесно связана с боевой историей Коммунистической партии еще на заре ее организации. С юных лет ее увлекала революционная борьба. Она знала, что это нелегкий путь, что она обрекает себя на постоянные преследования, лишения, тюрьмы, ссылки, но мужественно шла на это во имя счастья людей. Избрание революционного пути не было для нее ни геройством, ни подвижничеством, ни жертвой — это было естественной потребностью ее души. Любовь к трудящимся, стремление научить их бороться за лучшую жизнь привели Людмилу Николаевну к великой правде марксизма-ленинизма.

Людмила Николаевна Сталь родилась в 1872 году. Детские годы она провела в Екатеринославе в семье владельца небольшого чугунолитейного завода. Еще на ученической скамье она познакомилась с революционной литературой. Участвовала в кружках молодежи, хранила и распространяла нелегальные листовки и брошюры, проводила сборы в пользу политических заключенных. Слухи о революционной работе Людмилы дошли до начальства, и ее исключили из гимназии. Тогда она поступила на фельдшерские курсы и успешно закончила их.

В своих воспоминаниях она писала: «Мое детство протекало в буржуазной семье, почему же вдруг я уже в 1896—1897 годах стала большевичкой?» И дальше: «Наша квартира в те годы была приютом для приезжих революционеров... На квартире у нас собиралась молодежь, велись революционные споры. С появлением марксистской литературы, издаваемой группой «Освобождения труда», мы стали хранить литературу, создали библио-

течку. Литературу раздавали читать среди молодежи и рабочих... Между моими учителями был Павел Точисский [1], это оказало на меня влияние, с ним я была в самых дружеских отношениях».

Людмила бросила обеспеченную жизнь в семье и навсегда примкнула к революционному движению.

В 1895 году она уезжает из родного города в Омск и по заданию социал-демократической группы сотрудничает в газете «Степной край». Через год она уже в Москве. Связывается с первыми социал-демократическими кружками, печатает нелегальные листовки, ведет пропаганду.

Важное для рабочего класса дело она умела делать просто, скромно, незаметно.

В Москве она часто бывает на студенческих собраниях, где среди молодежи велись горячие споры между народниками и марксистами,— последних она всегда горячо поддерживала. Из Москвы она ездит с партийными поручениями в Тверь, Нижний Новгород и другие города.

Людмила Сталь с жадностью читает марксистскую литературу, ее мировоззрение формируется под знаком ленинских идей, которым она была верна до конца своей жизни.

К концу 90-х годов за Л. Н. Сталь началась слежка, и в 1899 году у нее был произведен первый обыск. По совету товарищей она эмигрирует во Францию. Но жизнь в Париже, в дали от родины, тяготит ее, и она решает вернуться в Россию, к живой партийной работе. Для того чтобы получить явку в Московскую партийную организацию, ей пришлось поехать в Мюнхен. Здесь в то время издавалась ленинская «Искра», и Людмила Николаевна взялась доставить ее в Россию. Но сделать это ей не удалось, так как на границе она была арестована. В чемодане с двойным дном у нее обнаружили свежеотпечатанные листки «Искры». Людмила Николаевна оказалась в тюрьме. После тяжелых допросов ее решили переправить в Москву. В сопровождении двух жандармов она ехала из

[1] Павел Точисский организовал в 1884—1885 гг. социал-демократический кружок под названием «Товарищество петербургских мастеровых».

одного города в другой. В каждом городе ее водили в жандармское управление, сдавали под расписку, оттуда — в тюрьму, а через некоторое время — опять на вокзал и в сопровождении новых жандармов до следующего города. Так она еще в дороге узнала сырые, темные камеры Варшавской крепости и побывала в Минской женской тюрьме.

Утомленную, измученную, Людмилу Сталь привезли, наконец; в Москву. На допросе она отказалась давать показания. Потекли однообразные тюремные будни. Между заключенными установилась связь. Они при помощи уголовных и надзирателей передавали друг другу записки, делали условные знаки в библиотечных книгах, перестукивались. Вскоре Людмила Сталь узнала, что обитателями Таганки, где она сидела, стали и ее три сестры: Лиза, Люба и Анна.

Однажды в тюрьме вспыхнул бунт. Начало ему положил такой факт: политический заключенный, просидевший год в тюрьме, узнал о смерти своей матери; в отчаянии он сорвал щит, загораживающий окно камеры, и за это его на три дня посадили в темный карцер. Арестованные, узнав об этом, подняли шум, начали бить стекла, стучать табуретками, требуя немедленного освобождения товарища из карцера. Среди зачинщиков бунта была Л. Сталь. Тюремные власти отказались выполнить это требование. Тогда заключенные объявили голодовку. Тюрьма была объявлена на военном положении. У камер выставили вооруженных часовых. На третий день голодовки женщин поодиночке стали вызывать на допрос, но вместо допроса зачинщиц бунта перевели в другие тюрьмы. Людмила Николаевна Сталь оказалась в Бутырской тюрьме. Здесь она познакомилась с Ольгой Афанасьевной Варенцовой, которая была арестована по делу Северного рабочего союза. В Бутырской тюрьме сидели люди разных партий и толков: рабочие и интеллигенты, искровцы и эсеры, бундовцы и анархисты. Кто привлекался за работу среди солдат, кто по делу подпольной типографии, кто по делу мартовской социал-демократической конференции 1902 года.

«Мы старались создать дружеские, товарищеские отношения, что нам очень скоро удалось. Все, что приносили

с воли,— передачи, деньги — попадало в общий котел и распределялось сообща. Мы принялись за учебу. Учились не только работницы, но и интеллигентки... Кроме регулярных занятий по общеполитическим вопросам, работницы занимались общеобразовательными предметами. Ольга Афанасьевна читала лекции по революционному движению в России. Довольно часто попадала к нам подпольная литература — «Искра» и газета социалистов-революционеров (эсеров) «Революционная Россия». Получали мы литературу разными способами — и запеченной в пирог, и засунутой в брюхо селедки, и на свиданиях, и украдкой из рук в руки. Чтение этих газет вызывало большие споры, принимавшие иногда чрезвычайно острый характер, особенно когда «Искра» помещала статьи о вреде террора» [1].

Год просидела Людмила Сталь в тюрьме. После окончания срока ей вручили бумажку: «По Высочайшему повелению высылается на три года в Восточную Сибирь».

В суровом Верхоленском округе Л. Н. Сталь с первого же дня обдумывает план побега, но бежать было слишком сложно, и она начинает работу среди населения. Старая профессия фельдшерицы помогла ей быстро установить связь с крестьянами. Своей чуткостью и отзывчивостью Людмила Сталь завоевывает их любовь и доверие, и они помогают ей бежать из ссылки.

Через три месяца Л. Сталь вернулась в Петербург. Ее направляют на работу за Невскую заставу, где она ведет пропагандистский кружок на Обуховском заводе. Но вскоре большой провал приводит Людмилу Сталь в Дом предварительного заключения. Здесь она учит молодежь, как надо держаться на допросах, и ее за это «вредное влияние» на арестованных перевели в Петропавловскую крепость. В крепости она просидела 17 месяцев, но жандармам так и не удалось установить ее личность.

После Петропавловской крепости Людмила Сталь в декабре 1904 года была выслана в Вологодскую губернию, но по дороге в ссылку она сбежала и уехала в Одессу. Здесь под партийной кличкой «Мария Ивановна» она ра-

[1] *Л. Сталь,* Год за тюремной решеткой, Госиздат, 1926, стр. 18—19.

ботает организатором городского района и членом Одесского комитета большевиков. Людмила Сталь выступает на митингах, собраниях, организует забастовки. В марте 1905 года ее посылают в Николаев для восстановления разгромленной организации большевиков.

Четыре месяца напряженной работы — и ее снова арестовывают. На этот раз она была выслана под надзор полиции в Курск. Но разве может она оставаться в Курске, когда в Москве назревают большие революционные события?

Новый побег — и она в Москве. Здесь Людмила Николаевна работает организатором Бутырского района, и вскоре ее избирают членом Московского комитета большевиков.

После окончания Всероссийской Октябрьской железнодорожной забастовки Людмила Сталь была переброшена в Петербург, где ее кооптировали в члены Петербургского комитета партии и где она вела большую работу в Петербургской военной организации большевиков. По делу этой организации в 1906 году она вновь была арестована. Семь месяцев Л. Н. Сталь просидела в тюрьме и под залог была освобождена до суда. Большевистская фракция Государственной думы направляет ее для работы в Екатеринослав, где она налаживает издание большевистской газеты и работает по укреплению партийной организации. Вскоре последовал новый арест. Через два месяца тюрьмы Людмилу Сталь высылают из Екатеринослава. В ожидании судебного процесса Петербургской военной организации она в Финляндии, выполняет там задания ЦК партии. Наконец, приговор по ее делу был вынесен — ей грозила каторга. Пришлось снова отправляться в эмиграцию.

Людмила Сталь поселилась в Париже, где стала работать в русской секции большевиков и во французской социалистической партии как организатор и пропагандист. Она является членом женской группы французской социалистической партии. Много сил отдала Людмила Сталь укреплению международного женского движения.

В 1912 году, когда началась подготовка к изданию специального журнала для работниц России, Людмила Сталь с увлечением взялась за работу по его подготовке. Вместе с Инесой Арманд она разрабатывала план жур-

нала, намечала темы статей, вела переписку с товарищами в России.

«Мы мечтали о том,— писала она,— как будем получать из Питера хронику женского движения, письма работниц, сырье, материалы, как будем работать над ними, приводить в стройный литературный вид».

Когда вспыхнула первая мировая война, Людмила Сталь организовала небольшую группу женщин из французской социалистической партии, которая решила бросить вызов защитникам империалистической войны. Они назвали себя «Группой борьбы за мир и против шовинизма». Собиралась эта группа нелегально, так как за каждое слово против войны сажали в тюрьму.

Людмила Сталь использовала свой богатый опыт подпольной работы. Она учила французских социалисток проводить нелегальные собрания, скрываться от шпиков, издавать прокламации и пр. Об этом периоде работы Людмила Сталь писала:

«Мы распространяли эти прокламации совсем на русский манер. В окрестностях Парижа, ночью, мы шли по темным улочкам рабочих кварталов и опускали листовки в почтовые ящики, расклеивали их по заборам. Раз нам посчастливилось: один русский социалист — товарищ Константин повез нас на своем автомобиле, и мы, рискуя быть захваченными, разбрасывали из мчавшегося автомобиля известный призыв Клары Цеткин против империалистической войны.

Нелегальная работа во время войны в иностранном государстве была чрезвычайно рискованной. Французское правительство в любой момент могло объявить нас немецкими шпионами. Поэтому работница Луиза Симоне — она проработала много лет во французской социалистической партии — подписывала своим именем наши прокламации. Несмотря на преследования, запрещение собраний и митингов, мы с каждым днем становились сильнее, завоевывали все больше сторонников среди членов профсоюзов (особенно металлистов). Усилилось движение против войны».

В 1915 году вместе с Кларой Цеткин, Н. К. Крупской, Инесой Арманд Людмила Сталь участвует в организации Международной женской конференции в Берне (Швейцария).

После этой конференции «Группа борьбы за мир и против шовинизма» еще шире развернула агитационно-массовую работу. Полиция не дремала. Все работницы были на учете в полиции. Луиза Симоне была арестована.

Однажды, когда Людмила Николаевна вернулась из Швейцарии, куда она не раз ездила к В. И. Ленину за указаниями по работе, на столе лежала повестка военного следователя. Ее вызывали на допрос. Ей грозил арест за антимилитаристскую деятельность. Тайком удалось уехать из Парижа в Лондон.

«На английской границе в Фолькестоне,— вспоминала потом Людмила Сталь,— после тщательного обыска я была приглашена на допрос. Мне много раз приходилось быть на допросах в России, но такого иезуитского отношения, какое я встретила среди английских джентльменов, никогда я не встречала».

В Лондоне Людмила Николаевна Сталь подняла энергичную кампанию в печати за освобождение Луизы Симоне, которую содержали в тюрьме в одной камере с проститутками. Она разоблачала французских социалистов, уже занявших тогда места в министерских креслах. Когда весть об издевательском отношении этих «социалистов» к Луизе Симоне обошла английскую, итальянскую и швейцарскую печать, французское правительство поспешило замять эту историю и освободить Луизу Симоне из тюрьмы.

В конце 1916 года Людмила Сталь по заданию Ленина поехала в Стокгольм для налаживания связи с Россией и организации транспорта литературы туда.

В Россию Людмила Николаевна возвратилась после Февральской революции. Много сил она отдает работе среди женщин, часто выступает на рабочих собраниях. Однажды, придя в Петроградский комитет за путевкой для доклада в Сестрорецке, она узнала, что Ленин в этот день приезжает в Петроград. В Сестрорецке Людмила Сталь поделилась радостной вестью с рабочими. «Организовать встречу Ильича, поехать в Белоостров»,— раздались отовсюду голоса. С трудом удалось достать паровоз и один вагон. Встречать Ленина хотели все. Пришлось сделать отбор, так как всех вместить было невозможно.

В Белоострове Владимир Ильич произнес речь, в которой призывал к борьбе за социалистическую револю-

цию. Об этой встрече Л. Сталь, ехавшая от Белоострова в одном вагоне с Лениным, рассказывает: «Восторженным приветствиям рабочих и работниц, казалось, нет конца. Как будто нехотя, поезд трогает. Рабочие с красными знаменами медленно уходят во тьме ночи. Приближаемся к столице. Вот и Петроград. Навстречу Ленину бросился весь город. Толпились, подымали вверх детей. Конца не было громким восторженным крикам «ура». Выстроился почетный караул кронштадтцев. Ленин произнес свою знаменитую речь с броневика. За медленно идущим автомобилем бежит народ. Каждому хочется пожать руку Ильича, сказать что-то от души, выразить радость. Вот бежит пожилой рабочий. Сорвал с шеи красный платок и сует Ильичу: «На, возьми, храни и, как всегда, защищай наши интересы»».

Знаменитые Апрельские тезисы Ленина дали партии и пролетариату ясный план перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. На Апрельской конференции, где они обсуждались, Людмила Сталь была делегатом и горячо выступала в их защиту. В своем выступлении она заявила: «Приняв лозунги Ленина, мы сделаем то, что нам подсказывает сама жизнь».

Резко критиковала она тех, кто еще сомневался в том, что рабочие и крестьяне России смогут взять власть в свои руки и установить диктатуру пролетариата.

В напряженные дни подготовки Октябрьского вооруженного восстания Л. Н. Сталь работала в Кронштадте, она редактировала «Кронштадтскую правду», была членом Кронштадтского комитета большевиков и членом Исполкома Совета, который задолго до Октябрьского переворота стал большевистским. Во время октябрьского вооруженного восстания Кронштадтский Совет послал 12 тысяч вооруженных матросов и солдат на помощь революционному Петрограду. Для охраны подступов к столице кронштадтцы послали пароход «Ястреб», линейный корабль «Заря свободы» и броненосец «Аврора», которому суждено было начать штурм Зимнего дворца.

В ноябре 1917 года Людмила Сталь вместе с А. Коллонтай, К. Николаевой, К. Самойловой и другими проводит в Петрограде первую конференцию работниц. Эта конференция послала в Смольный свою делегацию, чтобы

приветствовать политику ЦК и заклеймить позором штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева, требовавших участия в правительстве меньшевиков и эсеров.

Людмила Николаевна вспоминает, как эта делегация работниц прибыла в Смольный, окруженный пулеметами, и как она была принята Лениным. «Я никогда не видела Ленина таким усталым,— пишет Л. Н. Сталь,— но когда работница Клавдия Николаева выступила от нашей конференции и сказала, что 80 тысяч работниц, пославших нас, обещают поддержку и клеймят позором штрейкбрехеров революции, лицо Ленина озарилось улыбкой.

«Если работницы идут с нами,— сказал Владимир Ильич,— победа революции обеспечена»».

В начале 1918 года Людмила Николаевна Сталь стала редактором «Солдатской правды», а в годы гражданской войны редактировала армейские газеты и бюллетени на чехословацком, колчаковском и других фронтах, а также работала в политотделах армии. Вместе с Красной Армией она проходила по городам и селам России. В Николо-Березовке, Сарапуле, Елабуге осталось теплое воспоминание о ее работе. В Уфе она была членом Губкома, в Вятке — членом Бюро Губкома и редактором газеты «Вятская правда». Она была также редактором газеты 12-й армии «Борьба», от политотдела армии ее избрали делегатом на Всероссийский съезд работниц и на Всероссийский съезд по работе в деревне, а потом и на VIII съезд партии. Затем полоса работы на Северном Кавказе. Здесь она — делегат первой северокавказской конференции, первого съезда работниц-горянок. Затем — снова Москва, работа в Международном женском секретариате Коминтерна.

Людмила Сталь была удивительно подвижная, неуемная, всегда рвалась на самые трудные для партии участки работы. Прямая, решительная, порой даже резкая, она умела организовывать и вести за собой людей. Летом в 1921 году, когда голод охватил Поволжье, она едет в Сибирь для сбора хлеба голодающим Поволжья. Трудно перечислить все города, где она побывала, выполняя партийные задания в годы становления Советской власти, но всегда в центре ее деятельности была пропаганда, организация женщин и печать. Она часто выступала в

качество автора. Ею написано больше десятка брошюр и множество статей в газетах и журналах. Под ее редакцией вышла «Библиотека работницы и крестьянки».

Мне часто приходилось встречаться с Людмилой Сталь. Я знала ее как крупного политического деятеля, всегда погруженного в работу и в то же самое время очень простой и сердечной.

В памяти сохранилась встреча с ней в 1933 году в Фаросе — это был санаторий в одном из чудесных уголков Крыма. Людмила Николаевна Сталь часто гуляла в парке и по берегу моря в сопровождении болгарских коммунисток — сестер Благоевых, к которым была очень привязана. Она любила и тонко чувствовала природу, как-то по-особому любовалась закатом солнца, морским прибоем и всегда поражала меня тонкими замечаниями о чудных красках крымского неба и моря. «Смотрите, какое яркое огненное облачко. Я видела такое на полотнах Куинджи» или: «Какой бирюзовый голубой цвет, точно мазок в палитре Айвазовского».

В письмах к родным она писала о южном солнце, запахе моря, морском прибое. Она любила Крым, любила природу и красоту жизни.

Чуткость и простота Людмилы Николаевны привлекали к ней людей. Особенно тянулись к ней работницы и крестьянки. Она стремилась вызвать в них стремление к знаниям, помогала учиться и расти. В каждом человеке она умела разгадать его способности, часто помогала им найти себя. Я помню, как полуграмотную крестьянку Вашенцеву она сумела научить верить в свои силы и дарование. Под влиянием Людмилы Сталь Вашенцева написала повесть о своей жизни. Впоследствии эта книга под названием «Аринкина жизнь» была напечатана и пользовалась большим успехом у работниц и крестьянок.

Людмила Николаевна Сталь умерла в 1939 г. Она принадлежала к числу людей, для которых жить — это значит бороться, к числу славной ленинской гвардии мужественных борцов, которые сражались за лучезарное будущее человечества, за коммунизм.

С. БЕРДИЧЕВСКАЯ

МАРИЯ МОИСЕЕВНА ЭССЕН

Мария Моисеевна Эссен начала свою революционную деятельность в период, когда под руководством незабвенного Владимира Ильича Ленина зарождалась, стала складываться наша партия, партия нового типа.

Двадцатилетней девушкой вошла она в революционное движение, и ей в конце девятнадцатого — начале двадцатого века посчастливилось работать под руководством Ленина, выполнять его поручения.

Именно в этот период Мария Моисеевна была наиболее активным деятелем большевистской партии, профессиональным революционером. После II съезда она входила в состав Центрального Комитета партии, принимала непосредственное участие в первой русской революции 1905—1907 годов.

Мария Моисеевна Эссен, которую товарищи помнят по ее партийным кличкам «Зверь», «Сокол», «Нина Львовна», родилась в Брест-Литовске в 1872 году в семье мелкого железнодорожного служащего.

Семья была большая и жила в нужде.

«1881 год,— вспоминает Мария Моисеевна,— был особенно тяжел. В стране голод,— хлеб, дрова, продукты страшно вздорожали, и заработка отца на семью в семь человек не хватает. Мать бьется изо всех сил, но нужда одолевает, и мы постоянно голодали».

Мария Моисеевна в детстве окончила приходскую школу, но дальше систематического образования ей полу-

чить не удалось. Большие знания, которыми она владела, были приобретены путем самообразования.

Судьба не баловала Марию Моисеевну, ее детские и юношеские годы проходили в тяжелых условиях.

«Спасали книга и любовь к природе» — писала Мария Моисеевна об этих годах. Вначале читала она бессистемно, все подряд, не все понимая, но книги помогали восполнить недостаток образования.

Как и многие другие девушки ее поколения, Мария Моисеевна полюбила произведения Некрасова, Чернышевского, других революционных демократов, имевших большое влияние на формирование ее революционного сознания. «Для меня Некрасов был неисчерпаемым источником познания жизни... Мы упивались его стихами и никогда не уставали повторять их... Это была поэзия нашей жизни, державшая нас на какой-то моральной высоте»,— писала Мария Моисеевна в своих воспоминаниях.

О романе Чернышевского «Что делать?» Мария Моисеевна пишет, что он потряс все ее существо. «Показанные в этом романе новые люди, бросающие вызов старому миру, люди новой идеологии, новой морали и огромной воли — вот с кого надо брать пример и у кого надо учиться, за кем беззаветно следовать. Беспощадная борьба за новую жизнь, построенную на началах великих идеалов человечества,— вот достойная задача, за которую не жаль отдать жизнь».

Мария Моисеевна цель своей жизни видит в том, чтобы бороться, чтобы изменить тяжелую участь народа, быть ему полезной.

«Книга открыла мне,— пишет дальше Мария Моисеевна,— что, кроме затхлого провинциального захолустья, существует мир борьбы... Я поняла, что не отгораживаться надо, а проникнуть в глубь народной жизни, изучить ее и найти пути к изменению ее тяжелых сторон».

В 1891 году в России разразился голод, который был сильнее голода 1881 года. Передовые люди того времени, видя размеры народного бедствия, стремились оказать помощь голодающим. Мария Моисеевна отправилась в село Екатериновка Самарской губернии и стала работать в

столовой для голодающих крестьян, открытой на средства, собранные Л. Н. Толстым.

Положение крестьян было ужасным. Иногда возникали голодные бунты. Бунтовщиков усмиряли штыком и нагайкой, тюрьмой и каторгой.

После долгой голодной зимы начались эпидемии тифа, холеры, косившие людей. Спокойно наблюдать народное бедствие было невыносимо. Получив первичные сведения об уходе за больными, Мария Моисеевна в 1892 году переехала в Екатеринослав (Днепропетровск) и начала работать в холерном бараке.

Наглядевшись на безмерные страдания народа, Мария Моисеевна все чаще задумывается над вопросом о том, как можно облегчить его участь. Вопрос этот волнует молодую девушку, но она не в состоянии дать на него ответ.

После работы по борьбе с эпидемией Мария Моисеевна решает стать работницей и поступает в шляпную мастерскую, где, как и другие работницы, подвергается бесчеловечной эксплуатации. В сезонное время шляпочницы работали по 18 часов в сутки, в остальное время всегда жили под страхом безработицы.

В Екатеринославе Мария Моисеевна начинает свой революционный путь. Через одного студента социал-демократа она получает нелегальную литературу. В ее руки попадает «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также «Капитал» Маркса. Она входит в местный социал-демократический кружок, члены которого упорно и настойчиво изучают эти работы. В своих воспоминаниях Мария Моисеевна пишет: «В каком-то экстазе мы изучали первый том «Капитала». Было трудно, но мы не сдавались... В этой книге для нас сосредоточилась вся мудрость веков. В ней была философия всей истории человеческого общества, законы его развития. В ней был дан исчерпывающий анализ капиталистического общества, борьбы классов, роли рабочего класса в грядущей революции».

Марию Моисеевну влечет к более широкой деятельности, и она решает переехать в Одессу, где имелись крупные предприятия и мастерские.

Около двух лет она работает в различных мастерских Одессы и одновременно усиленно занимается в общест-

венной библиотеке, зачитываясь книгами по истории революционного движения, политической экономии, философскими работами Плеханова.

В 1896 году Мария Моисеевна приехала в Саратов, где познакомилась и подружилась с социал-демократами Голубевыми. Здесь она принимает участие в работе марксистского кружка, а вскоре и сама начала вести пропагандистскую работу. Она мечтает о том, чтобы целиком отдаться партийной работе, стать профессиональным революционером. Мария Моисеевна ищет связи с более крупными партийными организациями, чтобы перенять опыт революционной работы. С этой целью в конце 1897 года она переезжает в Киев, где становится членом киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Союз был связан с крупными центрами России и заграничными деятелями группы «Освобождение труда». Он имел связи с рабочими предприятий и железнодорожных мастерских.

В своей пропагандистской работе Мария Моисеевна стремилась ознакомить своих слушателей с материалистическим мировоззрением, рассказывала им о классовой борьбе, о роли рабочего класса в борьбе за социализм. Активно участвовала она и в забастовочном движении; вместе с другими социал-демократами она разрабатывала требования бастовавших рабочих, составляла листовки, которые печатали на гектографе и распространяли среди рабочих.

Накопив опыт подпольной работы, Мария Моисеевна решила использовать его в каком-нибудь крупном промышленном районе, с большим числом рабочих. Ее тянуло на Урал. Незадолго до I съезда РСДРП она отправилась в Петербург посоветоваться с товарищами из петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» относительно постановки партийной работы на Урале. Они одобрили ее намерение поехать на Урал и намечаемый план работы в этом районе, снабдили нелегальной литературой и адресами товарищей. Члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» обещали Марии Моисеевне всяческую помощь. Вскоре после того, как она уехала на Урал, они прислали ей материалы I съезда партии, помогали налаживать под-

польную типографию, приобретая для нее необходимое оборудование.

Мария Моисеевна обосновалась в Екатеринбурге (ныне Свердловск) и вместе с другими товарищами развернула пропагандистскую работу.

В своих воспоминаниях Мария Моисеевна пишет: «Я применяла метод беседы, совместного чтения, а, главное — немедленного вовлечения в практическую работу. Кружковцы помогали заводить связь с рабочими, организовывали собрания, давали материал для гектографа, каллиграфически переписывали листки для печатания, а затем, отпечатав, отправлялись к фабрикам и заводам расклеивать их».

Вскоре в Екатеринбурге была создана первая социал-демократическая организация на Урале. В нее входили рабочие Верхне-Исетского завода, Злоказовской суконной фабрики, завода Ятиса и железной дороги. Через социал-демократа Д. Кремлева к работе были привлечены слушатели Горного училища: Сыромолотов, Варшичев, Якобсон, Лоськов, Саватин и другие, имевшие связи среди рабочих рудников и заводов. На предприятиях создавались кружки молодежи, членов которых привлекали к нелегальной работе. Им давали различные поручения, и они с готовностью их выполняли.

Собрания рабочих, как правило, устраивали в лесу под видом загородных прогулок.

1 мая 1898 года на Урале впервые была выпущена листовка с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в которой говорилось о значении первомайского праздника, о гнете и бесправии рабочего класса, о разорении крестьянства, о борьбе рабочего класса в крупных центрах страны. Заканчивалась листовка призывом: «Долой самодержавие и да здравствует социал-демократическая рабочая партия!» Эта листовка была отпечатана на гектографе и ночью расклеена на фабриках, заводах и на телеграфных столбах.

Вскоре был выпущен также листок с обращением «К рабочим Урала». Это был своего рода манифест о задачах рабочего класса.

Екатеринбургская организация была связана с Златоустом, Воткинским, Кусинским и Сысертским заводами.

Предполагалось созвать общеуральский съезд социал-демократов и оформить организацию как областную. Комитет поставил перед собой задачу создать типографию.

С помощью рабочего Емельянова, работавшего в типографии, начали собирать шрифт. Через два месяца его накопилось больше двух пудов, но для типографии этого было мало, и Мария Моисеевна отправилась в Петербург. По дороге она заехала в Самару, где была организована редакция наметившегося к изданию сборника «Пролетарская борьба».

Доставить в Екатеринбург недостающее оборудование для типографии было довольно рискованно, но после многих треволнений груз был доставлен до места. Наконец, с помощью Н. Н. Кудрина, управляющего золотыми приисками в Бишкиле, близ Челябинска, типография была организована.

Это была первая хорошо оборудованная подпольная типография на Урале.

Вначале Мария Моисеевна хотела остаться в Екатеринбурге, возложив работу в типографии на других товарищей, но вследствие провала почти всей организации она уехала из Екатеринбурга в Бишкиль и целиком переключилась на работу типографии.

Мария Моисеевна съездила в Самару, получила статьи о рабочем движении, о работе в деревне и начала вместе с Кудриным и другими товарищами набирать и печатать сборник. Конечно, вся эта работа была строго законспирирована.

В типографии Мария Моисеевна научилась наборному делу. Позже оно ей пригодилось: в Женеве она некоторое время работала наборщиком в типографии «Искры».

Напечатанный в 600 экземплярах сборник «Пролетарская борьба» был отправлен в Петербург для распространения по организациям. Из-за опасения провала типография была спрятана у одного из работников организации — Деменова, связанного с типографией. Он оказался провокатором и выдал всех участников организации типографии, в первую очередь Марию Моисеевну.

Она была арестована и просидела в Уфимской тюрьме в одиночке почти два года. Первые полгода ей даже книг

не давали, потом дали евангелие и третий том «Капитала» Маркса, приняв его за обычный учебник. Мария Моисеевна приступила к глубокому изучению «Капитала», испытывая при этом огромную радость.

Однажды у нее произошло столкновение с надзирателем тюрьмы. Начальство решило посадить ее в карцер. Мария Моисеевна отказалась подчиниться этому распоряжению и заявила, что будет сопротивляться. Когда ее насильно потащили в карцер, она схватилась за спинку кровати. Неожиданно от кровати оторвался кусок железа, который очутился в руках Марии Моисеевны. Надзиратели испугались и выскочили в коридор. Они приказали унести из камеры все вещи, посадить арестованную на хлеб и на воду, лишить горячей пищи, передач, переписки. Такой режим продолжался свыше двух месяцев.

Мария Моисеевна заболела. Тогда по настоянию тюремного врача ее перевели на больничное питание, стали выпускать на прогулки и вернули постель. Она быстро стала поправляться.

По окончании следствия Марию Моисеевну на пять лет выслали в Восточную Сибирь.

До Александровска ехать пришлось в арестантском поезде, битком набитом, главным образом, уголовниками. Затем ссыльных гнали по этапу, в дождь и слякоть, едва давая передохнуть.

В Красноярске Марию Моисеевну отправили в тюрьму и посадили в одиночную камеру. Здесь оказалась тьма крыс. В своих воспоминаниях она пишет: «В душе кипит бешеная злость против крыс, тюремной администрации, против всего строя. Нет, крысам на съедение я себя не отдам. Буду бороться. И всю долгую ночь я висела на оконной решетке, меняя поминутно положение, не давая себе отдыха, стараясь произвести как можно больше шума и все время отгоняла ногами наиболее наглых крыс».

В Красноярске Мария Моисеевна узнала, что ее отправляют в Якутию в город Олекминск. Предстоял долгий путь пешком и по реке Лене на паузках. Последнее обстоятельство затрудняло побег, о котором она не переставала думать.

В конце декабря 1901 года она прибыла в Александровск, а к месту ссылки отправилась в июне 1902 года.

Обладая прекрасным голосом, веселая и жизнерадостная, Мария Моисеевна вселяла в людей бодрость, несмотря на трудности пути, плохое питание и столкновения с пьяным командиром конвоя.

Прибыв на место ссылки, она решила бежать во что бы то ни стало. Бежать за тысячи верст от железной дороги было очень трудно, но Мария Моисеевна не оставила этой мысли. Своими планами она поделилась с товарищами из колонии ссыльных. Ее горячо поддержали, и она начала готовиться к побегу.

Особенно всколыхнули ссыльных полученные в Олекминске номера ленинской «Искры». Каждый номер газеты горячо обсуждался. Было ясно, что «Искра» становится организующей силой, что под руководством Ленина создается могучая революционная партия. Сидеть долгие годы в ссылке и пассивно выжидать ее конца было невыносимо.

Мария Моисеевна усиленно готовится к побегу. Для этого необходимы деньги. Выручает товарищ — Николай Николаевич Кудрин, который вместе с ней был арестован по делу подпольной типографии и бежал с поселения. Он приехал из Иркутска в Олекминск, когда Лена начала уже покрываться льдом. 2000 верст по Лене он добирался на лодке во льдах и привез ей деньги на побег.

Паспорт достали у монашки, которая ушла из монастыря. Были сделаны сани с двойным дном. Между первым и вторым дном Мария Моисеевна в пути пролежала целые сутки. Даже ямщик не приметил, что она там находится. До Иркутска Мария Моисеевна ехала уже открыто, но опасность не миновала. Почти две недели ехали на лошадях. Эта поездка вымотала все силы. «Но,— пишет Мария Моисеевна в своих воспоминаниях,— больше этих физических невзгод мучила мысль о возможности неудачи. Скуку далекого пути нельзя было ничем рассеять. Сани были закрыты и впереди виднелась только снежная пустынная дорога. Скакали день и ночь».

От Иркутска Мария Моисеевна ехала уже поездом, не выходя из вагона и отсыпаясь. Так добралась до Воронежа. Здесь получила у старых товарищей по подполью связи, которые дали ей возможность переправиться через границу.

Она приехала в Женеву, которая была центром партийной эмиграции. Там находилась лига социал-демократии, в которую входили сторонники «Искры». Мария Моисеевна приехала в Женеву за тем, чтобы связаться с редакцией «Искры», ознакомиться со всеми партийными документами и получить направление в одну из искровских организаций.

В Женеве Мария Моисеевна познакомилась с В. И. Лениным. Он произвел на нее необычайно сильное впечатление. В своих воспоминаниях она пишет: «Он с первой же встречи произвел впечатление настоящего вождя, человека огромного ума, знаний и воли и замечательного товарища, с которым сразу чувствуешь себя просто и непринужденно».

В то время в редакции «Искры» обсуждался проект программы, устав партии, шли горячие споры с представителями различных социал-демократических групп. Партийная жизнь протекала очень интенсивно, не в пример спокойному житью западноевропейских партий. Ей хотелось поглубже изучить и понять все, что приходилось хватать урывками, на лету. В Женеве для этого были все возможности. И Мария Моисеевна основательно изучает работы Ленина и Плеханова.

По ряду принципиальных вопросов она беседует с В. И. Лениным. «Беседы с Лениным,— пишет она,— его исключительно внимательное отношение к членам партии, его умение всесторонне исчерпать весь круг вопросов, связанных как с теорией марксизма, так и практикой революционной борьбы, крепко нас вооружили. Эти беседы для нас, рядовых членов партии, были настоящей марксистской школой».

В конце 1902 года Мария Моисеевна была направлена на работу в Петербургский искровский комитет. Мария Моисеевна рассказывает, что, когда решался вопрос об отъезде в Россию того или иного партийного работника, Ленин беседовал с ним, давал советы, конкретные указания.

В Петербурге Мария Моисеевна должна была заняться пропагандистской работой. По приезде она немедленно приступила к этой работе, но, не имея документов, не могла прописаться. При содействии саратовской прия-

тельницы Евгении Семеновны Стрекаловой ей удалось получить девичий паспорт ее снохи — дворянки Дешиной Зинаиды Васильевны. По нему Мария Моисеевна и прописалась, выдавая себя за певицу, которая приехала совершенствовать свой голос. Она поселилась в центре Петербурга и целиком отдалась партийной работе.

В Петербургском комитете Мария Моисеевна занималась организацией пропаганды. Секретарем комитета была Е. Д. Стасова. Комитет имел широкие связи в рабочих районах и уделял большое внимание пропагандистской работе. К весне 1903 года на предприятиях было создано много пропагандистских кружков, а некоторое время спустя члены этих кружков сами уже вели пропагандистскую работу.

Наряду с организацией кружков, в которых велась пропаганда марксизма, комитет через районных организаторов создавал на предприятиях искровские ячейки, которые руководили рабочим движением на заводах.

Рабочие прислушивались к мнению и советам Петербургского искровского комитета. Подготовка открытых выступлений рабочих стала важным моментом партийной работы.

Готовясь к первомайской демонстрации 1903 года, искровский комитет для единства действий решил устроить собрание всех социал-демократических организаций, обсудить лозунги, распределить докладчиков, районы и т. д. Но на собрании присутствовал провокатор, и все участники собрания были арестованы.

Мария Моисеевна знала, что если она будет опознана и полиция установит, что она бежала из якутской ссылки и проживает по чужому паспорту, то она, в лучшем случае, получит новую ссылку в Якутию с удлинением срока, а возможно и заключение в Петропавловскую или Шлиссельбургскую крепость.

Но дело приняло совершенно неожиданный оборот. Благодаря паспорту, в котором говорилось о дворянском происхождении, и занятиям музыкой жандармы решили, что на собрание она попала случайно. «Какое вам дело, светской девушке, будущей артистке, до какой-то демонстрации, до каких-то рабочих»,— сказал ей жандармский полковник.

Через несколько месяцев Мария Моисеевна оказалась на свободе. Ее выслали под гласный надзор полиции в Одессу вопреки предложению министерства внутренних дел об отправке ее на 3 года в Олонецкую губернию. Ей предстояло получить проходное свидетельство в жандармском управлении. Товарищи настаивали, чтобы она не являлась туда, скрылась, но Мария Моисеевна рискнула пойти в жандармское управление, понимая, что получение проходного свидетельства и отъезд на глазах у жандармов усыпит их бдительность на долгое время. В жандармском управлении она пережила напряженные минуты, но зато обрела свободу для своей дальнейшей нелегальной деятельности.

Мария Моисеевна вышла из тюрьмы уже после II съезда. Члены Центрального Комитета, избранные съездом, находились в Киеве. Она решила поехать туда за новыми поручениями.

Перед тем, как уехать, Мария Моисеевна побывала на заседании Петербургского комитета, который в результате победы искровского направления над «экономистами» выступил с заявлением о поддержке Ленина и линии старой «Искры». Информации о II съезде партии комитет еще не имел. Раскол на съезде был для него неожиданным. Члены комитета были уверены, что меньшинство будет противодействовать решениям съезда и поэтому необходима серьезная работа по укреплению партийных организаций. Нужно было развернуть, как указывал Ленин, революционную борьбу за создание подлинно революционной партии, партии нового типа.

Мария Моисеевна, зная, что за ней ведется слежка, вместо Киева выехала сначала в Одессу. По дороге она постаралась избавиться от шпиков, а приехав на место, сожгла паспорт Дешиной и проходное свидетельство и до неузнаваемости изменила свою внешность (из русой стала брюнеткой). Убедившись, что жандармы потеряли ее след, она поехала в Киев. Здесь Мария Моисеевна прописалась в гостинице по паспорту Инны Христофоровны Гоби.

Члены ЦК поручили делегатам съезда — Землячке и Д. И. Ульянову — информировать Марию Моисеевну о решениях II съезда и ознакомить с его материалами.

Только здесь Мария Моисеевна узнала от товарищей обо всем, что происходило на съезде, какие разногласия обнаружились в процессе работы съезда, какова позиция большинства в отношении местных комитетов и т. д. Здесь же ей впервые стало известно и о том, что члены ЦК в России поставили вопрос о кооптации ее наряду с другими товарищами в состав ЦК. Член ЦК Г. М. Кржижановский предложил ей объехать ряд городов с докладом о съезде, на что она с удовольствием согласилась.

Во время этой поездки Мария Моисеевна выступает с докладами о работе съезда, знакомит товарищей с планами работы ЦК, знакомится сама с составом комитетов, в случае нужды организует перераспределение его работников.

Большинство комитетов одобрило принципиальную линию большевиков.

В своих сообщениях в заграничный центр Мария Моисеевна писала, что партийные организации принимают резолюции о признании решений съезда и о подчинении ЦК. Она отмечала, что работа оживляется, тяга в партию у рабочих усиливается, вырос спрос на литературу, рабочие рвутся к действию, к открытым выступлениям.

В течение пяти месяцев Мария Моисеевна побывала в 15 городах и посетила 15 комитетов, некоторые из них — по два раза. Шпионы следовали за ней по пятам. Чтобы отделаться от них, ей приходилось всячески изворачиваться. То она одевалась под светскую даму, за что шпики из охранки дали ей кличку «Шикарная», то вдруг появлялась в виде деревенской женщины с узлом в руках.

После поездок по городам Центральный Комитет предложил Марии Моисеевне поехать в Женеву к Ленину с докладом о состоянии партийной работы в России и с тем, чтобы она временно заменила члена ЦК Ленгника, которого вызывали в Россию.

В начале февраля 1904 года она поехала в Женеву. Обстановка здесь была очень напряженная. Шла острая борьба с меньшевиками. Сообщение о том, что абсолютное большинство партийных организаций в России занимает правильные позиции, Ленин встретил радостно.

Мария Моисеевна твердо стояла на ленинских позициях.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях пишет, что Эссен вносила бодрость, которая рассеивала тяжелое настроение, создаваемое меньшевиками. ««Зверь», вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна веселой энергии, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дрязги как-то не задевали ее» [1].

К 1 мая 1904 года большевики решили выпустить совместно с меньшевиками листовку, выступить единым фронтом перед лицом международного пролетариата. Лениным был подготовлен проект листовки. ЦК одобрил его. Марии Моисеевне было поручено согласовывать его с Плехановым. Когда она приехала, Плеханов обрушился на ЦК партии. Мария Моисеевна возражала. Она рассказала Плеханову о настроениях рабочих в России, о резолюциях большинства партийных организаций, высказавшихся за решения II съезда, о том, что партийные организации настолько выросли, что умеют сами решать сложные вопросы партийной жизни, и т. д. Она говорила спокойно, имея задание Ленина не раздражать Плеханова и постараться заинтересовать его работой, которую делали большевики. Но из этого ничего не вышло. Плеханов отверг все предложения о совместной работе.

Разногласия с меньшевиками настолько усилились, что В. И. Ленин ставит вопрос о необходимости создания печатного органа и подготовки к созыву III съезда.

В начале августа 1904 года Мария Моисеевна участвует в первой конференции большевиков, известной под названием «конференция 22-х», после которой выезжает в Россию вести подготовку к III съезду. Перед этим по поручению В. И. Ленина она едет в Париж для переговоров с большевиками-литераторами об их работе в редакции газеты большевиков «Вперед».

В своих воспоминаниях Мария Моисеевна необычайно живо рассказывает о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным за границей. С восторгом и восхищением

[1] *Н. К. Крупская,* Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1957, стр. 83.

говорит она о том, какое было счастье работать с ним.

Марии Моисеевне не удалось участвовать в подготовке к III съезду партии. По доносу провокатора Житомирского она на границе России была арестована и отправлена в петербургский Дом предварительного заключения.

Об аресте Марии Моисеевны Ленин и Крупская узнали позднее. 14 августа Надежда Константиновна пишет Л. Х. Гоби в Московский комитет: «*Зверь* (Эссен) *провалилась*. Сообщите положение дел... *Есть ли связи с тюрьмой*. Не знаете ли чего о Звере? Получено ли письмо, где мы 19/VII спрашивали об этом».

В письме к Марии Ильиничне Надежда Константиновна запрашивает: «Напишите, что знаете о Соколе? Как он поживает?» И в письме к Гоби 30 октября Надежда Константиновна просит: «Сообщите самым подробным образом все, что знаете *о Соколе, есть ли с ним переписка?»*

Из тюрьмы Мария Моисеевна написала в Женеву письмо, в котором описала свой арест и предупредила о том, что в транспортной группе в Берлине находится провокатор. Письмо это было перехвачено и до адресатов не дошло. В этом письме Мария Моисеевна подчеркивала, что вне революционной борьбы она жить не может. «И без меня, конечно, жизнь пойдет, я знаю это, но мне-то без этой жизни не жить».

Мария Моисеевна в тюрьме не открывала своего имени. Ехала она в Россию по паспорту Уваровой. По фотокарточкам полиция установила, что она же Дешина и Гоби. Она все отрицала. Тогда ее решили судить как бродягу. Но это значило получить несколько лет каторги. Марии Моисеевне пришлось назвать себя настоящим именем.

Департаментом полиции было установлено, что Мария Моисеевна — «член партии, член ЦК и играла видную роль в партии», но фактов и доказательств у них не было, и министерство внутренних дел ограничилось приговором к ссылке на 5 лет на Крайний Север Архангельской губернии. Ссылка в Архангельскую губернию, а не в Сибирь объяснялась тем, что Сибирская дорога была занята

переброской войск на Дальний Восток; в это время шла война с Японией.

В тюрьме Мария Моисеевна получила письмо от Ленина и Крупской, в котором они писали ей о положении дел в партии, о том, что начинает выходить большевистская газета «Вперед», что появилось много хорошей молодежи. К этому письму была сделана приписка Лениным: «Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган объединит их вполне. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть... помните, что мы с Вами еще не так стары,— все еще впереди. Ваш *Ленин»* [1].

Во время следования по этапу в Архангельскую губернию она узнала много нового. Сидя в тюрьме во время январских событий 1905 года, Мария Моисеевна не могла знать всей широты движения, охватившего страну, и по мере того, как тюрьма заполнялась все большим количеством арестованных, ей казалось, что январские события закончились разгромом.

В арестантском вагоне она узнала, что вместо газеты «Вперед» начал выходить, согласно решению III съезда партии, большевистский «Пролетарий». Газета писала о росте революционного движения не только в крупных промышленных центрах, но и среди крестьянства, в армии и во флоте. Газета ходила по рукам. Люди горячо спорили о происходящих событиях и открыто высказывали свои взгляды, не опасаясь конвойных. Некоторые конвойные с интересом слушали о крестьянских волнениях, о забастовках. В случае приближения начальства предупреждали заключенных, прятали газеты и брошюры, просили разъяснить сущность споров и политических расхождений, а также различия политических партий.

Приехав в Холмогоры, Мария Моисеевна предъявила исправнику медицинское свидетельство о плохом состоянии здоровья, выданное тюремным врачом, и ей разрешили остаться на неделю в Холмогорах. Исправник хотел выяснить, не является ли назначенное ей место ссылки

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 34, стр. 241.

ошибочным, так как село Веркольское, где ей предстояло жить, было гибельным местом, куда даже мужчин не ссылали.

После того как неделя прошла, Мария Моисеевна под предлогом, что ее белье в стирке, попросила разрешения задержаться еще на день в Холмогорах, а ночью с помощью двух ссыльных товарищей на лодке бежала в Архангельск, а затем перебралась в Петербург. Она вначале работала в Бюро ЦК, затем в Петербургском комитете, который вел твердую ленинскую линию и поддерживал центральный орган «Пролетарий».

Огромную роль в дни революции сыграло открытие в начале сентября 1905 года дверей высших учебных заведений для проведения собраний, митингов, докладов. Петербургский комитет поручил Марии Моисеевне руководить работой всех студенческих организаций. Она организовывала собрания рабочих и студентов, подбирала докладчиков, намечала темы, спабжала материалами и информировала докладчиков и агитаторов о решениях Петербургского комитета, выдвинутых лозунгах и т. д.

Кроме этого, Марии Моисеевне было поручено усилить работу по организации боевых дружин. Формирование отрядов требовало больших усилий, оружия не хватало и достать его было трудно, занятия по стрельбе проводились далеко за городом.

После разгрома Московского вооруженного восстания условия работы усложнились. Царское правительство перешло в наступление. Начались обыски, аресты, усилилась слежка.

Однажды на квартиру, где жили Мария Моисеевна, А. М. Эссен и Л. Х. Гоби, явились жандармы. В квартире хранилось большое количество револьверов. Хотя обыск был поверхностный и оружие не было найдено, жандармы увезли с собой А. М. Эссена. Мария Моисеевна вместе с Л. Х. Гоби, забрав оружие, быстро покинули квартиру.

Мария Моисеевна перешла на нелегальное положение. Она перестала показываться на больших собраниях, которых становилось все меньше. Свою деятельность она сосредоточила в Василеостровском районе. Аресты стали

повторяться все чаще. Надвигалась реакция. Работа свертывалась.

В Москве прошла волна арестов. Там почти не оставалось партийных товарищей, которых не знала бы полиция.

Работать было некому, и Центральный Комитет направляет туда Марию Моисеевну и еще двух товарищей.

В Москве Мария Моисеевна была избрана в Московский комитет партии.

Работать в Москве было трудно. Негде было даже собраться. Либеральная интеллигенция, которая раньше охотно предоставляла свои квартиры для собраний, теперь захлопнула двери. Собираться приходилось в ночных чайных, на улицах глухих кварталов, в загородных парках. Трудно было вновь привыкать к подполью.

Московский комитет большевиков сосредоточил свою работу в районах, закрепляя свою связь с рабочими крупных предприятий. Мария Моисеевна была организатором городского района, где было много квалифицированных рабочих.

Несмотря на поражение декабрьского вооруженного восстания 1905 года, партия по призыву В. И. Ленина собирала силы к предстоящим боям.

После разгона правительством I Государственной думы Московский комитет направил Марию Моисеевну в Финляндию к В. И. Ленину, чтобы посоветоваться с ним по вопросам постановки партийной работы.

Приехав к Ленину, она рассказала ему о сложившейся обстановке в условиях наступления реакции, об отходе интеллигенции, о явном спаде революции. Владимир Ильич слушал внимательно, но, как ей показалось, недовольно и отчужденно: «Ну что ж,— сказал он.— ...Пока идет борьба, а она идет, что бы вы там ни говорили, надо не ныть, а действовать». И он дал ряд указаний о том, как надо действовать.

Вернувшись из Финляндии, Мария Моисеевна рассказала о том, что Ленин полон новых планов, кипит энергией. «Его не обескуражило временное поражение. Он предлагал извлечь из этого урок для дальнейшего наступления»,— говорила в своих воспоминаниях Мария Моисеевна.

В Москве Мария Моисеевна работала до конца 1906 года. Затем ее послали в Петербург, где в организацию проник провокатор и провалы следовали один за другим. Но развернуть работу ей не удалось, так как вскоре она тяжело заболела и была отправлена в больницу. Сказались 10 лет подпольной работы, тюрьмы, ссылки, побеги, личная неустроенность.

После выхода из больницы она вместе с мужем, у которого открылся активный процесс туберкулеза, уехала на Кавказ и отошла от активной партийной работы.

В 1911 году Мария Моисеевна была в Женеве и здесь вновь встретила В. И. Ленина.

В своих воспоминаниях она пишет:

«Ленин всегда был полон глубокой веры в творческие силы революционного рабочего класса. В 1911 году я видела его в Женеве. Он выступал с докладом, и меня изумил бодрый и, я бы сказала, вещий тон доклада. В то время, как иные из нас переживали настроение сумерек, считая, что реакция укрепилась надолго, Ленин утверждал, что близок новый подъем, что рабочий класс сейчас более созрел для революции, чем в 1905 году, что крестьянство поняло необходимость совместных действий с пролетариатом, учло неорганизованность и разрозненность своих выступлений, что правительство и правящие классы не в силах разрешить ни одного вопроса, что объективные и субъективные предпосылки для революции налицо и что она неизбежна и успех ее обеспечен, ибо партия, рабочий класс и крестьянство не повторят ошибок 1905 года, а извлекут из этих ошибок надлежащий урок... Последующие события подтвердили полностью вещие слова Ленина о том, что рабочий класс созрел для революции и что революция близка».

После Февральской революции 1917 года Мария Моисеевна была избрана депутатом Тифлисского Совета рабочих депутатов. С 1921 года она в течение ряда лет руководила отделом агитации ЦК Компартии Грузии, затем заведовала агитпропом Тифлисского комитета партии, отделом пропаганды и агитации Закавказского краевого комитета. Ею написана брошюра «Разоблачение меньшевизма», много статей, рецензии на историко-партийные книги.

С 1927 года Мария Моисеевна работала в Истпарте ЦК и много сделала для собирания и публикации воспоминаний и документов из истории нашей партии. Она была членом редакции журнала «Пролетарская революция» и выступала в нем со статьями и рецензиями по историко-партийным вопросам.

Много сил отдала Мария Моисеевна изданию произведений великих революционных демократов. Входила в редакционную коллегию 20-томного издания сочинений Салтыкова-Щедрина. К нескольким книгам этого собрания ею написаны предисловия.

Во время Великой Отечественной войны Мария Моисеевна вела большую работу в Союзе советских писателей, членом которого она состояла с 1938 года. Много написала она статей для Совинформбюро. Во всех статьях Мария Моисеевна выступает как страстный публицист против враждебной марксизму-ленинизму идеологии.

Литературная работа занимала большое место в ее жизни. Незадолго до смерти она написала книгу: «Первый штурм». Это ее воспоминания о революции 1905 года и о Ленине.

Мария Моисеевна показала Ленина как создателя революционной партии, как непримиримого противника оппортунизма, как гениального вождя, как чудесного человека.

До последних дней своей жизни Мария Моисеевна осталась пламенным пропагандистом ленинизма, интересовалась всем, чем жила Советская страна и ее героический народ.

Мария Моисеевна Эссен умерла в 1956 году на 85-м году жизни.

СОДЕРЖ

СЛАВНЫЕ БОЛЬШЕВИЧКИ

Редактор *В. Игнатьева*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственный корректор *Н. Вифляева*

Сдано в набор 30 декабря 1957 г. Подписано в печать 10 февраля 1958 г. Формат 84 $\times$ 108$^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 10$^{1}/_{8}$. Условн. печ. л. 16,605. Тираж 100 тыс. (1—25 000) экз. Уч.-изд. л. 14,45. А 01219. Заказ № 3173. Цена 5 р. 50 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

